ГОДЪ ДЕВЯТЫЙ

РУССКІЙ АРХИВЪ

ИЗДАВАЕМЫЙ

2. ПРИ 1871.

ЧЕРТКОВСКОЙ БИБЛІОТЕКѢ.

СОДЕРЖАНІЕ.

МОСКВА.

Типографія Грачева и К, у Пречистенскихъ воротъ, д. Шиловой.

1871.

Цѣна за 12 тетрадей съ пересылкою—семь рублей.

ГЛАВНѢЙШІЯ СТАТЬИ ВЪ ИСТОРИЧЕСКОМЪ СБОРНИКѢ „ОСМНАДЦАТЫЙ ВѢКЪ."

ПЕРВАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

Екатерина Вторая. Новыя свѣдѣнія, письма и бумаги, касающіяся ея родителей и ея пріѣзда въ Россію.

Переписка Екатерины II-й съ Московскимъ главнокомандующимъ, княземъ М. Н. Волконскимъ.

Политика Фридриха Великаго съ 1763 по 1775 г. Переведено и составлено княземъ *Павломъ Вяземскимъ*.

Дидро и его отношенія къ Екатеринѣ II-й, статья *М. Ѳ. Шугурова*.

Изъ записокъ *графа Е. Ѳ. Комаровскаго* (Екатерининское время).

Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго генералъ-губернатора (Переписка Екатерины II-й съ графомъ Броуномъ).

„Похожденіе извѣстныхъ Петербургскихъ дѣйствъ". Записка Малороссіянина о восшествіи на престолъ Екатерины II.

Письма, относящіяся къ восшествію на престолъ Екатерины II: а) *Адмирала Талызина* къ Н. И. Панину, б) *графа Дивіера* къ Е. И. Шарогородской (Сообщены *М. А. Оболенскимъ)*.

Procès-verbal du decès de l'Impératrice Catherine II (Запись о кончинѣ Императрицы Екатерины II-й).

Житіе Ѳеодора Васильевича Ушакова, съ пріобщеніемъ нѣкоторыхъ его сочиненій. Статья *А. Н. Радищева*. съ послѣсловіемъ издателя.

ВТОРАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

(ВЫШЛО ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ).

Письма о Россіи, въ царствованіе Петра II-го, въ Испанію *Дука де Лирія*, бывшаго первымъ Испанскимъ посланникомъ при нашемъ Дворѣ. Переводъ съ Испанскаго, священника *К. Л. Кустодіева*.

Густавъ Биронъ, братъ Регента, статья *Хмырова*.

Автобіографическое показаніе *Арсенія Мацѣевича*.

Семейство Разумовскихъ.—I. Графъ Алексѣй и Кирилла Григорьевичи. Статья *А. А. Васильчикова*, написанная на основаніи печатныхъ источниковъ, новооткрытыхъ архивныхъ бумагъ, писемъ и семейныхъ преданій.

Подробный азбучный указатель собственныхъ именъ, упоминаемыхъ въ первыхъ двухъ книгахъ „Осмнадцатаго Вѣка".

ПРАВДА О СУСАНИНѢ.

I. ВМѢСТО ПРЕДИСЛОВІЯ. ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ИЗДАТЕЛЮ РУССКАГО АРХИВА.

Протоіерей церкви села Домнина, Алексѣй Домнинскій, потомокъ отца Евсевія, священствовавшаго въ селѣ томъ во время спасенія царя Михаила Θеодоровича крестьяниномъ Иваномъ Сусанинымъ, доставилъ мнѣ прилагаемыя двѣ записки, введеніе къ нимъ и планъ мѣстности, разъясняющіе это событіе по мѣстнымъ преданіямъ. Вы признаете, быть можетъ, умѣстнымъ напечатать въ „Русскомъ Архивѣ" эти собранныя на мѣстѣ сказанія о томъ, какъ положилъ Сусанинъ жизнь за Царя. Хранятся они преемственно въ священническомъ родѣ, послѣдній представитель котораго и есть авторъ посылаемыхъ рукописей. Ему уже теперь болѣе 80 лѣтъ, и 4 года тому назадъ отпраздновалъ онъ пятидесятилѣтній юбилей своего священства въ Домнинѣ. Отецъ Алексѣй теперь хвораетъ, но былъ у меня нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ.

Г-ъ Костомаровъ, въ статьѣ своей „Иванъ Сусанинъ" (Истор. Моногр. т. I стр. 504) утверждаетъ: 1-е) что „преданіе о Сусанинѣ пришло къ Домнинцамъ отъ тѣхъ, которые почерпнули его изъ книгъ, а не обратнымъ путемъ отъ нихъ зашло оно въ книги"; 2-е), (тамъ же, стр. 485): „до XIX вѣка, сколько извѣстно, никто не думалъ видѣть въ Сусанинѣ спасителя Царской Особы"; — и 3-е) (стр. 504) „то, что *выдумали* про Сусанина книжники наши въ XIX вѣкѣ"... и т. д.

Кто же такіе были эти лукавые книжники, водившіе за собою мѣстный людъ по „Чистому Болоту" и научавшіе ихъ, что вотъ тутъ-то, подъ Красною Сосною,—перемерзли Поляки, а здѣсь, у Исупова, убили Сусанина?

Прежде всего о мѣстныхъ людяхъ. Г. Костомаровъ (стр. 504) говоритъ: „Знаютъ Сусанина только его праправнуки, которые, благодаря одному изъ своихъ предковъ, Богдану Собинину, пользуются правомъ не нести общихъ государственныхъ повинностей. Правда, они готовы показать въ лѣсу даже мѣсто, гдѣ жилъ Сусанинъ, когда отводилъ Поляковъ въ Домнино." Нѣтъ, они не покажутъ, потому что нынѣшніе обитатели Домнина—не праправнуки Сусанина; тѣ засѣли въ Коробовѣ (60 верстъ отъ Домнина еще съ 1633 года и переселились туда изъ разныхъ мѣстъ, наиболѣе изъ деревни Перевоза) послѣ перехода монастырскихъ имѣній въ казенное вѣдомство; прежде же сего перехода, какъ говоритъ отецъ Алексѣй, въ селѣ Домнинѣ „крестьянъ не было". На дняхъ, въ отвѣтномъ на запросы мои письмѣ, онъ объясняетъ это вотъ какъ: „Когда подъ владѣніемъ монастыря Новоспасскаго была Домнинская вотчина, тогда въ селѣ Домнинѣ не было крестьянъ, и пахотныя поля обработывались по селу крестьянами на монастырь. Кудаже дѣвались крестьяне, современники Сусанина? Этотъ вопросъ затруднителенъ. Пахотныя поля по селу Домнину не обширны; они сжаты съ сѣвера и востока рѣчькою Корбою, съ юга рѣкою Шачею, а съ запада деревнями Мауринымъ, Артемовымъ и Голодаевымъ; по сему думаю, что и при Сусанинѣ въ селѣ Домнинѣ не было крестьянъ*), и поля

*) Вотъ и отвѣтъ на слова г. Костомарова (стр. 487): „Если Поляки пришли въ село Домнино, гдѣ находился въ то время Царь, то ужь конечно нашли въ этомъ селѣ не одного Сусанина, который былъ при томъ житель не самаго села, но выселка. Въ такомъ случаѣ они пытали бы и мучили не одно лицо, а многихъ". Отчегоже не допустить, принимая толкованіе отца Алексѣя, что, въ моментъ подвига, Домнино было не село съ десятками или сотнями жильцовъ, а просто помѣщичья усадьба, приказанная одному приказчику Сусанину? *В. Д.*

пахотныя всѣ безъ остатка обработывались на помѣщиковъ; а что въ общеизвѣстной жалованной грамотѣ 1631 г. показано въ селѣ восемь дворовъ бобыльскихъ, то полагаю, что они переселены послѣ. Въ 1619 году Великая Старица съ сыномъ своимъ Царемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, ѣдучи къ преподобному Макарію Желтоводскому, заѣзжала и въ село Домнино; въ это-то время она, усмотря, что ея вотчина бѣдна угодіями, наипаче сѣнокосными, взяла на себя у сына своего четырнадцать пустошей, соприкосновенныхъ съ сѣверной стороны къ ея вотчинѣ и испосажала на нихъ своихъ крестьянъ; объ этомъ она упомянула въ своей жалованной грамотѣ. А какъ по селу Домнину хлѣбопашество ненужно ей стало, то въ этоже время поселила, полагаю, въ село изъ разныхъ деревень самыхъ бѣднѣйшихъ крестьянъ и отдала имъ всѣ по селу угодья. Когдаже крестьяне перешли во власть монастыря, то со временемъ начальство онаго заблаго разсудило всѣ поля по селу Домнину обработывать на монастырь, и крестьянъ изъ села выселить по деревнямъ. По сему въ духовной исповѣдной за 1728 годъ росписи по селу и не значится ни одного крестьянина". – Итакъ крестьянъ въ Домнинѣ не было. Зато священники въ немъ были „тутошные всѣ урожденцы",и притомъ съ незапамятныхъ временъ отъ одного рода, а потому неудивительно, что сіи преданія перешли отъ нихъ къ крестьянамъ. Вотъ эти-то „тутошніе" священники и должны быть тѣ книжники XIX вѣка, которые выдумали Сусанина!

Отецъ Алексѣй не даромъ указываетъ на „тутошныхъ". Ему, какъ побывавшему въ трясинахъ „Чистаго Болота", и въ голову не придетъ, что не тутошній, а наѣзжій — будь онъ чиновникъ, помѣщикъ, купецъ или одинъ изъ эмиссаровъ Щекатова, Глинки или самъ князь Козловскій *) наконецъ, станетъ водить крестьянъ по „Чистому Болоту", да закрѣплять въ памяти ихъ эпизоды Сусанинской трагедіи названіемъ живыхъ урочищъ. Такая попытка зимою невозможна, за сугробами и безлюдьемъ; а лѣтомъ—неимовѣрна, по опасностямъ отъ топей и оконъ и по утомительности подобнаго подвига, несовмѣстнаго съ Русскою лѣнью; не говорю уже еще объ одной, и едва-ли не главной, невозможности: такимъ „господамъ" косари не дали бы вѣры. А кромѣ косарей, которыхъ нужда гонитъ за сѣномъ, кто-же станетъ тамъ гулять! Домнино отстоитъ отъ ближайшаго торговаго тракта изъ Молвитина въ Буй, на 8 верстъ весьма дурной дороги; отъ ближайшаго-же почтоваго—болѣе чѣмъ на 20. Туда не многіе ѣдутъ, но никто не заѣзжаетъ, сельцо захолустное; ни торговаго, ни промышленнаго, ни административнаго значенія оно не имѣетъ; помѣщиковъ въ немъ нѣтъ; нѣтъ также въ приходѣ ничего выдающагося изъ ряда другихъ приходовъ Комстромской губерніи, отличающейся благолѣпіемъ сельскихъ церквей. Археологи-же наши на подъемъ тяжелы. Кому-же туда ѣхать для передачи народу книжныхъ измышленій?

Перехожу къ „тутошнымъ" книжникамъ XIX вѣка. — Ихъ двое: отецъ Алексѣй, священствующій съ 1818-го года по настоящее время, и отецъ его священникъ Даніилъ, рукоположенный еще при Павлѣ 1-мъ.

Въ вопросѣ о дѣйствительности событія, совершившагося 258 лѣтъ тому назадъ, за недостаткомъ объективныхъ доказательствъ, человѣку, дорожащему народною доблестью, не приходится обходить и субъективной стороны дѣла, т. е. критической оцѣнки той степени достовѣрности, какой заслуживаютъ передатчики преданія, признающіе правду его. Пусть за противниками ихъ, двигателями науки, стоитъ и обаяніе таланта, и заслуженно-громкая извѣстность; пусть мѣстные люди мысли дружно молчатъ, оставляя, вотъ уже 8 лѣтъ, безъ отвѣта статью г. Костомарова;—доводы ея все-

*) Авторъ исторіи города Костромы. *И. Б.*

же не на столько убѣдительны, чтобы должно было теперь-же вычеркнуть имя Сусанина изъ золотыхъ преданій Русскаго народа.

„Сохрани меня, Боже, лгать при концѣ жизни", говоритъ отецъ Алексѣй, и слова эти вполнѣ подтверждаются и всею его личностью, и искренностью тона его рукописей. Онъ воплощаетъ собою типъ Русскаго сельскаго священника въ хорошемъ смыслѣ слова: ростомъ великъ, сложенъ кряжемъ; руки, освоившiяся болѣе съ топоромъ и косою, чѣмъ съ перомъ, дрожатъ уже отъ старости; сѣдина — синеватая, здоровая; спокойныя линiи загорѣлаго лица говорятъ о жизни трудовой, но безъ лишеній, безъ страстей, безъ эксцессовъ; смотритъ прямо; ни въ поклонѣ, ни въ жестахъ, ни въ говорѣ ничего заискивающаго; уменъ просто, про свой обиходъ, не для показу; въ словахъ — ничего изысканнаго, даже немного книжнаго и кастоваго, за то очень много мѣстныхъ народныхъ оборотовъ рѣчи и произвольныхъ удареній. Однимъ словомъ, Макферсона изъ него не выкроешь. Но за то онъ не мало читалъ и къ вычитанному умѣетъ относиться критически, не принимая на вѣру словъ Глинки напр., или князя Козловскаго, а сопоставляя ихъ съ другими книгами, отвергая одно и соглашаясь съ другимъ въ томъ случаѣ, если это другое, по соображенiямъ съ мѣстностью и преданiемъ, кажется ему имовѣрнѣе и ближе подходитъ къ его личнымъ догадкамъ. Каждую изъ такихъ догадокъ онъ оговариваетъ, никогда не смѣшивая ихъ съ тѣмъ, что́ выслушалъ отъ народа. Трудъ его — конечно не трудъ ученаго, а лишь правдиваго и любознательнаго *мѣстнаго* человѣка, который передъ смертью попытался записать все, что́ довелось ему узнать про подвигъ Сусанина, и даже свести всѣ отрывочно ходящiя о томъ въ народѣ преданiя — въ связный разсказъ, т. е., онъ попытался сдѣлать то что́ лѣнь было сдѣлать восьми или девяти предкамъ его, жившимъ отъ Евсевiя до автора рукописей. Оставь они послѣ себя что либо писанное про Сусанина, — отецъ Алѣксѣй не могъ бы не знать объ этомъ. Что авторство — дѣло непривычное и для него, это видно на каждой страницѣ посылаемой рукописи. За то правдивости его не заподозрить. Такой человѣкъ и самъ — не „книжникъ", да не податливъ на передачу и чужихъ книжныхъ измышленій въ народъ.

Отъ современнаго намъ сына перехожу къ отцу, священнику Даніилу. Этотъ еще ставленникъ Павловскаго времени. Свѣдѣній про него уцѣлѣло не много; знаютъ только, что утопили его раскольники около 1814 года. Способенъ-ли онъ былъ проводить въ народъ вымыслы Щекатова, или даже ему передавать мѣстныя преданiя о Сусанинѣ, легко заключить изъ того, что родной сынъ его записываетъ такiя преданiя не со словъ отца, а со словъ стариковъ изъ народа, „кои", говоритъ от. Алексѣй, „содружны были съ моимъ родителемъ". „Родитель", надо полагать, относился довольно безучастно къ подвигу Сусанина: спросили у него крестьяне — онъ разсказалъ имъ что зналъ; не спрашивалъ сынъ смолоду, пока живъ былъ отецъ, послѣднiй не счелъ и нужнымъ по собственному побужденiю говорить ему объ этомъ. Да наконецъ, глядя на современныхъ намъ стариковъ изъ духовенства по деревнямъ, легко представить себѣ, какъ узко кругозоромъ и бѣдно научными интересами должно было быть развитiе заурядныхъ сельскихъ священниковъ въ концѣ минувшаго столѣтiя. Г. Костомаровъ недаромъ предѣлами XIX вѣка ограничиваетъ догадку свою о „книжныхъ" Сусанинскихъ вымыслахъ: раньше этого времени на такiя штуки нельзя найдти въ Домнинѣ и дѣльца. А безъ мѣстнаго разскащика, издавна излюбленнаго крестьянами и твердящаго заказанный урокъ двумъ-тремъ ихъ поколѣнiямъ сряду, придуманнаго значенiя живыхъ на Чистомъ Болотѣ урочищъ въ народъ не проведешь.

Еще одно замѣчаніе. На стр. 486 своей статьи г. Костомаровъ говоритъ: „въ грамотѣ царской говорится, что Царь былъ тогда *въ* Костромѣ, а у Щекатова онъ не въ Костромѣ, а въ Домнинѣ"; межъ тѣмъ какъ въ приводимой имъ-же на стр. 483-й подлинной грамотѣ сказано: „какъ мы, Великій Государь, въ 121-мъ году были *на* „Костромѣ". Предлоги „*въ*" и „*на*" не могутъ быть безпристрастнымъ изслѣдователемъ приводимы безразлично: смыслъ предлога „*въ*" при опредѣленіи мѣстности несравненно тѣснѣе и точнѣе предлога „*на*": идетъ-ли рѣчь о Костромѣ, слова „въ Костромѣ" ясно выражаютъ пребываніе только въ *городѣ* Костромѣ; межъ тѣмъ какъ выраженіе „*на* Костромѣ" гораздо неопредѣлительнѣе и шире. Костромою называется не городъ только, но и рѣка, и вся область, орошенная ея притоками, на одномъ изъ которыхъ лежитъ и Домнино. А что Великая Инокиня, напуганная всѣмъ, что видѣла въ Октябрѣ въ Кремлѣ и слышала на Москвѣ или изъ Москвы о крамолахъ родовитыхъ соискателей незанятаго престола, — прибывъ въ Кострому, не считала здѣсь сына вполнѣ безопаснымъ и, въ видахъ охраны его отъ подкупленныхъ убійцъ, могла отправить его съ вѣрнымъ слугою, Сусанинымъ, въ Домнино, какъ мѣсто откинутое и глухое,—это опять очень имовѣрно.

Записка отца Алексѣя доказываетъ, что теперешнее Домнинское населеніе, засѣвшее тамъ около вѣка тому назадъ, повторяетъ преданіе о Сусанинѣ со словъ отца и дѣда ея автора. Если отецъ его—еще современникъ Щекатова, одного изъ первыхъ проводниковъ (по мысли г. Костомарова) „книжнаго" о Сусанинѣ преданія въ народъ; то дѣдъ и его разсказы Домнинцамъ относятся уже къ тому XVIII вѣку, съ переходомъ въ который „книжные" вымыслы прекращаются, какъ говоритъ г. Костомаровъ-же. Съ чьихъ-же *словъ* (книгъ вѣдь объ этомъ предметѣ нѣтъ уже) ведетъ свои разсказы этотъ Иванъ Ѳедоровъ, дѣдъ автора? Со *словъ* своего отца и своихъ двухъ дѣдовъ, Матѳея Стефанова и Василья (1700 г.), отвѣчаетъ отецъ Алексѣй, также со словъ стариковъ, мѣстныхъ крестьянъ, прибавляя и свою догадку: — тѣхъ крестьянъ, которые были потомками если не Домнинскихъ современниковъ Сусанина, такъ его современниковъ-же изъ Исупова, Перевоза, Деревнища и другихъ ближайшихъ къ мѣсту событія деревень тамошней довольно густо-населенной уже и тогда мѣстности. Это все былъ народъ „тутошній", а не тѣ переселенцы кто откуда, которыми вѣкъ тому назадъ населено Домнино и которымъ доводилось быть только *слушателями* дьячка Ивана и священниковъ Даніила и Алексѣя.

Откуда-же ведетъ свое начало преданіе: изъ народа-ли къ Щекатову, Глинкѣ, Орлову и пр., какъ это ясно для всякаго безъ предвзятой мысли читателя записки отца Алексѣя, или изъ „книжныхъ вымысловъ въ народъ", какъ утверждаетъ г. Костомаровъ?

Не придется-ли усомниться и во второмъ его положеніи, что „до XIX вѣка „никто не думалъ видѣть въ Сусанинѣ „спасителя Царской Особы?"

На покушеніе отнять у народа кровную заслугу его, ему можно отвѣчать: „оставьте намъ пока нашу вѣру въ Сусанина и оставайтесь при своей учености, избирающей эпиграфомъ къ „Историческому Изслѣдованію" безпощадныя слова: „въ житіи семъ не мало, „но много писано неправды, и того ради *аще бы отъ части нѣчто было и* „*праведно писано, ни въ чесомъ же ему* „*вѣрити подобаетъ*".

Сердцемъ вѣруется въ правду.

Примите и пр.

Владиміръ Дорогобужиновъ.

15 Декабря 1870.

II. ВВЕДЕНІЕ.

Любителямъ отечественной древности историко-статистическая моя записка о селѣ Домнинѣ съ приложе-

ніемъ обстоятельствъ смерти Ивана Сусанина можетъ показаться несогласною съ изданными исторіями, а потому и невѣроятною. Это заставило меня выразить причины, по которымъ я такъ, а неиначе написалъ сію записку.

1. Историки говорятъ, что смерть Сусанина за жизнь Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича случилась въ Февралѣ или въ Мартѣ 1612-го года; а мнѣ думается, что это событіе случилось осенью 1612-го года, потому что въ нашей мѣстности зимою, въ Февралѣ или въ Мартѣ мѣсяцахъ, никакъ не возможно ни пройти ни проѣхать кромѣ проложенной дороги. Въ нашей мѣстности къ огородамъ и лѣсамъ наноситъ высокіе бугры снѣга въ сіи мѣсяцы, какъ составляющіе средину зимы; а историки между тѣмъ говорятъ, что Сусанинъ велъ Поляковъ все лѣсами и не путемъ и не дорогою. Впрочемъ и не одинъ же я такъ думаю; а есть нѣкто литераторъ, который прямо говоритъ, что 27-е Ноября, день достопамятный въ исторіи Русской: это день смерти Сусанина [1]).

2. Что Сусанинъ былъ старостою вотчиннымъ, это я считаю достовѣрнымъ потому, что слышалъ объ этомъ отъ двоюроднаго дѣда моего, престарѣлаго священника села Станковъ Михаила Ѳеодорова, воспитаннаго, вмѣстѣ съ роднымъ моимъ дѣдомъ, у дѣда ихъ, а моего прапрадѣда, Домнинскаго священника Матѳея Стефанова, урожденца Домнинскаго и умершаго около 1760-го года, а сей былъ внукъ Домнинскаго священника Фотія Евсевіева — самовидца упомянутаго событія. Сей въ дарственной грамотѣ отъ Великой Старицы Марѳы Іоанновны въ 1631-мъ году записанъ дьячкомъ при отцѣ своемъ священникѣ Евсевіѣ. Прибавлю къ этому, что во «Взглядѣ на Исторію Костромы» князя Козловскаго (примѣчаніе 71-е на страницѣ 157-й,) сказано, что въ одной древней рукописи, находящейся у издателя Отечественныхъ Записокъ, которая получена имъ въ Костромѣ отъ коллежскаго совѣтника И. Н. Назарова, говорится, что Сусанинъ увезъ Михаила въ свою деревню Деревнище, и тамъ скрылъ его въ ямѣ овина, за два дня предъ тѣмъ горѣвшаго, закидавъ обгорѣлыми бревнами. Эти два обстоятельства привели меня къ заключенію, что Сусанинъ зналъ уже заранѣе о прибытіи враговъ въ село Домнино. Да и подлинно, если они ѣхали отъ Костромы большою Вологодскою дорогою, пролегавшею тогда чрезъ деревню Перевозъ въ одной верстѣ отъ Домнина, то не трудно было имъ найти оное село.

3. Что касается могилы, найденной мною въ 1831 году подъ церковію, то совершенно не лгу и сохрани меня, Боже, лгать при концѣ жизни на истинну, хотя на историческую. Впрочемъ есть этому и свидѣтель, который еще живъ, — бывшій тогда причетникомъ при нашей церкви, а нынѣ заштатный священникъ села Спасскаго, въ Буйскомъ уѣздѣ, Василій Алексѣевъ.

4. Все сіе заканчивая и прилагая исторію сего важнаго въ Исторіи Россійской событія, мною составленную, въ смыслѣ означенной записки, прошу публику мои недостатки покрыть своею благосклонностію.

Протоіерей села Домнина Успенской церкви *Алексѣй Домнинскій.*

1870-го года Сентября 30-го дня.
Село Домнино.

[1]) Моск. Наблюд. Часть IX. 1836 года, стр. 375-я, статья не Я. М. Невѣрова ли? *П. Б.*

III. ИСТОРИЧЕСКО - СТАТИСТИЧЕСКАЯ ЗАПИСКА О ДОСТОПРИМѢЧАТЕЛЬНО-НОСТЯХЪ СЕЛА ДОМНИНА И ЦЕРКВИ ВЪ НЕМЪ СУЩЕСТВУЮЩЕЙ.

Приступая къ составленію записки о достопримѣчательностяхъ села Домнина, извѣстныхъ мнѣ по преданію и другимъ источникамъ, и къ точному описанію мѣстности, куда Сусанинъ завелъ Поляковъ въ 1612 году, за нужное считаю прежде всего благоразумію любителей отечественной древности предложить тѣ народныя преданія, кои въ продолженіи моего 48-ми лѣтняго *) служенія въ Домнинской церкви доходили до моего слуха, дабы вѣроятнѣе могло быть слѣдующее за тѣмъ описаніе.

Народныя Преданія.

1) Въ село Домнино пріѣзжали (1) паны съ собаками погубить Царя Михаила Θеодоровича.

2) Царь Михаилъ Θеодоровичъ спасся отъ пановъ на дворѣ подъ яслями коровьими (2).

3) Крестьянинъ Иванъ Сусанинъ былъ старостою въ господскомъ домѣ лѣтъ 30-ть (3).

*) Писано въ 1867-году.

1, Пріѣзжали не на саняхъ и не въ телѣгахъ, но на лошадяхъ-верхомъ (такъ разумѣетъ молва народная) съ собаками такими, кои по обонянію могутъ отыскивать слѣдъ человѣческій.

2, На господскомъ дворѣ и можно думать, въ сдѣланномъ заблаговременно подъ яслями коровьими секретномъ глубокомъ подвалѣ для сокрытія, на случай непріятельскихъ набѣговъ, господскаго имѣнія, жизненныхъ продовольствій и самыхъ даже семействъ. Таковыя секретныя мѣста, думаю, были въ тѣ времена во всѣхъ господскихъ домахъ и даже у самыхъ крестьянъ.

3, Что Сусанинъ былъ старостою, это полагаю справедливо, потому что первоначально о семъ слышалъ я отъ престарѣлаго села Станкова священника, который родился и былъ воспитанъ въ домѣ своего дѣда Домнинскаго священника Матѳея Стефанова, а сей былъ внукъ Домнинскому же священнику *Фотію Евсевьеву*, *самовидцу* описываемаго событія. Онъ въ жалованной грамотѣ значится дьячькомъ и наименованъ Фторомъ. Это я знаю потому, что отъ того же родоначальника происхожу, и имѣю на то документы. Домнинскіе старые крестьяне тоже говорили, что Сусанинъ былъ старостою.

4) Паны его мучили и кроили изъ спины ремни, чтобы онъ сказалъ имъ про царя Михаила Θеодоровича, но онъ ихъ обманулъ и провелъ лѣсами и оврагами на Чистое Болото къ селу Исупову (4).

5) Тамъ его изрубили непріятели на мелкія части.

6) Царь Михаилъ Θеодоровичъ самъ складывалъ въ гробъ изрубленныя его части.

7) Сусанинъ погребенъ подъ церковію, и туда каждаго дня ходили въ старину пѣть панихиды (5).

8) Дочь Сусанина Антонида (6) каждогодно ѣздила въ г. Москву въ гости.

9) Крестьянамъ тогда житье было самое хорошее.

10) Мать Царя Михаила Θедоровича наказывала Молвитинскимъ крестьянамъ не обижать ея крестьянъ (7).

4, То есть не въ другую какую либо сторону, а въ ту, гдѣ село Исупово, и не въ другое какое мѣсто, но именно на Чистое Болото.

5, Это слышалъ я отъ Домнинскихъ крестьянъ, кои содружны были съ моимъ родителемъ.

6. Вмѣсто Антониды молва ошибочно называетъ Степанидою.

7, Великая Старица, по воцареніи сына ея, можетъ быть, посѣщала когда нужна Домнино, и ей можетъ быть принесена было жалоба въ какой нибудь обидѣ на Молвитинскихъ крестьянъ, смежныхъ съ Домнинскими, и это сохранилось въ памяти.

11) Ахъ матушка наша была Оксинья Ивановна! (8).

12) Царя Михаила Ѳеодоровича провожали крестьяне изъ Домнина въ обозѣ съ сѣномъ (9).

13) Много припасено было Сусанинымъ про царя Михаила Ѳеодоровича ямъ, т. е. тайныхъ мѣстъ въ землѣ.

14) Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ закрытъ былъ отъ пановъ въ сгорѣвшемъ овинѣ (10).

15) Сусанинъ, по прибытіи пановъ въ Домнино, угощалъ ихъ хлѣбомъ-солью.

8, Въ мірѣ Ксенія, а въ монашествѣ Марѳа Ивановна извѣстна была въ народѣ потому, что можетъ быть она была урожденка Домнинская, и что можетъ быть при родителяхъ воспитывалась въ селѣ Домнинѣ.

9, Изъ опасенія, чтобы на дорогѣ не случилось ему такой же смертной опасности, какъ и въ Домнинѣ.

10, Должно быть и у зятя Сусанина въ деревнѣ Деревнищѣ приготовлено было мѣсто въ землѣ для укрывательства отъ набѣговъ непріятельскихъ. Въ исторіи о Костромѣ князя Козловскаго (1840 г. стр. 157) напечатано: „Въ одной древней рукописи, находящейся у издателя Отечественныхъ Записокъ, „сказано, что Сусанинъ увезъ Михаила въ „свою деревню Деревнище и тамъ скрылъ его „въ ямѣ овина за два дня передъ тѣмъ сгорѣвшаго, закидавъ обгорѣлыми бревнами"; а по моему за два дни передъ тѣмъ сгорѣлъ овинъ не случайно, а нарочно зажженъ; увезъ въ свою деревню Деревнище, по моему, Сусанинъ, явившійся къ Великой Старицѣ, вскорѣ по прибытіи ея изъ Москвы въ Кострому съ отчетами вотчинными; нашедъ ее въ смертельномъ страхѣ, по случаю прибывшихъ въ Кострому Поляковъ и узнавши всѣ ея тѣсныя обстоятельства, самъ выпросилъ Михайла Ѳеодоровича къ себѣ въ Домнино съ клятвою сохранить его, во что бы то ни стало; а, привезя въ Домнино, наказалъ зятю своему перевесть его, когда откроется удобный случай, изъ Домнина въ Деревнище. „За два дня передъ тѣмъ сгорѣвшаго„ это кажется означаетъ, что Сусанинъ привезъ Михайла Ѳеодоровича только за два дня до прибытія Поляковъ и при томъ такъ скрытно, что никто про него не зналъ кромѣ зятя и дочери.

16) Сверхъ того недавно слышалъ я отъ одного старика слѣдующій разсказъ. Хотѣли было убить Царя Михаила Ѳеодоровича паны и гнались за нимъ отъ Москвы до Костромы; «тамъ, сказали ему, кромѣ Ивана Сусанина, никто тебя спасти не можетъ». И пріѣхали было паны въ село Домнино съ собаками, спрашивали Сусанина про Царя Михаила Ѳеодоровича, мучили его и кроили изъ спины ремни; но онъ имъ не сказалъ про него и увелъ ихъ въ лѣсъ, да въ овраги, а оттуда на Чистое Болото; тамъ бросился было онъ черезъ рѣку, но враги схватили его и изрубили на мелкія части.

Всѣ сіи преданія извѣстны мнѣ большею частію отъ крестьянъ села Домнина, наипаче такихъ, кои близки были расположеніемъ своимъ къ моему родителю (11) и его предмѣстнику священнику Ивану Стефанову. Впрочемъ неизлишнимъ дѣломъ считаю сказать, что крестьяне села Домнина всѣ суть недавніе жильцы онаго; они всѣ переселились въ него изъ разныхъ селеній послѣ перехода монастырскихъ имѣній въ государственное вѣдомство, а прежде сего перехода въ селѣ Домнинѣ крестьянъ не было; за то священники въ немъ были тутошніе всѣ урожденцы, и при томъ съ незапамятныхъ временъ отъ одного рода; а потому не удивительно, что сіи преданія перешли отъ нихъ къ крестьянамъ.

11, Родитель мой и его предмѣстникъ происходили отъ двухъ братьевъ, священствовавшихъ въ Домнинѣ около 1700 года, Матѳея и Василья Стефановыхъ, изъ коихъ первой Матѳей первому (родителю автора) былъ прадѣдъ, а второй Василій предмѣстнику родителя автора былъ дѣдъ; а оныхъ священниковъ дѣдъ, тоже Домнинскій священникъ, Фотій Евсевьевъ былъ самовидцемъ описываемаго событія.

Село Домнино.

Изъ жалованной грамоты (12) данной Великою Старицею Инокинею Мареою Ивановною Новоспасскому Московскому монастырю въ 1631 году видно, что село оное въ древности принадлежало гг. Шестовымъ: Василью Михаилову и Ивану Васильевичу, дѣду и отцу Великой Старицы, и въ немъ былъ домъ ихъ, а потому можно думать и жительство.

Во время же заточенія Великой Старицы и мужа ея Ѳеодора Никитича Романова (въ послѣдствіи Всероссійскаго патріарха Филарета) и вообще во все время смутъ государственныхъ, Домнино съ деревнями къ нему принадлежавшими было, по преданію, подъ управленіемъ крестьянина Ивана Сусанина (13), который постоянно жилъ въ селѣ Домнинѣ и который по сему въ грамотѣ, Коробовскимъ бѣлопашцамъ данной, именованъ Домнинскимъ крестьяниномъ. По восшествіи на Всероссійскій престолъ Царя и Великаго Князя Михайла Ѳеодоровича и по смерти Сусанина, до 1631 года, оно состояло въ собственномъ владѣніи Великой Старицы и было подъ особеннымъ управленіемъ князей Волконскихъ, а потому называлось дворцовымъ. Здѣсь-то было начало разнообразныхъ страданій Сусанина за безопасность Михайла Ѳеодоровича, невиннаго отрока, коему вся Россія предлагала и за тѣмъ вскорѣ предложила Царскій вѣнецъ. Враги отечества, поймавъ его въ лѣсу недалеко отъ Домнина, возвратили его въ домъ господскій и, за предложеннымъ отъ Сусанина угощеніемъ, предлагали ему и деньги и почести, чтобы сказалъ имъ, гдѣ находится Михайлъ; но Сусанинъ, знавши всѣ ихъ коварные противъ отечества замыслы, твердо и рѣшительно сказалъ имъ: «Михаилъ остался въ лѣсу». Побои, бичеванія и наконецъ мучительныя пытки не могли измѣнить его слова. Утружденные непоколебимымъ его терпѣніемъ, враги рѣшились за нимъ ѣхать въ лѣсъ и тамъ искать Михаила (14).

Чрезъ Домнино въ древности пролегала (какъ видно изъ межевой книги (15) составленной въ 1630 году княземъ Васильемъ Романовичемъ Волконскимъ) отъ г. Костромы въ гг. Галичь и Вологду большая дорога

12, Копіи съ грамоты жалованной и съ книгъ, межевой и землемѣрской, о коихъ упомянуто будетъ ниже сего, находятся у меня. Изъ нихъ первая и послѣдняя засвидѣтельствованы въ 1765 году Марта 29 дня у межевыхъ дѣлъ городовъ Судиславля и Буя, и подписаны инженеръ-поручикомъ Сергѣемъ Рожновымъ, а вторая безъ конца. Впрочемъ подобная ей копія съ окончаніемъ, писанная въ 1663 году, засвидѣтельствована тѣмъ же инженеръ-поручикомъ Рожновымъ. Всѣ сіи три копіи, равно и прочіе того же времени документы въ копіяхъ, какъ-то послушная государственная грамота, выпись на Костромское монастырское подворье, купчая Александра Аѳонасьева Полозова, Государева грамата на Кострому къ писцу князю Василью Волконскому въ спорномъ межевомъ дѣлѣ, жалованная грамота отъ Царя и Великаго Князя Алексѣя Михаиловича на село Домнино и проч., были представляемы въ 1850 году въ Костромскую Палату Государственныхъ Имуществъ для снятія съ нихъ копій.

13, Преданіе говоритъ, что Сусанинъ былъ старостою.

14, Это было осенью; сочинитель письма о новой оперѣ „Жизнь за Царя,“ къ Московскому Наблюдателю изъ С. Пбурга отъ 10 Декабря 1836 года подъ литерами Я. Н., напечатаннаго въ этомъ энциклопидическомъ журналѣ того же 1836 г. (части IX, стр. 375) пишетъ: 27 Ноября день достопамятный въ исторіи Русской; это день смерти Сусанина, и обстоятельства сего событія и мѣстность села Домнина не позволяютъ думать, чтобы произшествіе сіе случилось зимою, а не осенью.

15, Копія съ оной у меня хранится, какъ сказано выше сего, и въ ней тамъ, гдѣ ме-

въ память коей существуетъ понынѣ на краю Домнинской вотчины къ сѣверу за рѣчькою Водышемъ пустошь Ямъ, которая вмѣстѣ съ деревнею Сѣдельники была за ямскими охотниками, какъ сказано въ землемѣрной книгѣ, тѣмъ же княземъ Волконскимъ въ 1636 году составленной. Съ 1631 года, по силѣ вышеозначенной жалованной грамоты, село Домнино съ деревнями состояло во владѣніи Новоспасскаго Московскаго монастыря и было управляемо особыми монастырскими прикащиками; по переходѣ же монастырскихъ всѣхъ вообще въ государствѣ вотчинъ въ собственность государственную, перешло и оно въ вѣдомство сперва Костромской Казенной Палаты, а потомъ Палаты Государственныхъ Имуществъ.

Нынѣ село Домнино состоитъ въ Буйскомъ уѣздѣ на правой сторонѣ рѣки Шачи. Съ сѣвера оно заслонено горою, и тамъ къ сѣверо-западу, за пахатными полями, версты полторы отъ него, была пустошь Коршуны, одною стороною соприкосновенная къ рѣчькѣ Корбѣ, гдѣ съ вѣроятностію думать можно, Поляки въ 1612 году изымали (16) Сусанина, какъ изображено въ грамотѣ, Коробовскимъ бѣлопашцамъ данной. Огромный лѣсъ на сей пустоши истребленъ уже въ наше время; съ сѣверо-востока вдали, за пахатными полями, окружаетъ его помянутая рѣчька Корба, начало свое берущая не далеко за деревнею Деревеньки (а попрежнему Деревнище) гдѣ жилъ зять Сусанина Богданъ Собининъ. Сія рѣчька времянно течетъ мимо многихъ селеній, сначала неглубокимъ и неширокимъ издоломъ, а потомъ (начиная съ деревни Коростелей) по глубочайшему и обширному суходолу, по обѣимъ сторонамъ коего множество овраговъ, т. е. глубокихъ и обширныхъ проточинъ. Сіи овраги и вообще вся рѣчька въ древности окружены были дремучими лѣсами, и по симъ то лѣсамъ и оврагамъ достопамятный Сусанинъ водилъ враговъ отечества Поляковъ, алкавшихъ крови Богоизбраннаго на Всероссійскій престолъ отрока Михаила Ѳеодоровича Романова.

Къ югу, востоку и западу видъ села Домнина такъ открытъ, что на дальнемъ разстояніи взору представляется множество селъ и деревень, изрѣдка развѣ только видны нѣкоторые перелѣски; а къ западу сверхъ того видны торговое село Молвитино и пролегающая чрезъ него изъ г. Костромы въ г. Буй большая торговая дорога; къ востоку же видно и то болото, гдѣ доблестный Сусанинъ геройски положилъ жизнь свою за жизнь Царя и Великаго князя Михайла Ѳеодоровича.

Скажемъ еще нѣчто о рѣчькѣ Корбѣ. Она втекаетъ въ рѣку Шачу подъ деревнею Перевозомъ (17) разстояніемъ отъ села Домнина не болѣе

жа проходила чрезъ сіи дороги, онѣ много разъ упомянуты.

16, Скрывши Михаила Ѳеодоровича на дворѣ въ секретномъ мѣстѣ, Сусанинъ вѣрно удалился въ лѣсъ не изъ страха предстоявшихъ пытокъ, но для того, чтобы враги, не найдя никого въ домѣ, скорѣе удалились изъ Домнина, и чтобы вѣроятнѣе показать имъ, что нѣтъ Михаила Ѳеодоровича въ домѣ; а какъ пустошь Коршуны недалеко отъ Домнина, то не трудно было найти его.

17, Памятникъ событій въ церкви и отечествѣ 1816 года, издан. Якова Орлова подъ 20 числомъ Марта мѣсяца стр. 333, говоритъ, что Поляки вмѣстѣ съ Сусанинымъ ночевали на постояломъ дворѣ, а г. Глинка (Рус. Истор.) говоритъ, что враги въ тотъ же день къ полуночи очутились въ непроходимомъ лѣсу. Считая послѣднее справедливымъ, полагаю, что они остановились въ деревнѣ Перевозѣ, которая тогда существовала и которой миновать было нельзя.

одной версты. Въ сей деревнѣ, по наступленіи ночи, казалось бы, надлежало Полякамъ прекратить свой поискъ; но злодѣи нетерпѣливы, имъ несвойственно медлить. Возобновя жестокія пытки надъ Сусанинымъ и видя великодушное его терпѣніе, подумали они, что и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, Михаилъ Ѳеодоровичъ, избѣгая ихъ поиска, уже сдѣлавшагося довольно гласнымъ, ушелъ далѣе. Они рѣшились спуститься подъ гору и съѣхали на болото, надѣясь на чуткость собакъ съ ними бывшихъ, въ томъ чаяніи, что темнота ночная не помѣшаетъ симъ животнымъ отыскать ими искомаго. Между тѣмъ они и не замѣтили, что симъ самымъ они сдѣлали свободнымъ сообщеніе между Домнинымъ и дерев. Деревнищемъ и дали удобный случай зятю Сусанина переместить Михаила Ѳеодоровича изъ Домнина въ свою деревню, и тамъ подъ сгорѣвшимъ за два передъ тѣмъ временемъ дни овиномъ, въ приготовленной заранѣе ямѣ, закрыть его обгорѣвшими бревнами.

Чистое Болото.

Оно носитъ издревле сіе имя потому, что орошено страдальческою кровію незабвеннаго Сусанина и окружено со всѣхъ сторонъ высокими горами. Начинаясь подъ деревнею Перевозомъ, простирается вверхъ по рѣкѣ Шачѣ къ востоку не менѣе какъ на пять верстъ; а на срединѣ сего разстоянія, тамъ гдѣ впадаютъ въ сію рѣку рѣчьки: съ сѣвера Водышъ, а съ юга Пичежъ, отклоняется еще на югъ не менѣе какъ на пяти-верстное же разстояніе. Идучи отъ деревни Перевоза, видишь по ту и по другую сторону рѣки Шачи сѣнокосные луга, а у сѣвернаго подгорья по топному и грязному мѣсту кочья съ мелкимъ кустарникомъ вплоть до того мѣста, гдѣ бываетъ по зимамъ съ сѣверной на южную сторону къ селу Исупову дорога. За сею-то дорогою вверхъ по рѣкѣ до устья, гдѣ рѣчьки соединяются съ оною, издали видишь какъ бы хорошіе и гладкіе луга, но это столь зыбкія и топныя мѣста, что съ трудомъ и опасностію крестьяне-владѣльцы оныхъ въ лѣтнее время и только сухое косятъ растущую тамъ осоку, мечутъ оную на высокіе подмостки и перевозятъ домой зимой только во время морозовъ; а вдоль луговъ сихъ по нагорной сѣверной сторонѣ по топному же грунту видишь высокія въ ростъ человѣческій кочья съ мелкимъ то березникомъ, то ивнякомъ. Между сими кочьями впрочемъ противъ деревни Анфёрова на болото есть тропа, по которой идучи видишь безпрестанно сосновые пни и коренья, — признакъ, что въ древности тутъ былъ строевой лѣсъ (18); а подъ самою горою обширное, пустое и продолговатое мѣсто, на подобіе поляны, безъ травы, безъ лѣсу и безъ кочьевъ, но топное, зыбкое, и чтобы пройти по нему опасно, наипаче осенью и послѣ дожжей. Это по народному нарѣчію «Бѣль», на коей только къ западу есть небольшое возвышенное мѣсто съ высокою, но уже подсохшею сосною. Болото сіе во всемъ своемъ обширномъ объемѣ окружено, какъ сказано, высокими горами, и сіи горы всѣ почти заселены многолюдными селеніями, дачи которыхъ, на болотѣ семъ состоящія, имѣютъ каждая свое названіе, и только одна та дача, которая за зимнею дорогою вверхъ по

18, Въ означенной землемѣрной книгѣ объ ней много разъ упоминается.

рѣкѣ Шачѣ, какъ сказано, версты на полторы носитъ названіе Чистаго Болота. Здѣсь то, думаю, постигла мученическая смерть Сусанина, память котораго нынѣ съ благоговѣніемъ чтитъ вся Россія. Иначе нѣтъ причины, почему ей называться чистою (19).

На страшныя сіи мѣста впрочемъ пріятно смотрѣть весною съ горы; лишь только появится оттепель, и вода начнетъ выливаться изъ береговъ, прилетаетъ сюда множество разнаго рода птицъ для вывода дѣтей; тогда услышишь вечеромъ, какъ они играютъ, плещутся, кричатъ и поютъ, всякая своимъ голосомъ и тономъ.

19, Въ прошлое лѣто я ходилъ по симъ мѣстамъ и хотѣлъ было ближе подойти къ устью, гдѣ рѣчька Водышъ соединяется съ рѣкою; но проводникъ мой сказалъ мнѣ: неподходите, тутъ зыбкое мѣсто. Избѣгая опасности, я пошелъ было внизъ по рѣкѣ, но чуть-чуть не попалъ въ наполненную водою и заросшую осокою яму (каковыхъ, на подобіе полыней на рѣкѣ Волгѣ, зимою по всему болоту много). Тутъ родился во мнѣ какой-то страхъ, и воображенію моему представилось: вѣрно здѣсь доблественнаго Сусанина постигла мученическая смерть. Недаромъ же молва народная говоритъ: „что и поганые Поляки губители, сами тутъ же погибли“. Въ самомъ дѣлѣ, насытя злобу свою жертвою имъ въ руки попавшею и столь хитро ихъ обманувшею, должны же были они подумать и о своей безопасности. Но куда же ѣхать? Назадъ тѣми же мѣстами! Но въ деревнѣ Перевозѣ могли они встрѣтить толпу крестьянъ вооруженныхъ, крикъ коихъ можетъ быть доходилъ до ихъ ушей. Далеко вверхъ по рѣкѣ? Но этому гибельному пространству еще и конца не видно. Чрезъ рѣку? Но она непроходима, вся заросла высокимъ на подобіе лѣса тростникомъ и еще не замерзла. На сѣверъ къ ближайшему на горѣ видимому селенію? Но густой и огромной лѣсъ непроходимъ. Нашли же однако тропу, обрадовались въ надеждѣ найти тамъ пріютъ и отдохновеніе; пробираясь чрезъ пни и коренья и безпрестанно погружаясь въ грязь еще не совсемъ замерзшую, какъ обрадовались было они, увидя подъ горою обширную поляну; съ радостью и стремительно бросились къ ней, но попали въ грязь и въ грязь необыкновенную и обширную. Тутъ-то обмокшихъ и въ грязи утомившихся отъ напряженія силъ постигла ихъ осенняя продолжительная ночь; а сильный холодъ довершилъ ихъ погибель. Не даромъ же въ народѣ красная подсохшая сосна на сей гибельной полянѣ слыветъ проклятою: быть можетъ подъ нею, или около нея они за смѣлый и дерзновенный свой подвигъ нашли себѣ достойную награду—могилу!

Церковь въ селѣ Домнинѣ

въ историческомъ ея отношеніи.

Изъ вышеписанной жалованной грамоты и изъ землемѣрной книги, составленной въ 1636 году княземъ Васильемъ Романовичемъ Волконскимъ, видно, что церковь сія въ древности была во имя Воскресенія Христова и была устроена тщаніемъ и иждивеніемъ Василья Михайловича и Ивана Васильевича гг. Шестовыхъ (20), дѣда и отца Великой Старицы Инокины Мареы Іоанновны. Была она деревянная, шатровая, но какой фигуры, неизвѣстно. Снабжена была иконами, ризами, книгами и колоколами. Изъ иконъ доселѣ имѣются въ церкви: образъ Воскресенія Христова на празелетіи, бывшій тогда мѣстнымъ, и другой образъ Воскресенія Христова же, малаго размѣра, да образъ Одигитріи Божіей Матери; всѣ сіи иконы и прочая утварь упомянуты въ означенной грамотѣ. Характеръ письма первой изъ сихъ иконъ заставляетъ думать и о другихъ многихъ иконахъ, что онѣ писаны въ одно время и однимъ иконописцемъ. Изъ книгъ того времени есть только двѣ: Евангеліе съ средникомъ и евангелистами серебряными (позолота отъ древности стерлась) и требникъ,—обѣ печатаны при свят. патріархѣ Филаретѣ Ники-

20, Въ означенной землемѣрной книгѣ между прочимъ сказано о церкви Домнинской: „и всякое церковное строеніе прежнихъ вотчинниковъ и мірское“, а о Хрипилевской только: „и всякое церковное строеніе мірское“.

тичѣ. Изъ утвари — крестъ напрестольный, обложенный по дереву тонкимъ серебромъ и потиръ оловянный—оба ветхіе; полагаю, относятся къ тому же времени. Изъ колоколовъ —два малые, зазвонные, по преданію, заведены гг. Шестовыми; но колоколъ, пожалованный Государемъ, Царемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, разшибенъ и перелитъ около 1800 года. Старшіе жители села Домнина увѣряютъ, что на немъ было изображено Воскресеніе Христово, и по краямъ высѣчены слова: «отъ Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича въ церковь села Домнина». Церковь сія, построенная гг. Шестовыми, была передѣлана въ 1649 году при Царѣ и Великомъ Князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. Въ ней были два престола, одинъ къ югу, а другой къ сѣверу; первой во имя Успенія Божіей Матери, а второй во имя святителя и чудотворца Николая. Иконостасы устроены были рядомъ въ одну линію и позолочены, а надъ ними подъ потолкомъ утверждена была неширокая доска съ словами, показывавшими время построенія храма, царствовавшаго тогда государя и патріаршествовавшаго іерарха Іосифа. Сія церковь уже въ наше время въ 1831 году по ветхости разобрана и употреблена, съ разрѣшенія епархіальнаго начальства, на обжигъ кирпича для ограды. О непрерывномъ ея существованіи сначала построенія свидѣтельствуютъ, кромѣ вышесказанныхъ книгъ и иконъ, многія богослужебныя книги, печатанныя при Царѣ и Великомъ Князѣ Алексѣѣ Михайловичѣ и находящіяся понынѣ въ цѣлости. Съ южной стороны подъ предѣлъ Успенія Божіей Матери устроенъ былъ входъ, дверь коего отъ долговременности такъ была угружена въ землю, что при сломкѣ церкви виденъ былъ только верхній косякъ. Преданіе же говоритъ, что туда подъ церковь ходили пѣть панихиды. И въ самомъ дѣлѣ послѣ разборки церкви подъ придѣломъ Успенія Божіей Матери въ томъ же 1831 году при взрытіи могилы для одного умершаго младенца въ глубинѣ земли открытъ былъ гробъ, и въ немъ останки мужескаго тѣла: черепъ и волосы были цѣлы, а въ изголовьѣ была найдена фарфоровая чайная чашка съ яркими на выпуклости цвѣтами. Думать можно, что тѣло сіе было похоронено у самой стѣны церковной; при распространеніи же церкви закрыто было предѣломъ Успенія Божіей Матери. На всемъ пространствѣ, какое занимала церковь своимъ зданіемъ, кромѣ означенной, ни одной могилы болѣе не открыто. Церковь сія, снаружи великолѣпная, внутреннее благолѣпіе тоже имѣла отличное; искусно устроенный иконостасъ искусно былъ и вызолоченъ; нѣкоторыя части онаго есть въ каменной церкви. Посему, представляя въ умѣ своемъ приходъ оной церкви не болѣе, можетъ быть, полутораста душъ крестьянскихъ, или еще и менѣе, по соображенію съ духовною 1728 года вѣдомостью, при церкви хранящеюся, думать себѣ позволяю, что или Новоспасскій монастырь отъ своихъ доходовъ за богатую вотчинную отъ Великой Старицы вкладу, или по его же ходатайству Царь и Великій Князь Алексѣй Михайловичъ своими щедротами, восполнилъ недостатокъ прихожанъ въ возобновленіи храма, еще не забытаго какъ по отношенію храмоздателей его предковъ гг. Шестовыхъ, такъ и по мѣсту погребенія крестьянина, не подорожившаго своею жизнію за жизнь

отца его Царя и Великаго Князя Михаила Өеодоровича.—Если то правда, какъ говоритъ преданіе, что Сусанинъ погребенъ подъ церковію, то думать можно, что по сей самой причинѣ на мѣсто одного священника Евсевія, упомянутаго въ означенной грамотѣ, опредѣлены были два—и оба дѣти Евсевія, какъ видно изъ упомянутой землемѣрной книги. Впослѣдствіи же времени, какъ видно изъ означенной 1728 года вѣдомости, были уже не два при ней, а три священника; и по сей-то, полагаю, причинѣ Новоспасскій монастырь, не смотря на скудость вотчинныхъ угодій, къ церковнымъ дачамъ сдѣлалъ очень значительную изъ своихъ угодій прибавку. Сія прибавочная дача и по нынѣ носитъ названіе—«приданница».

Къ сему не лишнимъ считаю прибавить и то, что Великая Старица Инокиня Марөа Ивановна для распространенія благочестія въ своей вотчинѣ, дозволивъ отдаленнымъ отъ Домнина крестьянамъ устроить другой храмъ для богослуженія на той рѣкѣ Шачѣ близъ деревни Шипилова, и устроенной ими въ скоромъ времени за поспѣшностію изъ стараго строенія, повелѣла ознаменовать именемъ Архистратига Михаила изъ благоговѣнія къ нему, какъ грозному воеводѣ силъ небесныхъ, почитая его своимъ и всей Россіи избавителемъ отъ всѣхъ вражескихъ нахожденій. А какъ крестьяне оные вскорѣ за тѣмъ соорудили еще храмъ новый, то сей повелѣла она ознаменовать именемъ боголѣпнаго Преображенія Господа и Бога Спаса нашего Іисуса Христа, въ знакъ своей Господу благодарности за воззваніе сына ея изъ состоянія крайняго истощенія во славу Царя всея Россіи. Село сіе Хрипили, какъ ново-возникшее и какъ мало приходное, въ грамотѣ ея названо сельцомъ, и приходскими деревнями онаго были только седьмь селеній.

Сверхъ того, заботливо помышляя о безбѣдномъ продовольствіи своихъ крестьянъ, она изъ государевыхъ пустошей сына своего Царя и Великаго Князя Михаила Өеодоровича взяла на себя (21) пустошь что бывалъ Водошскій Ямъ и къ нему четырнадцать пустошей; испосажала на нихъ своихъ крестьянъ и приходомъ причислила ихъ къ той же Хрипилевской церкви, а потому при ней опредѣлила двухъ священниковъ.—Впрочемъ сіи на пустошахъ водворенные крестьяне за дальностію отъ Хрипилевской церкви въ послѣдствіи времени въ Водошскомъ Яму соорудили свою, во имя Введенія Божіей Матери, церковь, которая однакожъ существовала недолго; послѣ нея нынѣ видимо одно кладбище, да въ Домнинской церкви хранится толковое Евангеліе. Нынѣ существующая въ селѣ Домнинѣ церковь каменная во имя Успенія Божіей Матери съ двумя предѣлами: во имя Тихвинской Божіей Матери и Святителя Чудотворца Николая; началась строиться тщаніемъ и иждивеніемъ прихожанъ въ 1810 году и окончена построеніемъ въ 1817 году; по сему въ слѣдующемъ 1818 году и освящены оба предѣла. Въ настоящемъ же храмѣ богослуженіе началось съ 1827 года. Она устроена на томъ самомъ мѣстѣ, по преданію, гдѣ стоялъ домъ Великой Старицы, и гдѣ она съ сыномъ своимъ, послѣ бывымъ Царемъ и Великимъ Княземъ Михаиломъ Өеодоровичемъ, повремянно жила, и устроена по внушенію священника тогда бывшаго, единст-

21, О семъ сказано въ концѣ жалованной грамоты.

венно съ тою цѣлію, чтобы тамъ, гдѣ Промыслу угодно было сохранить отъ поисковъ Польскихъ жизнь родоначальника нынѣ благополучно и со славою царствующихъ Императоровъ, всегда возносима была безкровная жертва. Сія-то нынѣ церковь красуется, какъ вѣнцемъ радужнымъ, многими щедротами въ Бозѣ почившаго Императора Николая Павловича. Онъ, усмотрѣвъ изъ частной записки, поданной Ему однимъ свѣтскимъ чиновникомъ, урожденцемъ Домнинскимъ, что церковь въ прежде бывомъ дворцовомъ селѣ Домнинѣ имѣетъ многіе недостатки и по бѣдности прихожанъ бѣдствуетъ въ своемъ благолѣпіи, благоволилъ въ 1850 году изъ Царскихъ Своихъ сокровищъ выслать 2,625 рублей серебромъ, на каковую сумму всѣ значительныя по построенію ветхости и недостатки исправлены подъ распоряженіемъ Костромской Палаты Государственныхъ Имуществъ; при томъ высланы: новое Евангеліе, обложенное серебромъ, крестъ напрестольный, потиръ съ принадлежностями, ковчегъ, дароносица и ковчегъ для теплоты, всѣ серебрянные съ позолотами, съ финифтяными на приличныхъ мѣстахъ изображеніями и со стразами. Высланы еще священно и церковно-служительскія вдвойнѣ облаченія; на всѣ три престола и на всѣ жертвенники одежды, а къ царскимъ вратамъ занавѣсы и прочее. За расходомъ же оной суммы на всѣ сіи предметы остатокъ, 243 рубли серебромъ, употребленъ въ прошедшемъ 1856 году на устройство новаго въ лѣвомъ предѣлѣ и богатаго по благолѣпію иконостаса.

Деревня Деревенька (а попрежнему Деревнище)

Она принадлежитъ къ той же, что и село Домнино, вотчинѣ; лежитъ на сѣверо-западъ отъ Домнина неболѣе трехъ верстъ разстояніемъ на рѣчькѣ Корбѣ. Въ ней жилъ зять Сусанина Богданъ Собининъ и дѣти его—Данило и Константинъ, а можетъ быть въ молодости въ ней жилъ и самъ Сусанинъ до того времени, какъ взятъ былъ во дворъ господскій для управленія вотчиною. При жизни Великой Старицы половина оной деревни была обѣлена, т. е. освобождена отъ всѣхъ податей, пошлинъ и налоговъ, а въ ней тогда было только два двора. Замѣчательно при семъ то, что въ вышеозначенной жалованной грамотѣ они, дѣти Богдановы, записаны наряду съ прочими крестьянами, и объ обѣленной, то есть безоброчной землѣ ни сколько не упомянуто. Архимадритъ Ново-спаскаго монастыря, какъ изображено во второй грамотѣ, Коробовскимъ бѣлопашцамъ данной, ихъ бѣлопашцевъ очернилъ, т. е. сталъ брать на монастырскіе доходы наравнѣ съ прочими крестьянами; по сему-то мать ихъ вдова Антонида, дочь Сусанина, и обратилась о семъ съ жалобою къ Царю и Великому Князю Михаилу Ѳеодоровичу, а по сему то и дана имъ, вмѣсто половины деревни Деревнища, цѣлая пустошь Коробово близь села Краснаго, верстахъ въ 60-ти отъ Домнина.

Село Исупово.

Оно лежитъ на юго-востокъ отъ села Домнина по прямой линіи въ 8-ми верстахъ, на ровномъ скатѣ невысокой горы, съ восточной стороны при болотѣ, посреди коего течетъ рѣчька Пичежъ, соединяющаяся ниже деревни Митюрева съ рѣкою Шачею; по обѣимъ сторонамъ сей рѣчьки мѣста столь же зыбкія, какъ и на Чистомъ Болотѣ. Съ прочихъ трехъ сторонъ село Исупово окружено пахотными полями

и разными деревнями. Къ ясному и точному понятію описываемаго мною событія, т. е. того достославнаго подвига, коимъ Сусанинъ пріобрѣлъ себѣ столь громкое въ потомствѣ имя, считаю за нужное прибавить и то, что изъ деревни Деревеньки въ село Исупово зимняя дорога бываетъ чрезъ деревни: Павлово или Голодаево, черезъ село Домнино, чрезъ деревню Перевозъ, черезъ Чистое Болото, и наконецъ чрезъ деревню Митюрево; а если нужно туда ѣхать, миновавъ Домнино, то не иначе какъ чрезъ деревни Павлово же, Коростели, Антипово, Перевозъ, или Холмъ и наконецъ Митюрево же. Деревни сіи во время Сусанина существовали; какъ показываетъ означенная жалованная грамота; лѣтомъ чрезъ Чистое Болото вовсе не бываетъ дороги, даже и для пешеходовъ.

IV. ЗАПИСКА ИЛИ СВОДЪ ПРЕДАНІЙ.

По очищеніи Москвы отъ Поляковъ въ 1612-мъ году, когда начались собранія всѣхъ чиновъ — воинскихъ, гражданскихъ и духовныхъ, для совѣщанія объ избраніи главы государства, и когда на сихъ собраніяхъ, по мнѣнію бывшаго патріарха-мученика Гермогена, упоминаемо было, преимущественно предъ прочими, имя Михаила Ѳеодоровича изъ роду Романовыхъ, какъ единственной, хотя то и по женской линіи, отрасли пресѣкшагося Рюрикова дома, то мать Михаила Ѳеодоровича Инока Марѳа Іоанновна, напуганная несчастною кончиною Годунова и Шуйскаго, позорною смертію самозванцевъ, звѣрскими и безчеловѣчными поступками Поляковъ въ время осады въ Кремлѣ, притомъ зная стремленіе Польскаго Владислава завладѣть Россійскимъ царствомъ, рѣшилась для уклоненія отъ царской, высокой и вмѣстѣ опасной, почести, уѣхать съ сыномъ своимъ Михаиломъ изъ Москвы въ Кострому. Здѣсь она думала жизнь свою провести покойно, предполагая, что за отбытіемъ ихъ изъ Москвы изберутъ на царскій Всероссійскій престолъ кого нибудь изъ опытныхъ мужей, помимо ея еще юнаго и неопытнаго сына. Но въ Москвѣ было не то, что она думала: тамъ всѣ чины, какъ бы огорчась самовольнымъ ея отбытіемъ, всѣ даже тѣ, коимъ хотѣлось сей почести, соединились въ одну думу: быть Царемъ Михаилу Ѳеодоровичу Романову, отъ племени праведнаго Государя и Великаго Князя Ѳеодора Іоанновича.

Въ Костромѣ остановилась она въ своемъ домѣ у самаго Воздвиженскаго женскаго монастыря. — Вѣсть сія о предназначеніи Михаила Ѳеодоровича на царство скоро донеслась въ непріятельскую армію. Не опуская изъ вида главной цѣли: покорить Россію Польской державѣ, тамъ, въ воинскомъ совѣтѣ, положили послать отрядъ смѣлыхъ охотниковъ въ Кострому для погубленія Михаила Ѳеодоровича, дабы продолжить междуцарствіе и тѣмъ легче достигнуть своей цѣли.

Вѣсть о посланныхъ въ Кострому изъ непріятельской арміи тоже скоро донеслась въ Москву; по сему, какъ о назначеніи Михаила Ѳеодоровича на царство, такъ и о посланныхъ Польскихъ злодѣяхъ для погубленія его, извѣстили Иноку Марѳу Ивановну; но извѣстіе сіе дошло до нея въ то самое время, когда враги царства Русскаго прибыли уже въ предмѣстіе Костромы и чрезъ своихъ доброхо-

товъ изыскивали средства къ исполненію своего намѣренія.

Извѣстіе сіе о назначеніи сына ея на царство и о прибытіи враговъ къ Костромѣ съ какими она приняла чувствами, можетъ выразить только тотъ кому сказано: готовься къ смерти.

И въ это-то самое время — въ минуты отчаянія, прибылъ къ ней управитель-староста Домнинской вотчины Иванъ Сусанинъ. Отъ домашнихъ ея узналъ онъ, что сынъ ея Михаилъ преднареченъ на Всероссійскій царскій престолъ и что по сему Поляки, исконные враги царства Русскаго, уже близь Костромы съ тою цѣлію, дабы погубить его и опять Святую Русь ввергнуть въ пагубное безначаліе.

Исполненный совершенно-безусловною преданностію къ своимъ благочестивымъ господамъ и праведною местію къ врагамъ своего отечества за буйства ихъ, Сусанинъ какъ огнемъ воспламенился ревностію за новоизбираемаго Царя и, явясь предъ лицо Инокини Марѳы Ивановны, съ клятвою сказалъ: Отдай мнѣ Михаила Ѳеодоровича, я сохраню его для Святой Россіи, скрою его, и пусть враги его рѣжутъ меня, пусть терзаютъ, ломаютъ, не скажу про него. Крестьянская голова недорога, а дорога царская; а скрыть его есть гдѣ у меня.

Отрадныя сіи слова такъ подѣйствовали на сердце Инокини Марѳы Іоанновны, что она тотъ же разъ, не выжидая, что можетъ быть явились бы ревнители православной Россіи и изъ гражданъ Костромы, согласилась отпустить съ Сусанинымъ своего сына въ Домнино; и Михаилъ Ѳеодоровичь, напутствованный молитвою и благословеніемъ матери, ночью въ крестьянской одеждѣ выѣхалъ изъ города и прибылъ въ Домнино ночью же безъ всякой о себѣ огласки. Здѣсь онъ тотчасъ скрылся на дворѣ въ подземномъ тайникѣ и закрытъ былъ коровьими яслями; а Сусанинъ каждый день съ самаго ранняго утра до поздняго вечера уходилъ въ лѣсъ рубить дрова.

Поляки, выжидая случая достигнуть своей злокозненной цѣли, наконецъ узнали, что Михаила нѣтъ въ Костромѣ, и что онъ выбылъ не иначе какъ въ Домнино съ Сусанинымъ, многими замѣченнымъ тогда въ Костромѣ. И поспѣшно погнались они за ними, думая догнать на дорогѣ и тутъ же совершить свое злодѣйство.

Но Михаилъ прибылъ въ Домнино за двои сутки до своихъ злодѣевъ; а Сусанинъ тогда же приказалъ зятю своему въ деревнѣ Деревнищѣ Богдашкѣ Собинину зажечь овинъ съ разлашеніемъ въ народѣ, что овинъ сгорѣлъ отъ сушки хлѣба, а въ самомъ дѣлѣ, чтобы при набѣгѣ непріятелей перемѣстить туда Михаила и закрыть обгорѣлыми головнями,—дабы и собаки, находящіяся съ Поляками, не могли по обонянію узнать сокрытаго.

Чрезъ двои сутки Поляки дѣйствительно прибыли въ Домнино; обыскавши весь домъ господскій, все дворовое строеніе и всѣ дома въ селѣ и не найдя ни Михаила, ни Сусанина, обратились было въ деревню Деревнище, на мѣсто жительства зятя Сусанина; но на дорогѣ въ лѣсу нашли кого надобно было, спросили о Михаилѣ Ѳеодоровичѣ гдѣ онъ и, услыша отвѣтъ, что онъ ушелъ въ лѣсъ за охотою, не повѣрили, воротились въ Домнино, потребовали угощенія и за угощеніемъ предлагали ему и деньги и все, что ему угодно и почести; но, слыша отъ Сусанина одно: «Михаилъ остался въ лѣсу», взя-

лись за крутыя мѣры. Мѣры сіи открылись во всѣхъ родахъ пытокъ, какія только были извѣстны католическому изувѣрству. Чудное дѣло! И подъ пытками сердце Сусанина, напитанное св. вѣрою и любовію къ св. Руси, не дрогнуло, не измѣнило своей клятвѣ—спасти Михаила.

Не успѣвши побѣдить терпѣніе его, они приказали ему вести ихъ въ лѣсъ; прибывши туда, откуда взятъ, они возобновили надъ нимъ пытки, но и здѣсь геройское его мужество не ослабѣло, онъ все тоже говорилъ: «Михаилъ ушелъ въ лѣсъ».

Враги, удивляясь его терпѣнію, подумали, что можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ Михаилъ остался въ лѣсу, приказали вести ихъ туда, и Сусанинъ повелъ ихъ по теченію рѣчьки Корбы, текущей временно по глубочайшему и обширному суходолу, на крутыхъ окраинахъ коего по обѣимъ сторонамъ множество тоже глубокихъ овраговъ, заросшихъ дремучими лѣсами. Здѣсь онъ заранѣе сдѣлалъ слѣды въ разныя стороны, дабы враги съ своими собаками, блуждая по симъ слѣдамъ и кидаясь то въ ту, то въ другую сторону, то на тотъ, то на другой берегъ рѣчьки, могли утомиться; поискъ ихъ продолжался до самой ночи, а между тѣмъ Сусанинъ безпрестанно громкимъ крестьянскимъ голосомъ кричалъ: Михаилъ Ѳеодоровичъ! Михаилъ Ѳеодоровичъ! давая врагамъ знать, что онъ ихъ якобы не обманываетъ. Наконецъ достигли деревни Перевоза въ одной верстѣ отъ Домнина. Свечеряло. Враги отъ труднаго и продолжительнаго поиска въ самомъ дѣлѣ утомились и пожелали отдохнуть; остановясь въ крестьянской избѣ и пресытившись водкою, они, пьяные, связавши вожака своего, положили среди себя; скоро заснули (ихъ стражами были собаки) заснули, не замѣтя, что они отклонились къ востоку, сдѣлали свободное сообщеніе между Домнинымъ и деревнею Деревнищемъ, и тѣмъ дали удобный случай зятю Сусанина по предварительному приказанію его перемѣстить Михаила въ свою деревню и тамъ подъ сгорѣвшимъ овиномъ въ ямѣ закрыть его головнями. Злодѣи скоро проснулись, и казалось бы, въ осеннюю, продолжительную ночь, надлежало прекратить поискъ, но злодѣи нетерпѣливы, имъ несвойственно медлить. Возобновя надъ Сусанинымъ пытки, дабы еще испытать его правду и видя безпримѣрное его терпѣніе, подумали, что и въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, Михаилъ, избѣгая ихъ преслѣдованія, уже сдѣлавшагося гласнымъ, ушелъ далѣе, рѣшились тоюже ночью спуститься подъ гору и съѣхали на болото, надѣясь на чуткость собакъ съ ними бывшихъ, въ томъ чаяніи, что темнота ночная не помѣшаетъ симъ животнымъ отыскать искомаго. Подъ горою между раменнымъ лѣсомъ и рѣкою сперва ѣхали они за Сусанинымъ по замерзшему твердому лугу; но, отъѣхавши не болѣе версты, земля подъ ногами ихъ начала мѣстами гнуться, и наконецъ достигли до такихъ мѣстъ, гдѣ частыя полыньи и мало замерзшая земля далѣе ни идти, ни ѣхать не позволяли. Сусанинъ бросился было за рѣку, но ледъ подогнулся, затрещалъ. Тутъ-то враги узнали обманъ, схватили его и изрубили на части. Собаки бросились было терзать части, но враги запретили имъ: имъ не до того было; имъ надлежало спасать жизнь свою. Конецъ извѣстенъ (*).

(*) Сличи превосходное возраженіе Костомарову С. М. Соловьева въ № 76 газеты „Наше Время" 1862 г. *П. Б.*

ДѢЛО О КНЯЗѢ ЧЕРКАССКОМЪ.

1733—1734.

Въ №№ 7-9 журнала „Заря" прошедшаго года помѣщено очень любопытное и доселѣ мало извѣстное дѣло князя Александра Андреевича Черкасскаго, бывшаго Смоленскимъ губернаторомъ при Аннѣ Ивановнѣ. Но въ „Зарѣ" оно напечатано не вполнѣ; нѣкоторыя весьма важныя дополнительныя бумаги по этому дѣлу принесены въ даръ Чертковской Библіотекѣ *Николаемъ Семеновичемъ Стромиловымъ*, получившимъ ихъ отъ одного изъ помѣщиковъ Александровскаго уѣзда, Московской губерніи. Бумаги эти суть современные подлинники, писанные знаменитымъ Остерманомъ, подписанные императрицею Анною. Для лучшаго уразумѣнія этихъ драгоцѣнныхъ автографовъ, предпосылается нижеслѣдующее связное изложеніе всего дѣла о князѣ Черкасскомъ. *П. Б.*

*

Въ Октябрѣ мѣсяцѣ 1733 г. императрица Анна получила писанное въ Гамбургѣ донесеніе, что у нея въ государствѣ не все покойно: что дворяне-помѣщики и административныя лица Смоленской губерніи (тогдашней западной окраины Россіи) замышляютъ втихомолку свергнуть съ себя иго Русскаго подданства; что заговоръ не ограничивается однимъ Смоленскомъ, но связанъ съ броженіемъ въ Польшѣ, съ Малороссіей и даже съ Турціей. — Все это пополнилось впослѣдствіи увѣреніями доносчика, будто бы Смоленскіе тузы при всякомъ удобномъ случаѣ пьютъ за здоровье Голштинскаго принца, становясь при этомъ на колѣна; будто въ Смоленскѣ существуетъ цѣлое тайное общество, члены котораго узнаютъ другъ друга по особымъ знакамъ, которые носятъ въ видѣ бантовъ или пучковъ изъ лентъ; наконецъ будто бы Русскіе подданные зовутъ себя слугами Голштинскаго герцога и чаютъ отъ него всякихъ милостей. Въ подтверженіе сказаннаго, къ доносу прилагались письма: кн. Черкасскаго къ герцогу, генерала Александра Потемкина (мож. быть отца Потемкина-Таврическаго) къ Станиславу Лещинскому и другія не менѣе важныя письменныя улики.

Чтобы понять, какъ подобное извѣстіе должно было подѣйствовать на Анну и ея правительство въ лицѣ Бирона, надобно только вспомнить обстоятельства того времени. Анна была выбрана на престолъ Русскій совершенно случайно и тотчасъ по пріѣздѣ встрѣтилась съ попыткою сдѣлать ее орудіемъ въ рукахъ знатныхъ фамилій. Правда, съ Долгорукими она раздѣлалась счастливо, посадивъ ихъ въ крѣпкія тюрьмы „за важныя государственныя преступленія"; но и послѣ этого нельзя было оставаться въ покоѣ: въ Голштиніи жилъ опасный совмѣстникъ, внукъ Петра Великаго, а по мнѣнію многихъ воцареніе этого принца было бы счастіемъ для Россіи; въ Польшѣ работали іезуиты и Станиславъ Лещинскій; Малороссія казалась также опасною по сосѣдству съ враждебной Турціей. Внутри народъ Русскій былъ раздраженъ и озлобленъ какъ противъ личности временщика, такъ и противъ системы управленія, — постоянныхъ рекрутскихъ наборовъ, доимочныхъ указовъ и правежа, не щадившаго ни крестьянъ, ни дворянства, ни духовенства. Неудачи Русской партіи при дворѣ и успѣхи Нѣмцевъ [1]) сердили большинство народа, а

[1]) Въ этомъ отношеніи характеристичны приписываемыя Черкасскому слова: „овладѣли черти святымъ мѣстомъ, а именно Нѣмцы; за то и хлѣбъ не родится." (Заря, Сент. Приложенія, стр. 284).

еще больше высшій кругъ знати, которая принуждена была раззоряться для удовлетворенія страшныхъ требованій безумно-роскошнаго двора.

Минуты переживались тяжелыя, и въ одну-то изъ нихъ явилось донесеніе, написанное человѣкомъ, который самъ былъ дѣятельнымъ членомъ заговора. Приходилось вѣрить и принимать сильныя мѣры. Тотчасъ извѣстный Ушаковъ получаетъ приказъ отправиться въ Смоленскъ съ отрядомъ войска и неограниченнымъ полномочіемъ въ дѣйствіяхъ: ему предоставлено забирать себѣ въ подмогу солдатъ и арестовывать всѣхъ невозбранно. Впрочемъ — отправка сильной военной команды не могла въ то время возбудить подозрѣнія: тогда много Русскихъ войскъ шло въ Польшу для утвержденія Августа на спорномъ престолѣ.

Семену Нарышкину въ Глуховъ былъ также посланъ приказъ содѣйствовать въ розыскѣ Ушакову. Но потомъ сообразили, что и самъ Нарышкинъ можетъ оказаться причастнымъ заговору; а потому Ушаковъ получилъ наставленіе остерегаться его и, въ случаѣ нужды, взять подъ арестъ [2]). — Такъ какъ въ приложенномъ къ донесенію письмѣ Смольянъ на имя Лещинскаго обѣщалась ему помощь въ количествѣ 2500 человѣкъ, то Ушакову рекомендовано было слѣдить за „подвигами Смоленскихъ обывателей" и расположить въ окрестностяхъ Смоленска побольше военной силы.

Ушаковъ немедленно отправился, взявъ съ собою генералъ-майора Бахметева и полковника Шамердина. Пріѣхавъ въ Смоленскъ, онъ арестовалъ обвиняемыхъ: губернатора Черкасскаго со всѣмъ его домомъ, генерала Потемкина съ семействомъ, Корсаковъ и другихъ. Начался розыскъ, и заговоръ принялъ если не бо́льшіе размѣры, то по крайней мѣрѣ бо́льшую опредѣленность. Доносчикъ Милашевичъ привлекъ къ дѣлу Бѣльскаго старосту Потоцкаго и его приближенныхъ, а это не могло казаться пустяками: Бѣльскъ былъ гнѣздомъ іезуитовъ и сторонниковъ Лещинскаго.

Пошли допросы, очныя ставки и пытки въ застѣнкахъ. Начались въ показаніяхъ доносчика противорѣчія, и противорѣчія немаленькія. Дѣло было перенесено въ Петербургъ, и 22 Мая 1734 года у Милашевича выпытано окончательное показаніе, которымъ уничтожалась вся грандіозность первыхъ доносовъ, и дѣло сводилось къ измѣннической попыткѣ двухъ лицъ, — попыткѣ далеко недоведенной до конца и легко объяснившейся отчасти общимъ чувствомъ раздраженія Русскихъ противъ Нѣмецкаго правительства, отчасти личною злобою заговорщиковъ на Петербургскій дворъ.

Сообразно съ производившимся цѣлый годъ розыскомъ мы прослѣдимъ предшествовавшія событія 1732 и 1733 годовъ, давая конечно не столько вѣры доносчику, сколько повиннымъ самого Черкасскаго и другихъ причастныхъ лицъ. Въ разсказъ нашъ будутъ по возможности занесены лишь тѣ факты, которые подтверждаются согласными показаніями обвиненныхъ и не противорѣчатъ общему смыслу дѣла.

При дворѣ Екатерины Ивановны Мекленбургской [3]) служилъ камеръ-пажемъ Смольянинъ-юноша Ѳедоръ Ивановъ Красный-Милашевичъ. Долго ли онъ былъ въ этой должности, изъ дѣла не видно. Причина увольненія въ точности также неизвѣстна; можетъ быть виною тому былъ докт. Блументростъ, которому не нравились частыя появленія Милашевича въ домѣ цесаревны Елизаветы Петровны [4]), или помощь, которую Милашевичъ оказывалъ Потоцкому при свиданіяхъ этого послѣдняго съ цесаревною въ одномъ изъ укромныхъ доми-

[2]) Слова инструкціи Ушакову: „до кого бы ни дошло, *не смотря ни на чье лице*, за караулъ взять". (Заря, Іюль, стр 214)

[3]) Дочь Ивана V Алексѣевича и Прасковьи Ѳедоровны. Умерла 14 Іюня 1733 года. (См. Энцикл. Словарь Русскихъ учен. и литер. Отд. II, т. I-й, стр 513)

[4]) Заря. Августъ, Истор. мат. стр. 237.

ковъ Греческой слободы [5]), или же камеръ-пажъ былъ уличенъ въ какихъ-то непозволительныхъ торговыхъ сдѣлкахъ съ купцомъ Баро, у котораго бывалъ и Потоцкій [6]) — рѣшить трудно, да и не особенно важно въ настоящемъ случаѣ. Важно то, что пажа прогнали. Обиженный этимъ, озлобленный на дворъ и на правительство, посвященный въ закулисныя тайны двора — въ родѣ того, что всевластный Биронъ ведетъ тайкомъ, чрезъ купца Фермана, выгодную для себя и убыточную для другихъ торговлю, молодой человѣкъ отправился на родину, въ Смоленскъ, не видя возможности поправить испорченную карьеру.

Пріѣхавъ въ деревню къ отцу, Ивану Михаиловичу, Ѳедоръ вскорѣ посѣтилъ Смоленскъ и тамъ представился мѣстному начальнику губерніи, князю Александру Алексѣевичу Черкасскому, дальнему родственнику сидѣвшаго тогда въ кабинетѣ Анны дѣйствительнаго статскаго совѣтника Черкасскаго [7]). Отцу Милашевичъ не сказалъ ничего о своемъ невольномъ отъѣздѣ изъ Петербурга, во первыхъ потому, что не хотѣлъ огорчить его, во-вторыхъ не ожидалъ отъ него существенной помощи въ своемъ горѣ. Дѣло другое — губернаторъ. Ѳедоръ зналъ, что Черкасскій извѣстенъ герцогу Голштинскому съ хорошей стороны; что онъ, отправленный изъ Петербурга по милости Бирона въ Смоленскъ [8]), также имѣетъ свои причины обижаться на правительство, — значитъ, съ этой стороны можно было разсчитывать и на сочувствіе и на помощь.

Милашевичъ не ошибся. Бывши однажды въ гостяхъ у Семена Корсака, впослѣдствіи припутаннаго имъ къ дѣлу, онъ заинтересовалъ губератора своимъ печальнымъ видомъ и получилъ отъ него приглашеніе посѣтить его домъ, не ради однаго приличія, а чтобъ имѣть возможность поговорить откровенно [9]). — Вслѣдъ за этимъ Милашевичъ приходитъ къ Черкасскому. Разговоръ ихъ естественно склонился на дурныя стороны тогдашняго царствованія, на жадность Бирона, на переходъ всей власти въ руки его и его клевретовъ, на Долгорукихъ и на ихъ бѣдственное положеніе, на выгоды республиканскаго порядка, хоть такого напримѣръ, какъ въ Польшѣ и т. д. и т. д. Губернаторъ, отчасти искренне, а отчасти и для ободренія уволеннаго камеръ-пажа, обвинялъ правительство въ неумѣньи и нехотѣньи выбирать и беречь достойныхъ людей, въ покровительствѣ глупцамъ и въ гоненіи на мало-мальски смыслящихъ [10]). Затѣмъ собесѣдники перешли къ „конъюктурамъ будущаго“, т. е. къ наслѣдію престола послѣ недолговѣчной (по мнѣнію губернатора) Анны. Обоимъ имъ пришелъ прежде всего въ голову внукъ Петра I, Голштинскій принцъ. Воцареніе его легко могло быть для иныхъ возвращеніемъ добраго стараго времени и старой чести, а тѣмъ болѣе могъ такъ думать Черкасскій, который пользовался прежде милостью Голштинскаго герцога и былъ имъ приглашаемъ на службу въ Голштинію [11]). Всѣми этими соображеніями и воспользовался губернаторъ, чтобы ослѣпить неопытнаго пажа перспективою выгодъ службы герцогу и принцу, будущему императору Всероссійскому. Въ самомъ дѣлѣ, — на родинѣ Милашевичъ не видѣлъ для себя въ переди ничего особенно утѣшительнаго: Нѣмцы дѣйствительно всѣмъ завладѣли. Были у него, правда, рекомендательныя письма отъ Потоцкаго въ Польшу; но ѣхать туда

[5]) Слобода эта не существуетъ, какъ должно полагать, уже съ 1738 года (См. Планы Петербурга. Цылова. Спб. 1858.)

[6]) Заря, Іюль, Истор. мат., стр 214 и 215.

[7]) Былъ сначала Тобольскимъ губернаторомъ (см. Родословную Книгу кн. Долгорукаго стр 42)

[8]) Заря, Августъ, Истор мат., стр. 237.

[9]) Тамъ-же.

[10]) Заря, Авг., Истор. мат. стр. 238, 239, 259, 261, 263 и др.

[11]) Тамъ же, стр 238, 259, 266.

значитъ вполнѣ надѣяться на авось, — между тѣмъ какъ Голштинія должна была казаться ему чѣмъ-то близкимъ, почти роднымъ, а тутъ еще Черкасскій божится, что и самъ бы туда отправился, да семейныя обстоятельства не позволяютъ! Разсчетъ прямой—подслужиться герцогу теперь, чтобы имѣть право на милость его дома въ лучшія времена. Но какъ это сдѣлать? Предложить къ услугамъ только свою особу, —это еще не много; по крайней мѣрѣ Черкасскому хотѣлось бо́льшаго. И вотъ онъ, взявъ съ Милашевича слово быть скромнымъ, сообщаетъ ему свой проэктъ —заявить герцогу и принцу, что не они одни готовы служить имъ вѣрою и правдою; что за ними стоитъ еще цѣлая толпа недовольныхъ дворянъ, стольже преданныхъ Голштинскому дому [12]). Для правдоподобія сто́итъ только сочинить подложное письмо отъ какого-нибудь именитаго лица, напримѣръ отъ генерала Потемкина, да пріобрѣсти какимъ бы то ни было путемъ рядъ шляхетскихъ подписей къ присягѣ въ вѣрности. Можно кромѣ того подать надежду на содѣйствіе Малороссіи, и дѣло будетъ сдѣлано,—дѣло вѣроятное, если принять во вниманіе общее недовольство Анною, и дѣло выгодное, если принять во вниманіе ея „недолговѣчность“ и права принца на дѣдовскій престолъ [13]).

Ѳедоръ вышелъ отъ губернатора смущенный рискомъ предпріятія, но въ то же время сильно обольщаемый надеждою создать себѣ видное положенія въ свѣтѣ. Отъ такого состоянія духа не далеко было до полной рѣшимости.—Какъ же тутъ поступить? Безъ отцовскаго благословенія ѣхать нельзя, но и разсказать ему о задуманномъ дѣлѣ опасно. Милашевичъ выбираетъ средній путь: онъ сообщаетъ отцу о своемъ желаніи ѣхать за границу„ учиться“.

— Не съ нашей сумой ѣздить въ чужіе краи, отвѣчаетъ ему разсудительный и ничего особеннаго не подозрѣвающій старикъ.

— Вы только благословите, а я ужь надѣюсь сыскать для этого средства, проситъ сынъ, имѣя въ виду обѣщанное губернаторомъ вознагражденіе [14]) и зная притомъ, что отецъ не рѣшится отпустить его въ дорогу съ пустыми руками.

Старикъ согласился. Послѣ этого Ѳедоръ отправляется снова къ Черкасскому, чтобы порѣшить дѣло и условиться въ подробностяхъ.

Черкасскіи не сталъ колебаться („дѣйствовалъ безъ умыслу и въ затмѣніи“, какъ явствуетъ изъ его повинныхъ): онъ написалъ отъ себя къ герцогу [15]) рекомендательное письмо посланцу своему Милашевичу; сочинилъ подложную эпистолу отъ имени Потемкина такого содержанія, что онъ, Потемкинъ, вмѣстѣ съ другими дворянами—шляхтою Смоленской губерніи, пребываетъ въ вѣрности къ герцогу и даетъ присягу принцу въ своей вѣрной службѣ. Подъ присягой надо было набрать именъ: губернаторъ велѣлъ Ѳедору воспользоваться для этого перепискою отца и выставить подъ формулою присяги набранныя оттуда фамиліи. Сочинилъ онъ также инструкцію Милашевичу, какъ гдѣ поступать, настоятельно совѣтуя во время свиданія съ принцемъ поцѣловать ему руку [16]). Затѣмъ оставалось найти средство пробраться въ Польшу, а оттуда въ Голштинію тайкомъ, помимо пограничной стражи. Отпустить Милашевича черезъ Петербургъ, давъ ему для этого паспортъ, Черкасскій не рѣшался: раздумаетъ и донесетъ, пожалуй! Положимъ. если вѣрить уликамъ, являющимся по дѣлу, Чер-

[12]) Тамъ же стр 238.

[13]) Заря, Августъ, Ист. мат., стр 238 и др.

[14]) Пекарскій въ статьѣ своей „Путешествіе академика Делиля въ Березовъ“ прямо говоритъ, что губернаторъ *далъ* Милашевичу 300 рублей. Это очень вѣроятно, но подлинными бумагами, напечатанными въ Зарѣ и ниже въ Р. Архивѣ, не подтверждается.

[15]) Доживавшему тогда вѣкъ свой отцу Петра III-го.

[16]) Заря, Іюль. Ист. мат., стр 229, Сент. стр. 227, 267 и 282.

касскій не боялся доноса, разсчитывая на заступничество родственнаго ему кабинетъ-министра, но во всякомъ случаѣ это повредило бы его замысламъ. Милашевичъ, съ своей стороны, боялся попасть въ Петербургѣ въ руки того же министра. Вотъ почему рѣшено было пробраться ему черезъ Польшу, выбравъ для этого время, когда отца не будетъ въ деревнѣ, чтобы тотъ впослѣдствіи могъ съ бо́льшимъ правдоподобіемъ отозваться невѣдѣніемъ о „самовольномъ“ отъѣздѣ сына и подать объ этомъ явочную челобитную въ губернскую канцелярію.

Послѣ этого рѣшительнаго свиданія, сынъ счелъ нужнымъ разсказать все происшедшее отцу своему. Старикъ испугался оборота, какой принимали дѣла и лишь съ трудомъ согласился на подачу явки о „пропажѣ“ сына.

— Такъ если вы боитесь, лучше донесемъ! предложилъ ему сынъ.

Новая тревога старику! Доносить опасно и невыгодно, и сына жаль. Авось дѣло и такъ обойдется.

— Что́ доносить?! Никто намъ не повѣритъ и пропадемъ на-вѣки безъ всякаго толку, — таковъ былъ его отвѣтъ.

Но, соглашаясь молчать, онъ тѣмъ самыхъ соглашался помогать сыну въ его предпріятіи. И дѣйствительно, онъ уговорилъ начальника пограничнаго форпоста [17]) пропустить сына на нѣсколько дней заграницу для продажи разныхъ продуктовъ деревенскаго хозяйства. Начальникъ форпоста повѣрилъ выставленному предлогу и далъ свое согласіе.

Ночью, взявъ съ собой трехъ человѣкъ изъ прислуги отца, Ѳеодоръ Милашевичъ пробрался чрезъ форпостъ и очутился такимъ образомъ внѣ Русскихъ предѣловъ. А чрезъ нѣсколько дней отецъ его подалъ явку о неожиданномъ самовольномъ отъѣздѣ сына, умоляя, чтобъ его не сочли причастнымъ такому противозаконію. Оказалось, что ему нечего было пугаться: челобитная, по приказу ли губернатора положенная „подъ спудъ“ (выраженіе, равносильное позднѣйшему „подъ сукно“) или просто затерявшаяся въ другихъ бумагахъ [18]) пролежала въ канцеляріи цѣлый годъ, и только 17 Октября 1733 года объ ней рапортовали въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ.

Въ Польшѣ Милашевичъ замѣшкался. Задержала ли его болѣзнь, или сношенія съ Потоцкимъ и его секретаремъ (сношенія, не касающіяся настоящаго дѣла), или, что́ вѣроятнѣе, его задержала тамъ женитьба [19]) — какъ бы то ни было, лишь чрезъ семь мѣсяцевъ попалъ онъ въ Голштинію. Въ Килѣ онъ не засталъ герцога, но за то, если вѣрить ему, встрѣтилъ дочь извѣстнаго Орлика. Эта особа, пользовавшаяся фаворомъ у герцога, сообщила земляку, что Станиславъ Лещинскій, въ случаѣ своего восшествія на Польскій престолъ, обѣщаетъ сдѣлать Орлика гетманомъ Малороссіи, и что на встрѣчу Лещинскому посланъ генералъ Штейнфлихтъ (въ замужствѣ за которымъ была другая дочь Орлика) съ какимъ-то важнымъ порученіемъ отъ герцога.

Въ Килѣ встрѣтилъ еще Ѳедоръ Русскаго дворянина Вельяминова, который посовѣтовалъ ему письменно обратиться къ герцогу, находившемуся тогда въ Нейштадтѣ. Мишалевичъ такъ и сдѣлалъ, написалъ письмо герцогу и отдалъ его каммергеру Штарку, при чемъ былъ и гофъ-юнкеръ Дивьеръ.

Послѣ этого пріѣзжій имѣлъ аудіенцію у принца и сообщилъ ему, что онъ присланъ отъ Черкасскаго, не объяснивъ однако настоящей цѣли своего пріѣзда. Руку у принца онъ поцѣловалъ, какъ ему и приказывалъ губернаторъ.

Начавъ такимъ образомъ дѣло, онъ счелъ нужнымъ извѣстить соумышленника своего Черкасскаго и письмо къ

[17]) Капитана Буйна, а не капитана Булку, какъ значится въ напечатанныхъ при журналѣ „Заря“ бумагахъ.

[18]) Заря, Сент. Ист. мат., стр. 302.

[19]) Пекарскій прибавляетъ, въ вышепомянутой статьѣ, что Милашевичъ принялъ католичество въ Польшѣ.

нему отправилъ съ привезеннымъ изъ Россіи человѣкомъ. пославъ его однако не прямо къ губернатору, а къ отцу, котораго онъ также извѣщалъ при этомъ случаѣ о мѣстѣ своего пребыванія. Письма дошли благополучно до старика Милашевича, напомнивъ ему еще живѣе то, что, по всей вѣроятности, и такъ не выходило у него изъ головы. Тотчасъ по полученіи роковыхъ писемъ, онъ бросился къ губернатору, передалъ адресованное ему и тутъ же, при свидѣтеляхъ, сталъ торжественно увѣрять въ своей невинности.

— Желаю тому висѣть на Покровской горѣ, кто зналъ про отъѣздъ сына моего въ Голштинію; а я ничего не вѣдаю и готовъ съ этими письмами въ оковахъ въ Петербургъ [20]) ѣхать, лишь бы только невинность свою доказать!

Впослѣдствіи увидимъ, что вся энергія такого заявленія пропала даромъ, а теперь воротимся къ нашему путешественнику.

Скрывъ отъ принца и его приближенныхъ настоящую причину своей поѣздки, онъ естественно долженъ былъ возложить всѣ свои надежды на бывшія съ нимъ фальшивыя и нефальшивыя письма и на герцога. Чтобы увидать послѣдняго, онъ отправляется въ Нейштадтъ и—на дорогѣ теряетъ драгоцѣнные документы! Легко можно представить себѣ его затруднительное положеніе: безъ денегъ, безъ паспорта, безъ рекомендацій, онъ становился простымъ бродягою. Кто повѣритъ его разсказамъ о расположеніи къ герцогу Смоленскаго дворянства? Кто приметъ въ немъ участіе?—Положеніе скверное, но не безъисходное. Ему былъ уже знакомъ процессъ сочиненія подложныхъ бумагъ,—не трудно рѣшиться на новую, самостоятельную попытку. Руку Черкасскаго герцогъ легко могъ позабыть, а руки Потемкина совсѣмъ не знаетъ, также какъ и остальныхъ Смольянъ,—рискъ не казался особенно большимъ.

Присѣлъ Милашевичъ и сочинилъ, вопервыхъ, письмо къ герцогу отъ Черкасскаго, потомъ къ нему же отъ Потемкина, и вновь составилъ себѣ инструкцію отъ имени губернатора. А память у него, какъ видно, была хорошая: на допросахъ губернаторъ призналъ инструкцію за свою собственную [21]). Затѣмъ Милашевичъ, уже совершенно самостоятельно, составилъ письмо къ Дивьеру отъ Черкасскаго. Но и это еще не все. Соображая тогдашнія „конъюнктуры“ въ Польшѣ и отношенія герцога Голштинскаго къ Станиславу (при чемъ, разумѣется, вспомнились и разсказы Орликовой дочери), Милашевичъ довольно основательно заключилъ, что Польскій вопросъ можетъ сильно помочь ему. Съ такими мыслями и съ намѣреніемъ покрѣпче запутать въ сѣтяхъ заговора Потемкина, онъ принимается за составленіе письма къ Лещинскому отъ Потемкина и шифрованныхъ пунктовъ присяги Смольянъ въ вѣрности тому же Станиславу. Естественно было съ его стороны внести подъ эту присягу наиболѣе извѣстныя ему фамиліи, не щадя ни родичей, ни отца. Въ первоначальномъ донесеніи онъ хитро упиралъ на послѣднее, какъ на сильнѣйшее доказательство своей искренности [22]).

Конечно, здѣсь всюду замѣтенъ рискъ; но и самъ Милашевичъ объясняетъ, что онъ дѣлалъ это по простотѣ своей, малому разуму и несовершеннолѣтію. Принявъ во вниманіе столь облегчающія вину обстоятельства и безпомощное положеніе на чужой сторонѣ, мы не станемъ удивляться его смѣлости.

И такъ, письма сочинены. Ѳедоръ отправляется съ ними въ Нейштадтъ, но не находитъ герцога и тамъ. Съ Дивьеромъ же дѣлъ подобнаго рода производить не слѣдовало, такъ какъ этотъ послѣдній объявилъ Милашевичу о скоромъ своемъ отъѣздѣ въ Россію. Зна-

---

[20]) Въ бумагахъ ошибочно: „въ Гамбургъ“. Заря, Августъ, Ист. мат., стр. 255.

[21]) Заря, Сент., Ист. мат., стр. 297.

[22]) Заря, Іюль, Ист. мат. стр. 208,

читъ, и новый подлогъ не улучшилъ обстоятельствъ отставнаго камеръ-пажа, причинивъ новое „затмѣніе" его бѣдной головѣ. Слѣдствіемъ этого затмѣнія и является первый доносъ изъ Гамбурга, куда онъ явился къ Русскому чрезвычайному посланнику Бестужеву въ концѣ Сентября 1733 года. Въ этомъ доносѣ Милашевичъ увѣряетъ, что затѣянное дѣло было „противъ его ума" и, стремясь выгородить изъ будущаго слѣдствія отца своего, всячески чернитъ Смоленскаго губернатора, обвиняя его между прочимъ въ пьянствѣ и спаиваньи, которое тотъ употреблялъ, будто бы, какъ одно изъ средствъ склонить на свою сторону неопытнаго юношу.

Бестужевъ привезъ въ Петербургъ и доносчика, и его доносъ. Оттуда Милашевичъ, подъ надзоромъ Ушакова, былъ отправленъ въ Смоленскъ, гдѣ и началось слѣдствіе, оконченное уже въ Петербургѣ, коммиссіею изъ 6-ти членовъ: Г. Головкина, А. Остермана, А. Ушакова, П. Шафирофа, А. Бестужева и Бахметева.

Послѣ первой очной ставки съ Черкасскимъ, доносчикъ увидѣлъ ясно, что поддерживать обвиненіе въ прежнемъ тонѣ и направленіи неудобно; что сочиненныя имъ самимъ бумаги приписать губернатору въ Смоленскѣ не такъ легко, какъ въ Голштиніи. И вотъ онъ стремится затянуть, запутать и усложнить дѣло, тѣмъ самымъ невольно доказывая свою молодость и простоту. Начиная второй доносъ противнымъ истинѣ увѣреніемъ, что онъ вовсе не „ложный доноситель", не хочетъ „оскорбить несовершенную самую правду" и, въ случаѣ лжи (какою и оказались слѣдующія его сообщенія) готовъ подвергнуться соборному проклятію, онъ переноситъ главный узелъ интриги въ Польшу и именно въ Бѣльскъ, притонъ іезуитовъ, желавшихъ, подобно другимъ Полякамъ, вырвать изъ рукъ Россіи Смоленскъ, эту давнюю собственность Польши.

Съ Потоцкимъ, какъ уже сказано, Милашевичъ былъ знакомъ еще въ Петербургѣ; тамъ же онъ получилъ отъ него и рекомендательныя письма въ Польшу. Это дѣлаетъ весьма вѣроятнымъ его близость съ секретаремъ примаса, Магельницкимъ,—близость, которую нельзя не усмотрѣть изъ третьяго донесенія. Начинается оно картиннымъ сравненіемъ доносчика съ овцою между волковъ и отличается отъ втораго главнымъ образомъ измѣненіями въ частностяхъ: Ѳедоръ видитъ невозможность далѣе скрывать активное участіе отца въ заговорѣ; а старикъ полагалъ, что совершенно обезпечилъ себя, пообѣщавъ сыну проклясть его, если тотъ будетъ откровененъ. Застѣнокъ оказался сильнѣе сыновней любви и страха Божія.

Въ четвертомъ доносѣ и въ распросахъ, произведенныхъ слѣдственною коммиссіею, тоже сплетеніе лживыхъ уликъ на Черкасскаго и Поляковъ поддерживается Милашевичемъ съ такимъ упорствомъ, что коммиссія находитъ нужнымъ подвергнуть Черкасскаго пыткѣ, то есть употребить относительно его то средство, съ которымъ гораздо резоннѣе было бы обратиться къ доносчику.

Застѣнокъ не принесъ пользы. Черкасскій то отрекался отъ своихъ прежнихъ повинныхъ, то снова винился, а новаго ничего не узнали. Дѣло пріостановилось или, вѣрнѣе, коммиссія взялась за второстепенныхъ обвиняемыхъ. Черезъ два мѣсяца послѣ пытки Черкасскаго, Милашевичъ пишетъ пятое и послѣднее донесеніе, подходящее, сколько можно судить по имѣющимся даннымъ, близко къ правдѣ. Польская интрига стушевывается, о Малороссіи также ни слова, и на сценѣ остается двое актеровъ: Черкасскій—соблазнитель юноши и заговорщикъ безъ партіи, а сбоку его—Милашевичъ, неопытный человѣкъ, увлеченный на проступокъ подстрекательствами Черкасскаго и неопредѣленными выгодами въ будущемъ,—человѣкъ, оказывающійся значительнымъ лгуномъ и сплетникомъ. Страшный заговоръ умалился и сократился...

Тѣмъ не менѣе надъ Черкасскимъ висѣло еще много обвиненій: кромѣ несомнѣнной симпатіи его къ Голштиніи, онъ уличался въ оскорбленіи особы государыни и ея семейства; онъ предрекалъ Аннѣ скорую смерть; онъ бранилъ ея любимца и осуждалъ правительственныя распоряженія, между прочимъ (по свидѣтельству Семена Корсака) и посылку Русскихъ войскъ въ Польшу, говоря, что „когда-де мы государыню выбирали, намъ никто не мѣшалъ“ [23]). Наконецъ онъ оказывался сторонникомъ республиканскаго правленія. За все это по законамъ ему грозила смертная казнь; коммисія такъ и доложила государынѣ. Милашевича предполагалось сослать.

Окончательная резолюція по первому докладу послѣдовала чрезъ полгода, а между тѣмъ коммисія подала къ утвержденію другой—о второстепенныхъ участникахъ заговора, какъ содѣйствовавшихъ ему, такъ и не донесшихъ вовремя. Скажемъ о нихъ нѣсколько словъ.

Черкасскій часто выражалъ свою преданность къ Голштинскому дому и ненависть къ тогдашнему Русскому правительству въ разговорахъ съ Корсакомъ и его женою [24]); тотъ и другая за недоносъ сосланы въ Сибирь.

Секретарь губернатора Пребышевскій, слышавшій отъ него стольже непозволительныя рѣчи, сосланъ въ Сибирь.

Поручикъ Аршеневскій, видѣвшій какъ уничтожался постскриптумъ (о цѣлованіи руки у принца) и сжигалось Черкасскимъ письмо Милашевича, сосланъ въ Сибирь.

Братъ доносчика, ѣздившій въ Польшу разузнавать о немъ, былъ мало причастенъ дѣлу; его отправили въ Ярославль на безвыѣздное житье.

Николай Потемкинъ, обвиненный въ близкихъ, хотя и не относящихся къ настоящему дѣлу, сношеніяхъ съ Потоцкимъ, отправленъ въ Сибирь на службу.

Княгиня Розалія Соколинская обвиняема была въ ношеніи упомянутыхъ уже нами пучковъ лентъ, какъ знака тайнаго общества, къ которому принадлежали будто бы, кромѣ нея, Черкасскій и другіе Смоленскіе дворяне. Однако существованіе такого общества не подтвердилось слѣдствіемъ, и княгинѣ зачли годовой арестъ ея.

Изъ остальныхъ, одни были освобождены подъ условіемъ молчанія о всемъ случившемся, а иные даже повысились въ чинахъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ манифестъ Анны [25])

Отцу доносчика грозила сначала ссылка въ Сибирь, но послѣдовавшимъ чрезъ полгода указомъ онъ и сынъ были посланы на житье въ ихъ Ярославскія деревни. Тотъ же указъ смягчилъ и участь Черкасскаго: вмѣсто казни онъ, лишенный имѣній и чиновъ, былъ сосланъ въ Сибирь, на Джиганское зимовье [26]), пожизненно, подъ строжайшій караулъ. Онъ пробылъ тамъ пять лѣтъ. Смерть Анны, регентство Бирона и воцареніе Елизаветы дали ему возможность возвратиться въ Россію, возвратить потерянное камергерство и даже достигнуть повышенія: онъ получилъ орденъ Александра Невскаго, чинъ генералъ-поручика и впослѣдствіи былъ гофмаршаломъ у того самаго принца, которому онъ когда-то былъ такъ преданъ.

Кто свѣритъ наше изложеніе съ матеріалами, послужившими для него источникомъ, тотъ согласится, что за насъ стоитъ немало историческихъ и психологическихъ данныхъ; тѣмъ не менѣе мы далеки отъ мысли, что все случилось *непремѣнно* такъ, какъ мы передали: описанныя событія на столько далеки отъ насъ, что возстановить ихъ съ полною достовѣрностью едва ли возможно.

[23]) Заря, Сент., Истор. мат., стр. 283.

[24]) Сестра Семена Корсака, Анна, была замужемъ за Черкасскимъ.

[25]) Полное Собр. Зак. т. IX. № 6647.

[26]) Жиганская слобода, въ 1071 в. отъ Якутска (см. Геогр. Словарь Рос. Имп. т. II-й, вып. I-й, стр. 226).

С. М. Соловьевъ въ XX томѣ своей „Исторіи Россіи“ (стр. 406 и 407) передаетъ это самое дѣло совершенно иначе. Основываясь на показаніяхъ Милашевича, оказавшагося въ 1739 году въ какихъ-то другихъ провинностяхъ, С. М. Соловьевъ сообщаетъ, что Черкасскій былъ кругомъ оклеветанъ Милашевичемъ, что онъ и не думалъ заводить сношеній съ Голштиніей и совѣтовалъ Милашевичу ѣхать туда, имѣя своею цѣлью удалить его (какъ опаснаго соперника въ дѣлѣ любви) отъ дѣвицы Корсакъ. За неудобствомъ провѣрки разсказаннаго С. М. Соловьевымъ, мы можемъ лишь повторить, что внимательное чтеніе бывшихъ у насъ въ рукахъ матеріаловъ, даетъ нашему мнѣнію большую вѣроятность, уничтожить которую можетъ лишь подробное изложеніе фактовъ противорѣчащихъ.

Для полноты библіографической прибавимъ, что о дѣлѣ кн. Черкасскаго были еще статьи: М. Волкова, „День“ 1864 г. № 42, и М. Лонгинова, № 49.

А. Курепинъ.

НОВЫЯ БУМАГИ ПО ДѢЛУ КНЯЗЯ ЧЕРКАССКАГО.

I.

На особомъ лоскуткѣ рукою Остермана исчислены члены коммиссіи:

«Гаврила Головкинъ
Остерманъ
Ушаковъ
Шаферовъ
Бестужевъ
Бохметевъ».

II.

Милостивый государь мой Андрей Ивановичъ.

При семъ посылаю къ вашему превосходительству: 1) Инструкцію за собственноручнымъ подписаніемъ Ея Императорскаго Величества. 2) Собственноручное Ея В-ва письмо къ вамъ. 3) Указъ къ генералу графу фонъ Вейсбаху, дабы онъ по вашимъ требованіямъ все исполнялъ. 4) Указъ Ея Величества съ прочетомъ, чтобъ какъ военные, такъ и гражданскіе управители вамъ во всемъ послушны были. 5) Указъ къ генералу маеору Бахметеву о бытности его при вашей коммиссіи. 6) Черное письмо Малешевича, писанное къ извѣстному губернатору; но понеже съ сего послѣдняго чернаго письма копія здѣсь не оставлена, того ради изволите ваше превосходительство приказать оное списать, черное оригинальное у себя оставить, а копію чрезъ вручителя сего къ намъ прислать.

Впрочемъ дай Боже вашему превосходительству Свою милость въ сей вашей нужнѣйшей коммиссіи, а я пребываю со всякимъ почтеніемъ вашего превосходительства всепокорный слуга

А. Остерманъ.

Изъ С. Петербурха
12-го Ноября
1733.

III.

Божіею милостію мы Анна императрица и самодержица всея Россіи. И протчая, и протчая, и протчая.

Понеже мы нашему генералу Андрею Ушакову нѣкоторую до государственныхъ нашихъ интересовъ касающую коммиссію вручили, того ради повелѣваемъ чрезъ сіе всѣмъ нашимъ воинскимъ командиромъ, верхнимъ и нижнимъ, какова бъ чину ни были, такожде въ городахъ комендантомъ, губернаторомъ и протчимъ гражданскимъ управителемъ, кото-

рымъ или сей нашъ указъ кому показанъ и объявленъ будетъ, чтобъ помянутому нашему генералу во всемъ были послушны и все то безъ всякой отговорки исполняли, что имъ отъ него повелѣно будетъ, подъ опасеніемъ не токмо нашего императорскаго гнѣву, но и подъ смертною казнію.

Данъ въ Санктъ-Питербурхѣ, Ноября 12-го 1733.

«Анна».

IV.

Указъ нашему генералу фонъ Вейсбаху.

Ежели отъ нашего генерала Ушакова о чемъ къ вамъ писано будетъ, то исполнять вамъ по его предложеніямъ неотмѣнно и со всякимъ возможнымъ поспѣшеніемъ.

«Анна».

С. Петеребурхъ.
Ноября 12-го 1733.

V.

Указъ нашему генералу Андрею Ушакову.

По отправленіи вашемъ сыскано здѣсь въ Коллегіи Иностранныхъ Дѣлъ доношеніе отъ губернатора Смоленскаго, въ которомъ онъ доноситъ объ извѣстномъ съ вами отправленномъ доносителѣ Милашевичѣ, будто онъ безъ всякаго вѣдома ушолъ и что онъ, по полученнымъ отъ него Милашевича изъ Гамбурха письмамъ, тамо явился у нашего камергера и чрезвычайнаго посланника Бестужева, и съ которыхъ писемъ и съ разныхъ допросовъ онъ губернаторъ при своемъ доношеніи копіи прислалъ, которое его губернатора доношеніе, такожде подлинные допросы и письма, можете тамо изъ Губернской Канцеляріи къ себѣ взять для обстоятельнаго и лутчего себѣ извѣстія.

По сему его губернаторскому доношенію можно усмотрѣть, что онъ, получа вѣдомость, что онъ Милашевичъ явился у нашего министра Бестужева, и опасаясь, чтобъ онъ тому министру о его губернаторскомъ злодѣйскомъ намѣреніи не открылъ, тѣмъ доношеніемъ хотѣлъ забѣжать, и его будто дизертера оклеветать, дабы потомъ его Милашевича какимъ доношеніямъ толь менше повѣрено было. И сіе явно изъ того видно, что онъ губернаторъ только нынѣ доносилъ, какъ когда онъ вѣдомость получилъ, какъ онъ у нашего министра Бестужева явился, а не прежде сего, когда онъ Ѳедоръ Милашевичъ оттуда пропалъ и отецъ его о побѣгѣ доношеніе принесъ, какъ было ему учинить надлежало. И для того повелѣваемъ вамъ, что ежелибъ онъ губернаторъ вышеписанное свое отправленное доношеніе въ Коллегію Иностранныхъ Дѣлъ себѣ въ какое оправданіе принесть хотѣлъ, то отнюдь то не принимать: ибо ему оное не токмо въ какое оправданіе, но болѣе къ его обличенію и уликѣ служитъ; понеже, какъ выше объявлено, надобно ему было сначала, какъ онъ Ѳедоръ Милашевичъ ушолъ, и отецъ о побѣгѣ его сына своего явочную челобитну подалъ, тотчасъ доносить, а не упустя время, какъ нынѣ учинено. И для того имѣете вы, не смотря на вышеписанное доношеніе и ни на какія его губернаторскія тѣмъ приносимыя отговорки и оправданія, поступать во всемъ, какъ данная вамъ наша инструкція повелѣваетъ, и черезъ всякіе способы и образы трудиться до сущего кореня сего злодѣйскаго намѣренія доходить и намъ не-

медленно доносить, въ чемъ мы на вашу вѣрность несумнѣнно надѣемся.

«Анна».

Ст. Питербурхъ
Ноября 16-го
1733

Адресъ указа:

«Нашему генералу подполковнику отъ гвардіи и генералу-адетанту Андрею Ушакову».

VI.

Милостивый государь мой Андрей Ивановичь.

Послѣднее отъ вашего превосходительства полученное извѣстіе было изъ Великихъ Лугъ, а потому о прибытіи вашемъ въ Смоленскъ и что во врученной извѣстной коммиссіи происходило, никакого извѣстія не имѣли. И для того Ея Императорское Вел-во всемилостивѣйше указала чрезъ сего нарочно отправленнаго къ вашему превосходительству отписать, чтобъ какъ возможно часто свои доношенія прислать изволили. Сей куріеръ чрезъ Москву отправленъ, понеже надѣемся, что тѣмъ путемъ скорѣе и лучше поспѣть могутъ. Впрочемъ вашему превосходительству доношу, что слава Богу все здѣсь благополучно обстоитъ, и въ домѣ вашемъ все здорово; только я еще въ силу приходить не могу и только вчерашняго числа въ первыя изъ двора выѣхалъ. Я пребываю со всякимъ почтеніемъ вашего превосходительства всепокорный слуга

А. Остерманъ.

Изъ С. Петербурха
5-го Декабря
1733.

VII.

Милостивый государь мой Андрей Ивановичь.

Оригинальное къ Лещинскому отправленное письмо при семъ въ приложенномъ отъ Ея Императорскаго Величества собственноручно подписанномъ пакетѣ посылается, и за скорымъ отправленіемъ сего куріера на милостивое вашего превосходительства писаніе отъ 29 Ноября отвѣтствовать не могу, но кратко доношу, что Ея Императорское Величество поступками вашими весьма довольна, и особливо хорошо, что такъ незапно пріѣхали, и главные тотчасъ пойманы. Пребышевскаго здѣсь искать будемъ, и ежели найдется, того часу вамъ о томъ сообщено будетъ. Въ письмахъ Нѣмецкихъ, отъ васъ присланныхъ, важнаго ничего не находится. Въ домѣ вашего превосходительства все благополучно, а я пребываю съ должнѣйшимъ почтеніемъ вашего превосходительства всепокорный слуга

А. Остерманъ.

Изъ С. Петербурха
6-го Декабря
1733.

VIII.

Андрей Ивановичь. Доношеніе ваше изъ Смоленска отъ 29-го Ноября мы сего часу исправно получили, и понеже изъ оного усмотрѣли, что оригинальное отъ Потемкина къ Лещинскому отправленное письмо вами не получено, о которомъ однакожъ чаяли, что съ вами отправлено: того ради оное здѣсь сыскавъ, при семъ къ вамъ оригинальное посылаемъ и впротчемъ будемъ немедленно ожидать дальнѣйшихъ вашихъ доношеній и подтверждаемъ вамъ накрѣпко, чтобъ чрезъ всякіе способы стараться подлинную правду вывѣдать, къ чему потребно, чтобъ прочіе приличные (*) немедленно сысканы, и особливо такожде извѣстный Милаше-

(*) Т. е. приличенные или уличенные.

вичевъ человѣкъ, чрезъ котораго оныя письма отъ Черкаскаго посланы были.

«*Анна*».

Можетъ быть, что и чрезъ Ивана Корсака сыновія (sic) Семенова жену что̀ вяще провѣдать мочно ласкою или угрозами.

Въ С. Петербурхѣ.
6-го Декабря
(1733.)

На пакетѣ, запечатанномъ двумя государственными печатьми, надпись: «Указъ нашему генералу подполковнику отъ гвардіи и генералу адъютанту Андрею Ушакову». Помѣта Ушакова: «Полученъ чрезъ лейбъ-гвардіи Измаиловскаго полку капитана поручика Рославлева. Декабря противъ 20 числа пополуночи въ 5-мъ часу».

IX.

Указъ нашему генералу Андрею Ушакову.

Вамъ извѣстно, что въ посланной отъ Черкаскаго инструкціи къ Милашевичу упомянуто, что онъ Черкаскій по письму герцога Голштинскаго въ Украину писалъ; и понеже извѣстный Пребышевскій въ допросѣ своемъ сказалъ, что онъ Черкаскій съ генераломъ Семеномъ Нарышкинымъ переписывался и свои письма чрезъ одного своего человѣка нарочно къ нему Нарышкину пересылывалъ: того ради надлежитъ вамъ по полученіи тего немедленно отправить полковника Шамердина нарочно въ Глуховъ и велѣть его генерала Нарышкина письма, хотя онъ въ присутствіи или по посланному къ нему указу уже сюды поѣхалъ, всѣ забрать и тотчасъ пересмотрѣть, не найдутся ли между ими что̀ къ сему дѣлу касающееся, и особливо къ нему отъ Черкаскаго отправленныя письма, и нѣтъ ли изъ тамошнихъ Украинскихъ обывателей, или какіе другіе въ семъ дѣлѣ съ ними согласны или приличны. И ежели такіе найдутся, то того часу, ктобъ ни былъ, ихъ арестовать и письма ихъ отобрать и привезть немедленно въ Смоленскъ; а оттуда въ которыхъ арестантахъ есть нужда, со всѣми письмами, сколько найдены ни будутъ, привезть вамъ съ протчими арестанты съ собою сюда въ С. Питербурхъ.

И понеже онъ Пребышевскій объявилъ, что онъ Черкаскій къ Нѣжинскому полковнику Хрущеву писывалъ, того ради велѣть ему полковнику Шамердину и у него всѣ письма собрать и потомъ разсмотрѣть, какъ выше сего о письмахъ генерала Нарышкина изображено; а ему полковнику Шамердину велѣть сію коммиссію со всякимъ возможнымъ поспѣшеніемъ отправить, дабы онъ васъ съ привозимыми иногда съ собою арестанты и письмами застать могъ, чтобъ вы, какъ выше сего упомянуто, съ собою взять могли.

«*Анна*».

Ст. Питербурхъ.
Декабря 9-го
1733.

X.

Указъ нашему генералу Андрею Ушакову.

По отправленіи нашего послѣдняго, сысканъ здѣсь извѣстный Пребышевскій, котораго обстоятельно допрашивали, и еще допрашиванъ будетъ, съ котораго его перваго допросу, также и что̀ онъ противъ того сказалъ, посылается при семъ къ вамъ копія. Изъ оного допросу усмотрите, что онъ Пребышевскій про себя объявляетъ, будто онъ за секретаря у Черкаского

не бывалъ и никакихъ писемъ отъ него не писывалъ, но писывали у него Черкаского всякія тайныя дѣла Петръ Яковлевъ сынъ Куксинъ, да Александръ Васильевъ сынъ Курда, которые оба будто ему крѣпостные, да третій тамошній Смоленской подъячей Алексѣй Силинъ сынъ Посниковъ; а Французскія всякія письма внѣ государства писывалъ у него учитель дѣтей его Французъ, которой прежде сего учителемъ же былъ у дѣтей графа Александра Өедорова сына Головина, и еще донынѣ и по отъѣздѣ его Пребышевскаго при немъ Черкаскомъ жилъ и обрѣтался; а Польскіе всякіе письма и пакеты на почтѣ или чрезъ нарочныхъ приходящіе принимывалъ и переваживалъ и отправливалъ обрѣтающійся при немъ Черкаскомъ за адютанта Иванъ Захаровъ сынъ Аршеневскій, Смолянинъ. И по сему его Пребышевскаго объявленію, ежели вышепомянутыя персоны у васъ еще за караулъ не взяты, то надлежитъ ихъ немедленно каждого порознь за караулъ взять и всѣ ихъ письма забрать, каковы бы они ни были, и взять сверхъ того у нихъ подъ смертною казнію сказку, что у нихъ больше писемъ не имѣется и нигдѣ не спрятаны; такую жь сказку надлежитъ вамъ взять у губернатора и у генерала Потемкина, у Семена Корсакова и у жены его, и у всѣхъ протчихъ въ тѣхъ дѣлахъ приличныхъ и причинныхъ людей безъ всякаго изъятія. У Куксина и у Француза учителя надлежитъ тотчасъ довѣдать о азбукѣ цыфирной, которая у Черкаского была и которою онъ къ герцогу писалъ или къ другимъ, и гдѣ она находится, дабы подъ смертною казнію прямо они объявили, и какъ ежели она въ Смоленскѣ спрятана нашлась, а ежели сожжена или изодрана, чтобъ объявили, въ которое время то учинилось и для чего. Да у подъячего Посникова надлежитъ взять вѣдомость всѣмъ паспортомъ, которые во всю бытность его Черкаского въ Смоленскѣ за рубежъ даны, съ означеніемъ имянъ тѣхъ, которымъ паспорты даны, и въ которое время и числѣхъ. Съ Иваномъ Аршеневскимъ надлежитъ во всемъ противъ того же поступать. Тоже надобно учинить съ Михаиломъ Швайковскимъ, понеже по сказкѣ того Пребышевского онъ всегда въ такой же конфиденціи съ нимъ Черкаскимъ былъ. А дабы сіе злостное дѣло толь наискоряе открыто и изслѣдовано быть могло, того ради за потребно разсуждаемъ оное дѣло взять сюды въ Санктъ-Петербурхъ, и для того повелѣваемъ вамъ, дабы вы по полученіи сего указа сами и съ доносителемъ Өедоромъ Милашевичемъ купно съ генераломъ маэоромъ Бахметевымъ сюды какъ возможно скоряе пріѣхали и съ собою привезли въ началѣ губернатора Черкаского и генерала маэора Потемкина, Семена Корсакова съ женою, Михаила Швайковскаго, вышеупомянутыхъ Аршеневскаго, Куксина, Курду, Посникова и учителя Француза, также сверхъ генерала маэора Потемкина изъ другихъ его Потемкина свойственниковъ или только прозванія Потемкиныхъ, въ которыхъ наипущая нужда и притчина есть, такожде и другихъ, которые къ сему дѣлу главнѣйше нужны быть могутъ, по своему разсмотрѣнію, и всѣ ихъ письма помянуто-означенныхъ персонъ сохранно съ собою привезть. Для сохранного привезенія всѣхъ тѣхъ арестантовъ сюда мнится намъ, что лутче, чтобъ вы сами съ генераломъ маэоромъ Бахметевымъ при нихъ ѣхали, дабы дорогою смотрѣть, чтобъ не токмо они между со-

бою сношеніе имѣть и разговаривать не могли, но и въ цѣлости и сохранно сюды довезены были; а для караулу и для провожанія въ дорогѣ можете взять изъ тамошнихъ гарнизонскихъ или изъ Санктпетербурхского баталіона солдатъ съ надлежащими добрыми обер-и ундер-офицеры, сколько по вашему разсужденію потребно будетъ. А ежелибъ за подводами, или за какими другими неудобностями ихъ всѣхъ вмѣстѣ взять будетъ невозможно, то можете хотя съ генераломъ маэоромъ Бахметевымъ роздѣлиться, и при одной половинѣ вы сами ѣхать, а при другой половинѣ помянутой Бахметевъ, или какъ вы сами по тамошнему состоянію за лутче разсудите, только бъ тѣ всѣ арестанты въ сохранности и какъ наискоряе сюды при васъ довезены были, въ чемъ мы полагаемся на вашу вѣрность и радѣніе. А передъ отъѣздомъ вашимъ изъ Смоленска надлежитъ вамъ тамо публиковать указомъ нашимъ, что ежели кто за нимъ губернаторомъ Черкаскимъ или за генераломъ маэоромъ Потемкинымъ и за всѣми вышеозначенными арестанты какое важное дѣло вѣдаетъ, и тѣ бъ безъ всякого опасенія приходили и доношешія свои подали или намъ самимъ здѣсь въ Санктъ-Петербурхѣ, или хотя въ Смоленскѣ полковнику Шамардину, въ самомъ немедленномъ времени, которымъ не токмо милостивый доступъ до насъ самихъ позволенъ, но еще за праведный ихъ доносъ Императорскою нашею милостію награждены будутъ. А ежели кто за ними какое важное дѣло вѣдаетъ и нынѣ заблаговременно о томъ не донесетъ, а послѣ сыщется, что онъ о томъ вѣдалъ, то безъ всякія пощады смертію кажненъ будетъ. И для того надлежитъ вамъ полковника Шамардина оставить въ Смоленску, какъ для смотрѣнія и надзиранія надъ оставшими тамо арестантами, такъ и для вящаго изслѣдованія того дѣла, которое въ Смоленску потребно будетъ, оставя ему въ томъ надлежащую инструкцію.

«Анна».

Санктпетербурхъ.
Декабря 9-го
1733.

XI.

Указъ нашему генералу Андрею Ушакову.

Понеже вамъ, по посланному вчера указу, съ нужнѣйшими тамошними арестантами велѣно ѣхать сюды, и тако въ доносителѣ Ѳедорѣ Милашевичѣ больше нужды тамо не будетъ, а онъ тѣмъ времянемъ, и пока вы сюды пріѣдете, здѣсь наискоряе потребенъ для очной ставки съ извѣстнымъ Пребышевскимъ, и для его улики и въ протчемъ: того ради вручитель сего Измаиловскаго полку капитанъ-порутчикъ Богданъ Расловлевъ нарочно къ вамъ отправленъ, дабы оного доносителя Ѳедора Милашевича, взявъ у васъ, привезть сюды немедленно. И для того имѣете вы оного Милашевича ему капитану-порутчику отдать, и для прокормленія его на дорогу отпустить съ нимъ пристойное число денегъ, и велѣть ему сюды ѣхать со всякимъ поспѣшеніемъ. А какимъ образомъ ему капитану-порутчику съ нимъ Милашевичемъ въ дорогѣ поступать, о томъ посылается при семъ инструкція ему капитану-порутчику за нашею собственною рукою, которую вы при отправленіи его Милашевича ему капитану-порутчику отдать имѣете, а вамъ самимъ надлежитъ обождать возвращенія пол-

ковника Шамардина, и между тѣмъ до прибытія его съ тѣми, которые у васъ, и о чемъ въ протчемъ надлежитъ и до того дѣла касается, надлежаще изслѣдовать, а по возвращеніи его полковника Шамардина самимъ ѣхать безумедленно, какъ уже въ указѣ объявлено обстоятельно.

«*Анна*».

Санктъпетербургъ
въ 11 д. Декабря 1733.

XII.

Указъ нашему генералу Андрею Ушакову.

Извѣстный Пребышевскій въ другомъ допросѣ въ прибавокъ объявилъ, что генерала маеора Потемкина племянникъ, имянемъ Доминикъ Денисовъ сынъ Потемкинъ, публично называлъ себя герцога Голштинскаго генераломъ маеоромъ; да еще, что весною нынѣшняго году Черкаскій отправилъ своего лакея имянемъ Александра Форстмана будто въ Ригу, и съ нимъ два великіе пакеты письма послалъ, и что онъ лакей по отъѣздъ Пребышевскаго еще туда не возвратился. Да еще онъ Пребышевскій объявилъ о нѣкоторыхъ Черкаского непристойныхъ словахъ и въ томъ свидѣтелей представляетъ Степана ротмистра Корсакова жену Катерину Борисову дочь, да дочь ея Софью, да помянутаго ротмистра Степана Богданова сына Корсакова. И для того надлежитъ вамъ всѣхъ вышеписанныхъ пять персонъ такожде порознь за карaулъ взять, отобравъ такожде у нихъ письма, и съ собою привезть съ протчими, о которыхъ въ прежнихъ нашихъ указѣхъ объявлено.

«*Анна*».

Санктъпетербурхъ
въ 12 д. Декабря 1733.

(Эта инструкція, какъ и двѣ слѣдующія за ней, находится въ конвертѣ съ адресомъ:

«Указъ нашему генералу подполковнику отъ гвардіи и генералу-адъютанту Андрею Ушакову».

Помѣта Ушакова: «Получено чрезъ куриэра Бартенева, Декабря противъ 22 дня, пополуночи въ 5-мъ часу»).

XIII.

Указъ нашему генералу Андрею Ушакову.

Въ посланномъ вамъ указѣ повелѣли вамъ по отъѣздѣ вашемъ изъ Смоленска тамо для надлежащаго дальнѣйшаго изслѣдованія извѣстнаго дѣла оставить полковника Шамердина; но понеже ему одному отправить того невозможно, того ради указали мы съ нимъ полковникомъ Шамердинымъ при тѣхъ дѣлѣхъ Смоленскому вицегубернатору князю Козловскому быть, и обще съ нимъ Шамердинымъ отправлять, которому вы при объявленіи сего нашего указу о томъ объявите, и притомъ накрѣпко приказать имѣете, дабы онъ князь Козловской по присяжной своей должности со всякимъ вѣрнымъ радѣніемъ во всемъ томъ поступалъ и оное дѣло весьма тайно у себя держалъ, и отнюдь ни къ кому, кто-бъ ни былъ, о томъ не писалъ; а что имъ обоимъ по отъѣздѣ вашемъ исполнять, о томъ имъ дать вамъ отъ себя обстоятельную инструкцію. Въ одномъ приложенномъ указѣ повелѣно вамъ Доминика Денисова сына Потемкина, взявъ за караулъ, привезть съ собою, и ежели бъ сей Доминикъ Потемкинъ тотъ, которой отправленъ въ Горыгорки для взятія по прежнему въ наше правленіе, то надлежитъ послать по него добраго офицера, которой бы его къ вамъ за

карауломъ привелъ, а на его мѣсто для управленія тѣхъ маетностей опредѣлить вамъ отъ себя одного добраго и вѣрнаго офицера, или изъ тамошнихъ обывателей по вашему разсмотрѣнію вѣрнаго и добраго человѣка, какъ мы въ томъ на вашу вѣрность надѣемся.

«Анна».

Санктъпетербурхъ.
въ 12 день Декабря 1733.

XIV.

Указъ нашему генералу Андрею Ушакову.

Ежели да полковникъ Шамерденъ для отобранія писемъ генерала Нарышкина и полковника Хрущова въ Глуховъ до полученія сего нашего указу еще не поѣхалъ, то отправить съ нимъ къ той же коммисіи и вицъ-губернатора князя Козловскаго, дабы обще съ нимъ Шамердинымъ помянутыя отбиралъ, какъ тебѣ прежде въ указѣ нашемъ объявлено.

«Анна».

Ст. Питербурхъ.
Декабря 12-го 1733.

XV.

Указъ нашему генералу Андрею Ушакову.

Доношеніе ваше отъ 9-го Декабря исправно получено; съ первымъ вашимъ доношеніемъ солдата мы того жь времени къ вамъ назадъ отпустили и съ нимъ послали оригинальное къ Станиславу отправленное письмо. Мы надѣемся, что не токмо оный солдатъ уже давно къ вамъ назадъ возвратился, но что и другіе потомъ къ вамъ отправленные наши указы чрезъ нарочныхъ до васъ дошли, на которые во всемъ здѣсь ссылаемся и всемилостивѣйше подтверждаемъ, дабы вы сами съ генераломъ-маэромъ Бахметевымъ со всѣми тѣми арестантами, о которыхъ въ тѣхъ нашихъ указахъ имянно упомянуто, и со всѣми ихъ письмами сюда пріѣхали со всякимъ возможнымъ поспѣшеніемъ, оставя протчихъ арестантовъ у вицъ-губернатора князя Козловскаго и полковника Шамердина, во всемъ какъ въ тѣхъ нашихъ указахъ обстоятельно изображено, и пока дѣло изслѣдовано будетъ, никого изъ тѣхъ арестантовъ освободить не надобно, по чему вамъ неотмѣнно поступать и для того помянутому вицъ-губернатору и полковнику Шамердину потребную инструкцію, по которой имъ по отъѣздѣ вашемъ поступать, оставить надлежитъ, въ чемъ на вашу къ намъ извѣстную вѣрность несумнѣнную надежду имѣемъ.

«Анна».

Ст. Питербурхъ.
Декабря 17, 1733-году

(Адресъ: «Указъ нашему генералу подполковнику отъ гвардіи и генералу адютанту Андрею Ушакову».

Помѣта Ушакова: «Получено Декабря 24 дня 1733, по полуночи въ 11-мъ часу чрезъ кабинетскаго куріэра князя Енгалычева»).

XVI.

Милостивой государь мой Андрей Ивановичъ! Ничего особливаго къ доношенію не имѣя, посылаю только при семъ письмо изъ дому вашего, въ которомъ, слава Богу, все благополучно состоитъ.

Поздравляю нынѣшнимъ торжественнымъ праздникомъ, желая отъ Господа Бога всякое самопожелаемое благополучіе; и притомъ, ссылаясь на вложенной указъ, вашего скорѣйшаго прибытія съ нетерпѣливостію ожидать будемъ. Я пребываю со вся-

кимъ почтеніемъ вашего превосходительства всепокорный слуга

А. Остерманъ.

Изъ Ст. Петербурха
26 Декабря 1733

XVII.

Указъ нашему генералу Андрею Ушакову.

Доношеніе ваше отъ 20-го Декабря мы сего часу исправно получили, и понеже по тому уже никакой нужды въ томъ не находится, чтобы вы возвращенія полковника Шамердина обождали, того ради повелѣваемъ вамъ по прежнимъ къ вамъ посланнымъ нашимъ указамъ со всякимъ поспѣшеніемъ купно съ генераломъ-маэоромъ Бахметевымъ ѣхать сюда и извѣстныхъ въ прежнихъ нашихъ означенныхъ арестантовъ всѣхъ привезть съ собою за крѣпкимъ смотрѣніемъ сохранно, а смотрѣніе надъ остающимися тамо въ Смоленскѣ арестантами вручить вице-губернатору князю Козловскому, придавъ ему тѣхъ офицеровъ, о которыхъ въ вашемъ доношеніи упомянуто, до возвращенія полковника Шамердина, оставя имъ инструкцію надлежащую, по которой имъ по отъѣздѣ вашемъ для дальнѣйшаго потребнаго изслѣдованія поступать. Мы во всемъ томъ на васъ полагаемся.

Анна.

Изъ С. Петербурха.
26 Декабря 1733.

(Адресъ прежній. Помѣта Ушакова: Полученъ въ Петербурхѣ 4-го Генваря чрезъ Юшкова»).

XVIII.

Копія.

Указъ нашему камеръ-геру Алексѣю Безстужеву-Рюмину.

Мы всемилостивѣйше вамъ повелѣваемъ объявить князю Александру Черкаскому, которой въ нѣкоторыхъ тяжкихъ преступленіяхъ явился, дабы онъ въ чемъ виновенъ написалъ бы повинную со обстоятельствы, безъ всякія утайки, не укрывая никого и не смотря ни на какое лицо, а особливо кто изъ здѣшнихъ тому причастенъ и о томъ вѣдалъ. И ежели сіе учинитъ, то во всѣхъ его преступленіяхъ милость показана будетъ, чего ради во увѣреніе ему сіе объявить. Буде же въ томъ теперь не признается и сущей правды не покажетъ, а при розыскѣ имъ отъ многихъ изобличенъ будетъ, которые сильныя на него доказательства имѣютъ, то потомъ никакой милости ему не будетъ, но яко измѣннику учинена будетъ жестокая смертная казнь.

(У подлиннаго подписано собственною Ея Императорскаго Величества рукою тако):

«Анна».

Генваря въ 12-й день 1734 году

(Помѣта Бестужева: «Оригиналъ сего всемилостивѣйшего указу изъ коммисіи 6-го Декабря 1733 году принялъ Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ»).

XIX.

Божіею милостью мы Анна Императрица и Самодержица Всероссійская. И протчая, и протчая, и протчая.

Понеже князь Александръ Андреевъ сынъ Черкаской со многими Смоленскими шляхты явился въ нѣкоторыхъ измѣнническихъ государственныхъ важнѣйшихъ преступленіяхъ, того ради всемилостивѣйше учредили коммиссію, которая имѣется состоять въ шести персонахъ, а именно: нашего канцлера графа Головкина, нашего дѣйствительнаго тайнаго совѣтника графа Остермана, генерала Ушакова, тайнаго совѣтника барона Ша-

фирова, чрезвычайнаго посланника Безстужева, генерала маэора Бахметева, которымъ всѣ дѣла къ тому касающіяся сообщить повелѣли, и онымъ чрезъ сіе всемилостивѣйше повелѣваемъ оное дѣло подробно изслѣдовать, которымъ надлежитъ, не смотря и не щадя никого, розыскивать, дабы всѣхъ причастниковъ того злоумышленнаго и измѣнническаго дѣла сыскать, и до самаго кореня онаго достигнуть, и во всемъ томъ съ такимъ крайнѣйшимъ радѣніемъ и вѣрностью поступать, какъ они предъ судомъ Божіимъ и предъ нами своею самодержавнѣйшею Императрицею и Государынею по присяжной своей должности отвѣтъ дать могутъ. А сидѣть вамъ за тѣмъ дѣломъ повсядневно отъ седьмаго часу утра до полудня, и отъ третьяго до седьмаго часу по полудни неотмѣнно, чтобъ сіе дѣло скорѣе окончать. Данъ въ Санктъ-Петербурхѣ Генваря 13 дня 1734 году.

«*Анна*».

XX.

Ея Императорскому Величеству Самодержицѣ Всероссійской отъ учрежденной коммиссіи всеподданнѣйшій Докладъ.

По слѣдственнымъ во оной коммиссіи дѣламъ, по доношеніямъ Ѳеодора Милашевича, якобы генералъ маэоръ Алексѣй (sic) Потемкинъ съ протчею Смоленскою шляхтою въ вѣрности въ наслѣдствѣ Россійской Имперіи принцу Голштинскому присягали, изъ которыхъ содержится подъ арестомъ въ Санктпитербурхѣ 23, въ Смоленскѣ 8 человѣкъ, а по изслѣдованію во учрежденной коммиссіи и по повиннымъ Черкаскаго и Милашевича явилось, что они такой присяги не чинили и не подписывались, а тое присягу и роспись имянамъ подъ оною сочиняли они Черкаской и Милашевичъ только двое, а вымышлялъ Черкаской самъ собою одинъ, а другіе никто про то не знали, и коммиссія признаваетъ ихъ неповинныхъ, которые нѣсколько мѣсяцовъ неповинно содержатся въ арестѣ.

Того ради Вашему Императорскому Величеству всеподданнѣйше доноситъ, не соизволитъ ли Ваше Императорское Величество повелѣть оныхъ людей изъ подъ ареста свободить съ показаніемъ нѣкоторой Вашего Императорскаго Величества высокой милости, и по окончаніи сего дѣла о ихъ невинности публиковать указомъ; а генерала маэора Потемкина за безвинное его въ арестѣ содержаніе не соизволите ль Ваше Императорское Величество пожаловать, для показанія въ публикѣ его невинности и возбужденія Смоленской шляхтѣ постоянной вѣрности, въ генералы лейтнанты, понеже онъ безъ жалованья служитъ; а паче всего коммиссія всеподданнѣйше приноситъ во всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества соизволеніе.

Андрей Остерманъ, Андрей Ушаковъ, Баронъ Петръ Шафировъ, Алексѣй Бестужевъ-Рюминъ. «По сему учинить.

Анна».

Резолюція подписана.
21 дня Сентября.
1734 года.
Подана Маія 30-го дня

Копія съ сего отдана къ дѣлу.

Манифестъ 16 Ноября 1734 (П. С. Зак № 6647) не говоритъ о передачѣ дѣтямъ сосланнаго въ Сибирь кн. Черкасскаго его имѣній; между тѣмъ въ подлинномъ указѣ отъ того же числа, за подписью Анны, находящемся въ Чертковской библиотекѣ (и напечатанномъ въ „Зарѣ“) прямо предписано: „движимое и недвижимое его имѣніе жалуемъ дѣтямъ его“. Надо думать, что этому указу не дано было силы, такъ какъ потомки кн. Черкасскаго уже не имѣли его богатствъ. *П. Б.*

ПИСЬМА В. П. ПЕТРОВА (¹) КЪ КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ-ТАВРИЧЕСКОМУ.

I.

Милостивый Государь!

Никита Акинфьичь (²) дѣлаетъ мнѣ повѣренность въ дѣлахъ своихъ, какъ человѣку знакомому вашей свѣтлости и умѣющему услужить ему въ сочиненіи его завѣщанія, которое для вознесенія на аппробацію Государынѣ мы будемъ имѣть честь представить вамъ, моему и его покровителю. Домъ ево на Мойкѣ, которой понравился вамъ, упалъ было на часть ево дочери; но хозяинъ, получа отъ васъ письмо, въ коемъ вы изобразили желаніе купить ево, уступаетъ вамъ. И уступаетъ охотно. Цѣните ево, во что хотите. Какъ онъ заключилъ уже контрактъ съ Алексѣемъ Ивановичемъ Пушкинымъ о наймѣ онаго на годъ: вы сами изволите объявить г. Пушкину, что домъ вашъ, и я чаю, сила контракта уничтожится. Такъ мы вамъ домъ уступаемъ. Вы, милостивый государь, съ вашей стороны удостойте насъ вашего покровительства и высокой помощи въ то время, когда мы къ вамъ прибѣгнемъ; въ чемъ я, зная вашу благодѣтельную десницу, Никиту Акинфьича сильно и увѣряю. Въ прочемъ поручая себя вашему благоволенію и высокой милости, есьмъ и буду вашей свѣтлости милостиваго государя нижайшій слуга

В. Петровъ.

1782. 29 Авг.
Москва.

P. S. Василей Алексѣевичъ Чертковъ пишетъ ко мнѣ предлинное письмо въ защищеніе Алексѣева, губернаторскаго товарища въ Азовской губерніи. Онъ ево превозноситъ до небесъ, похваляя ево честь, безкорыстіе, умѣнье править дѣлами. Бога ради разпрострите надъ нимъ ваше покровительство. Я вашу свѣтлость о немъ просилъ, и вы обѣщали приказать разсмотрѣть ево дѣло Канцеляріи. Ваше обѣщаніе я беру за исполненіе, и такъ я и писалъ къ Вас. Алексѣевичу.

II.

(Получ.) 4 Марта 1789.

Милостивый Государь!

Вручителя сего письма (³) прошу поблагодарить за его ко мнѣ дружество и ласки. Онъ удостоилъ меня посѣщеніемъ, разсказалъ мнѣ всѣ происшествія при взятьѣ Очакова; говорилъ просто, живо, какъ герой, великой въ дѣлѣ участникъ. По истиннѣ я его душой люблю. Онъ полонъ богомъ Марсомъ, своимъ дядей. Любитъ ружье, любитъ Музъ. При словѣ *Музы* смѣю вамъ напомнить о Гомерѣ. Въ Нѣмецкомъ переводѣ книжка вамъ поднесена какимъ-то секретаремъ посольства. Коли она у васъ утратилась, она вѣрно есть у Сичкарева (⁴).

(¹) Извѣстный поэтъ времени Екатерины II-й. Сочиненія его изданы въ 1782 и въ 1811 годахъ въ С. Петербургѣ, см. „Роспись Россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Александра Смирдина.“ Спб. 1828, стр. 516, № 6634. Будучи въ молодости товарищемъ Потемкина, впослѣдствіи онъ состоялъ при кабинетѣ Екатерины II-й.

(²) Демидовъ, извѣстный Московскій богачь. См. Словарь достоп. люд. Русск. земли, т. II, стр. 193.

(³) А. Н. Самойлова? *П. Б.*

(⁴) Лука Ивановичъ, въ походной канцеляріи свѣтлѣйшаго въ качествѣ переводчика съ Польскаго, Латинскаго, Греческаго и Англійскаго языковъ. Его труды см. въ „Рос-

Прошу приказать ее переслать ко мнѣ. Вашей свѣтлости милостиваго государя нижайшій слуга

Петровъ.

27 Февр. 1789.
Москва.

III.

9 Марта 1791.

Милостивой Государь!

Представляю вашей свѣтлости оду, которую я сдѣлать покусился сквозь старость и болѣзнь. Признаюсь необиновенно, что мнѣ труднѣе было оную сочинить, нежели предводимымъ вашей свѣтлостью воинамъ взять Измаилъ. Они въ шесть часовъ все дѣло рѣшили; я сотней на силу расплатился. Но сколь я ни слабъ, почитаю за священный долгъ, пока дышу, прославлять вашу къ отечеству любовь и на ней основанныя ваши добродѣтели, ваши высокіе таланты зависть угнѣтающіе, ваше къ наукамъ усердіе и благоволеніе, ко мнѣ отеческія ласки и покровительство, коему навсегда поручая мою изнемогающую Музу, пребываю съ искреннимъ къ вашей особѣ, прямому и единственному въ Россіи Меценату, почтеніемъ, вашей свѣтлости, милостиваго государя, всенижайшій

Петровъ.

(Получено) 31 Марта.

ПИСЬМО Н. СТРУЙСКАГО КЪ КНЯЗЮ ПОТЕМКИНУ ТАВРИЧЕСКОМУ.

16 Апрѣля 1791.

Свѣтлѣйшій князь Григорій Александровичъ, милостивый государь!

Кто меня можетъ увѣрить, чтобъ не воспріяли вы письмо сіе отъ меня милостиво, когда я самъ былъ самовидецъ и благости вашей ко мнѣ и уваженію слабымъ моимъ дарованіямъ? Научи меня, свѣтлѣйшая Муза, просвѣщаться лутче нежели Камоенсъ, воспѣвая нѣкогда своихъ героевъ на берегахъ рѣки Тага, зрѣлъ труды свои низверженными отъ нихъ. Пускай онъ оставался до смерти неуважаемымъ; но вы, свѣтлѣйшій князь, въ единый мигъ болѣе для меня сдѣлали, нежели многіе другіе въ моемъ отечествѣ когда либо столь благосклонно воспринимать въ подобныхъ мнѣ трудахъ кого удостоивали. И такъ я могу похвалиться, что довершили вы крайнюю ступень моей поэзіи, удостоевая меня вашего снисхожденія и сдѣлали, какъ и другіе, предъ симъ участникомъ меня быстрыя своея славы.

На берегахъ Невы, рука премудрыя Екатерины возвела мой духъ до Геликона, щедрота Ея Монаршая объяла весь мой духъ, радость вѣчную посѣяла въ моемъ сердцѣ. Представьте, любезный князь, сколь лестно и восхитительно быть внимаему превозшедшею Соломона, Ликурга и всѣхъ Августовъ въ свѣтѣ и ободряему быть отъ толь мудраго Героя, каковы суть вы, свѣтлѣйшій князь. Сіе скажу не ложно, что безсмертный Вольтеръ праведно произрекъ: Что естьли Петръ Россіи людей содѣлать могъ, Екатерина сдѣлала Героевъ:— но храбрость, онъ сказалъ и сказалъ праведно, что храбрость состоитъ лишь въ разумѣ единомъ.

Блаженъ, кто воспріялъ изъ рукъ Ея иль перстень, или Ея Божественнаго Лица изображеніе, за свои дарованія (*) Единаго изъ сихъ уча-

писи Россійскимъ книгамъ для чтенія изъ библіотеки Александра Смирнова.“ Сп.бургъ, 1828.

(*) Намекъ автора на пожалованные Князю портретъ Императрицы „и яхонтовый дорогой перстень“ на его имянины (30-го Сен-

стникомъ и я здѣсь сталъ, а тѣмъ и счастливъ изъ всѣхъ смертныхъ. Удостой меня, свѣтлѣйшій князь, милостиваго твоего на всегда благопріятства и покажи невѣжеству, котороpое насъ повсюду окружаетъ, что единые таланты удобны снискать на себя приверженность вельможъ, ощущать ихъ къ себѣ благосоизволеніе и находить въ нихъ необоримыя подпоры, предстательствуя у трона Милосердой Матери Отечества; единое просвѣщеніе, со сладостію мысли ихъ объемля, водитъ ихъ по стопамъ истинны и творитъ блаженными и благополучными ихъ дни.

Я предаю себя здѣсь въ моемъ уединеніи всѣмъ симъ восхищеніямъ, радости и благополучію моей жизни, благодаря васъ, свѣтлѣйшій князь! за сдѣланную мнѣ честь. Медаль ваша (*) услаждаетъ мое зрѣніе. Побѣды вашей звукъ умножить мнѣ нельзя, ей вся Европа уже плещетъ.

Свѣтлѣйшій князь, я пребываю, съ безконечною моею къ вамъ почтительностію, вѣрнымъ къ моей Монархинѣ до конца дней моихъ, и паки къ вамъ съ неложнымъ сердцемъ и душею. Во всемъ вѣрный, покорный, послушный и обязанный вами слуга

Николай Струйскій.

Ч. 27 Марта
1791.
Г. Саранскъ
Село Рузаевка.

(Съ сохраненіемъ правописанія, сообщено Н. Н. Мурзакевичемъ)

тября) въ 1790 году. См. Записки Одесск. Общ. истор. и древностей, т. IV, стр. 372.

(*) Князь Потемкинъ доставилъ вѣроятно Струйскому одну изъ золотыхъ медалей (выченанныхъ Императрицею въ честь его) за поднесенную имъ книгу его „Сочиненій,“ изданныхъ въ 1790 году. См. „Росп. Росс. книгамъ А. Смирдина“, стр. 484, № 6158.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ Э. М. АРНДТА О 1812 ГОДѢ.

Лѣтомъ 1812 года, извѣстный Германскій поэтъ-патріотъ Эрнстъ Морицъ Арндтъ былъ вызванъ въ Петербургъ барономъ Штейномъ, въ качествѣ помощника по дѣламъ Нѣмецкаго легіона и прочимъ мѣрамъ, имѣвшимъ отношеніе къ освобожденію Германіи. Извлекаемъ изъ воспоминаній Арндта (Erinnerungen aus dem äusseren Leben, Leipzig 1840) разсказъ о шестимѣсячномъ пребываніи его въ Россіи. Разсказъ этотъ, несмотря на его старческую небрежность, нелишенъ живости, и въ немъ встрѣчаются интересныя черты и сужденія, дополняющія картину событій и настроеній этого знаменательнаго времени. Мы начинаемъ наше извлеченіе съ прибытія Арндта въ Броды.

...На другой день рано утромъ, прибылъ поѣздъ, къ коему я долженъ былъ присоединиться. Прибылъ онъ въ двухъ нарядныхъ экипажахъ и, повидимому, везъ съ собою и вещи, принадлежавшія Русскому послу. Состоялъ онъ изъ трехъ должностныхъ лицъ и нѣсколькихъ слугъ. Первымъ лицомъ былъ маленькій, весьма подвижной, привѣтливый и разговорчивый человѣкъ, совѣтникъ посольства, графъ Рамзей де Бальменъ; вторымъ Французъ, le marquis de Favars, молодой изжившійся вертопрахъ; третьимъ капитанъ Русскаго флота, по рожденію Грекъ, красивый мужчина, но къ сожалѣнію, повидимому, развратникъ худшаго разряда. Этотъ послѣдній провелъ нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, при князѣ Куракинѣ. Съ этими тремя лицами пустился я въ путь черезъ нѣсколько часовъ.

Я присосѣдился къ маленькому графу и, проѣхавъ съ нимъ нѣсколь-

ко станцій, убѣдился въ томъ, что выборъ мой былъ удаченъ. Этотъ маленькій человѣчикъ впослѣдствіи пріобрѣлъ себѣ извѣстность въ качествѣ одного изъ приставовъ при Наполеонѣ, на островѣ Св. Елены. Онъ былъ изъ стариннаго Шотландскаго семейства, католикъ и воспитанъ Іезуитами въ Могилевѣ, не былъ лишенъ ума и живости, а также разнообразныхъ, отрывочныхъ свѣдѣній и отличался неистощимою, смѣшною, но весьма добродушною болтливостію. Обществомъ этого юноши, которое при большей продолжительности нашего пребыванія вдвоемъ могло-бы сдѣлаться весьма тягостнымъ, я удачно воспользовался, что-бы извлечь изъ него все то, что онъ могъ передать мнѣ полезнаго. А именно я навелъ его на разсказъ о нравахъ и обычаяхъ тѣхъ областей Россіи, въ коихъ онъ преимущественно жилъ и вращался; и такимъ образомъ его рѣчи, часто слишкомъ обильныя, становились для меня и забавными, и поучительными. Въ немъ не было замѣтно ничего мужественнаго и воинственнаго, и по этому я не мало удивился, когда онъ объявилъ мнѣ, что у него есть братъ генералъ-майоръ арміи, и что и онъ въ скоромъ времени думаетъ взяться за оружіе на защиту отечества. И дѣйствительно, черезъ нѣсколько недѣль, я прочелъ въ газетахъ, что онъ производится въ полковники.

Мы поѣхали черезъ Волынь, прекрасную, богатую страну. Тутъ живутъ Червоннорусы. Эти люди показались мнѣ серьезнѣе и смышленѣе видѣнныхъ мною до тѣхъ поръ Поляковъ; къ тому-же, по мѣрѣ того, какъ мы ѣхали далѣе, поля, луга и даже жилища принимали все болѣе опрятный и лучшій видъ: мѣстами они быти почти не хуже, чѣмъ въ сѣверной Германіи. Мы видѣли лошадей прекрасной породы и тучныя пастбища, покрытыя серебристо-сѣрымъ рогатымъ скотомъ той породы, какой пригоняютъ его тысячами изъ Венгріи въ Вѣну. Тутъ-же были видны признаки обширнаго пчеловодства, встрѣчались колоды въ полтора человѣческихъ роста, выдолбленныя изъ древесныхъ стволовъ, встрѣчались деревья съ еще зеленою макушкою, просверленныя на высотѣ десяти-пятнадцати локтей надъ землею, населенныя пчелами и запертыя дверцами и клапанами. Тамъ и сямъ подъ деревьями стояли также колья, полагаю для того, чтобы пронзать лѣзущихъ на деревья медвѣдей.

Въ Житомірѣ мы видѣли прелестное зрѣлище. Мы обѣдали въ Жидовской гостинницѣ, какъ вдругъ раздался такой трескъ и гулъ отъ играющихъ одновременно инструментовъ, и такой говоръ людской толпы, что мы всѣ тотчасъ побѣжали къ окнамъ. И что-же мы увидѣли? Это было божественное зрѣлище: великолѣпная Жидовская свадьба или точнѣе, свадебный хороводъ. Вокругъ площади этого конечно грязноватаго города танцовало нѣсколько сотенъ Жидовъ, молодыхъ и старыхъ, мужчинъ и женщинъ, дѣвицъ и юношей вокругъ всей площади, вдоль самыхъ домовъ, ее окружающихъ, съ волынками и скрипками впереди, съ шумомъ и звономъ. Это былъ поистинѣ великолѣпный сумбуръ, и мы не могли на него насмотрѣться. Все блистало пышными нарядами, и тутъ поистинѣ не было недостатка въ жемчугѣ, золотѣ и серебрѣ; не было недостатка и въ красивыхъ фигурахъ. Ибо съ перваго взгляда бросается въ глаза, что въ Польшѣ, между мужчинами и

женщинами, встрѣчаются Еврейскіе типы гораздо болѣе благородные, чѣмъ въ Германіи, и что тутъ въ пріемахъ и нравахъ встрѣтимъ гораздо болѣе спокойствія и достоинства, чѣмъ можно найдти его у нашихъ суетливыхъ, любопытныхъ, все выпытывающихъ, подо все подкапывающихся Евреевъ. Это отчасти можетъ происходить отъ того, что Жиды здѣсь во многихъ мѣстахъ живутъ большими кучами, а также отъ того, что многіе изъ нихъ здѣсь предаются болѣе спокойнымъ и тихимъ занятіямъ, земледѣлію и скотоводству.

Мы наконецъ достигли Кіева на Днѣпрѣ: это нѣкогда была величавая столица возникающаго Русскаго государства и до сихъ поръ представляетъ слѣды своего былаго великолѣпія. Мы подъѣхали къ нему прекраснымъ лѣтнимъ утромъ, и насъ иностранцевъ издали поразилъ дивный блескъ этого города. Тутъ на меня впервыя повѣяло востокомъ отъ всѣхъ этихъ позлащенныхъ колоколень и куполовъ, церквей и монастырей. Кое гдѣ стояли отдѣльные величественные дома. Но весь городъ, когда мы въѣхали въ него, показался мнѣ, съ его обширными пустырями, чѣмъ-то покинутымъ, прекрасною развалиною прошлаго. Мѣстоположеніе этого города на холмахъ и между холмами на Днѣпрѣ, поистинѣ царственное. Мы опять остановились въ видномъ Жидовскомъ дворцѣ, въ которомъ мы видѣли прекрасивое семейство, мать съ нѣсколькими дочерьми, и мы говорили, какъ нѣкогда Олофернъ: «поистинѣ у Евреевъ прекрасныя жены».

За Кіевомъ все еще тянулась страна богатая и тучная, но съ прежде видѣнными нами пажитями она не выдерживала сравненія. Жидовъ становилось все меньше, хотя нѣкоторые изъ нихъ и живутъ на лѣвомъ берегу Днѣпра. Мы вскорѣ въѣхали въ настоящую Россію. Тутъ все стало опрятнѣе и чище, дома лучшей постройки, деревни расположены правильнѣе, люди добрѣе на видъ и лучше одѣты. Но дни стояли очень жаркіе, а въ домахъ насъ преслѣдовала страшная напасть, которой мы дотолѣ въ такой мѣрѣ не ощущали, хотя и въ Польшѣ ни одинъ смертный не можетъ оградить себя отъ извѣстныхъ животныхъ. Дѣло въ томъ, что въ домѣ кишѣли блохи, хотя и некрупной Италіянской породы, но при всей своей малости достаточно злыя, что-бы доводить насъ до отчаянія. Дѣйствительно, на нѣкоторыхъ почтовыхъ станціяхъ мы забирали съ собою столько этихъ мучительницъ, что приходилось останавливаться у перваго попавшагося лѣска или кустарника, раздѣваться почти до нага и нѣсколько минутъ сряду вытряхивать и выколачивать на вѣтру наше платье, что-бы избавиться отъ этихъ кусакъ. Мы тутъ встрѣтили деревни, населенныя раскольниками, старовѣрческою Русскою сектою, и къ удивленію нашему мы видѣли, что женщины разбивали лохани, въ которыхъ мы умыли руки: ибо то, чего слишкомъ близко коснулся иновѣрецъ, считается у нихъ нечистымъ. Сосуды, изъ которыхъ они ѣли ложками и коихъ они не касались руками, не считаются въ такой мѣрѣ оскверненными.

Мы въ эти дни видѣли нѣсколько образчиковъ того, какимъ способомъ, при фельдъегерѣ, можно въ Россіи поступать съ почтовыми лошадьми, или точнѣе, какъ поступать нельзя, но однако поступаютъ. Когда лошади на бѣгу уставали или вообще казались фельдъегерю недостаточно сильными, и онъ примѣчалъ недалеко отъ доро-

ги табунъ пасущихся лошадей, онъ стрѣлою налеталъ на нихъ, выбиралъ изъ нихъ лучшихъ, отпрягалъ усталыхъ лошадей, впрягалъ пойманныхъ, и пошелъ! Но я также видалъ не разъ, какъ пастухи, увидавъ издали почтовую тройку, съ быстротою молніи уносились въ даль съ своими лошадьми и не давали фельдъегерю догнать себя. Обыкновенно также, что, при остановкѣ, ямщикъ вынимаетъ свой серпъ и нарѣзаетъ въ поляхъ клеверу, горошку, овса, сколько ему нужно для его лошадей. Это напоминаетъ описаніе путешествій по Молдавіи и Валахіи.....

...Вокругъ насъ кипѣла военная суматоха, или точнѣе суматоха военныхъ сборовъ и военнаго хозяйства. Тысячи подводъ съ провіантомъ, а также съ рекрутами для войска, десятки тысячъ быковъ и лошадей, которыхъ гнали туда-же отдѣльные поѣзды улановъ и казаковъ, а также конвои отдѣльныхъ лицъ, препровождаемыхъ пѣшкомъ и въ телѣгахъ, (они казались не военноплѣнными, а политическими преступниками) ночью безчисленные огни у солдатовъ и пастуховъ, въ перемежку, шумъ и пестрота, и кое-гдѣ при этомъ пѣсни и пляска. Странно и весело было смотрѣть, при свѣтѣ луны и звѣздъ, на толпы прыгающихъ, совершенно нагихъ людей, которые у огней своихъ, на коихъ въ то-же время варилась и жарилась ихъ пища, махали своими рубашками, штанами и вытряхали изъ нихъ насѣкомыхъ въ трескучее пламя. Я дивился этому; однакоже и мы были вынуждены, среди бѣла дня, дѣлать почти тоже самое. Все-же это казалось мнѣ нѣсколько Татарскимъ и варварскимъ пріемомъ. Такимъ образомъ, среди этихъ развлеченій, становились сносными и докучное, невеселое общество, и жаръ, и пыль, и дурная пища, и долгое ожиданіе лошадей (по этому тракту ѣхало много путешественниковъ по экстренной надобности, а намъ каждый разъ нужно было двѣнадцать лошадей), и даже кровожадная назойливость Русскихъ мухъ и блохъ, не говоря уже объ оводахъ, привлеченныхъ множествомъ лошадей.

Я упомянулъ о дурной пищѣ. Въ деревняхъ насъ почти постоянно принимали привѣтливо и съ полною готовностію исполнять наши желанія; но во многихъ изъ нихъ все было отобрано до чиста: не оставалось и живой курицы; и мы были, рады когда могли достать немного молока, хлѣба и водки. За то въ другихъ мѣстахъ, напримѣръ въ Черниговѣ, мы устроились отлично, и повсюду насъ встрѣчали съ сѣвернымъ гостепріимствомъ. Русскіе купцы въ городахъ и мѣстечкахъ съ радушнымъ насиліемъ зазывали насъ въ свои дома и подчивали насъ превосходнымъ чаемъ и бутербротами; Русскіе дворяне съ почтовыхъ станцій приглашали насъ съ патріархальнымъ гостепріимствомъ въ свои изящныя залы и подкрѣпляли насъ пищею и питьемъ. Жидовъ по деревнямъ болѣе не было видно, развѣ между ямщиками и погоньщиками скота, также на почтовыхъ станціяхъ, въ качествѣ переводчиковъ и факторовъ сопровождавшихъ иностранцевъ (Нѣмцевъ и Англичанъ) часто весьма издалека, изъ Яссъ, Пешта, даже изъ Константинополя. Замѣчательно, что всѣ Польскіе Жиды понимаютъ и говорятъ по нѣмецки: это наводитъ на мысль, что они нѣкогда переселились изъ Германіи на востокъ, въ Польшу, Литву и прикарпатскія страны. Надежность ихъ и честность въ этихъ дѣлахъ восхва-

ляются всѣми. Но особенно радовали меня Русскіе ямщики, ихъ веселость и живость. Даже когда грубые фельдъегери, какъ казалось мнѣ, безъ малѣйшаго повода колотили бѣдныхъ ямщиковъ по спинѣ, какъ по деревянной доскѣ, они лишь встряхивались, вскакивали на своихъ лошадокъ, и снова принимались пѣть, свистать и щелкать. Съ своими лошадьми эти дѣти природы, пѣснями, свистомъ и прибаутками, повидимому вели рѣчь, вполнѣ понятную для обѣихъ сторонъ: ибо лошадь, снабженная весьма недостаточною сбруею и руководимая по бо̀льшей части лишь длинною, одностороннею вождею, выражаетъ своими движеніями полное повиновеніе всякому знаку, клику и свистку возницы. Я также тутъ замѣтилъ величайшую нѣжность со стороны людей къ этимъ животнымъ, сколь-бы притомъ они ни обращались грубо и жестоко съ своими ближними.

Большая часть моего дневника была у меня украдена въ Польшѣ, вмѣстѣ съ другими цѣнными вещами, и я не могу въ точности опредѣлить дня нашего прибытія въ знаменитый городъ Смоленскъ. Но должно быть это было въ первыхъ числахъ Августа. Было ясное утро, солнце уже пекло, и мы ѣхали медленно (причемъ подчасъ бывали вынуждены останавливаться минутъ на пять и на десять) сквозь дикій военный станъ, среди поѣздовъ кирассировъ, казаковъ и артиллеріи и были засыпаны и напомажены страшною пылью. Говоритъ-же нашъ Мёзеръ, что пыль — помада героевъ. Наконецъ мы проникли въ городъ и очутились въ нѣсколькихъ сотняхъ шаговъ отъ рекомендованной намъ гостинницы, которую содержалъ Симонъ Джіампа, честный Нѣмецъ изъ Италіянцевъ. Было около десяти часовъ утра, и наши желудки и гортани давно алкали этой вожделенной цѣли.

Наконецъ мы продрались сквозь толкотню людей и лошадей на дворъ Джіампы. Я тутъ нашелъ Нѣмца-офицера, честнаго Саксонца, майора фонъ Бозе, котораго я въ послѣдствіи еще лучше узналъ въ Петербургѣ; онъ сидѣлъ на лѣстницѣ, и на наши требованія хлѣба и вина онъ отвѣчалъ: «Терпѣніе! терпѣніе! господа; я послалъ своего человѣка, и вотъ уже болѣе часа сижу въ ожиданіи подкрѣпленія. Здѣсь рѣшительно ничего нельзя достать, ни комнаты, ни пищи; вы видите, уланскіе и казацкіе офицеры заняли весь дворъ и домъ, и мышь едва въ него влѣзетъ». И такъ, мы терпѣливо усѣлись возлѣ него; но нашъ маленькій графъ куда-то побѣжалъ. Онъ вернулся черезъ часъ съ бутылкою плохаго Донскаго вина и съ хлѣбомъ, и воскликнулъ: «Это стоитъ червонецъ: подѣлимся!» Мы такъ и сдѣлали, добыли еще бутылку воды, угостили и Саксонца. Лишь къ вечеру отхлынулъ потокъ, и мы наконецъ добыли двѣ комнаты и нѣсколько жареныхъ куръ. Уже шла война, и весь городъ, и поле кругомъ были однимъ обширнымъ лагеремъ, въ который ежедневно стекались новыя войска, такъ какъ Барклай де Толли и князь Багратіонъ соединились.

Но и тутъ мнѣ улыбнулось особенное счастіе. Тутъ было много офицеровъ Нѣмцевъ, отчасти уже поступившихъ въ Русскую армію, отчасти собиравшихся вступить въ нее, Саксонцевъ, Австрійцевъ, Пруссаковъ, наточившихъ свои мечи и ожесточившихся противъ Французовъ. Вскорѣ я встрѣтилъ дорогихъ, старинныхъ знакомыхъ моихъ графа Шазо̀, храбраго Испанца, Льва Лют-

цова моего земляка, Густава Барнекова съ острова Рюгена и т. д. Шазо̀ заботился тутъ, гдѣ едва можно было добыть чего-либо за деньги, о моемъ прокормленіи. Онъ былъ старшимъ адъютантомъ въ бригадѣ принца Ольденбургскаго старшаго (нынѣ царствующаго герцога) и ежедневно обѣдалъ за столомъ дивизіоннаго генерала, герцога Александра Виртембургскаго. Тутъ-же пристроилъ онъ и меня, за большой обѣденный столъ; случилось мнѣ также ночью спать съ нимъ на соломѣ въ большой залѣ, въ которой храпѣло на полу до полусотни офицеровъ.

Четыре-пять дней, пролетѣвшіе тутъ, среди военной суматохи, были для меня и забавны, и поучительны.

Тутъ мимо меня проходили и проносились въ скачь разнообразные представители многочисленныхъ народовъ Россіи отъ Ледовитаго океана и Урала до Волги и Чернаго моря, красивые Татары изъ Кабарды и изъ Крыма, статные казаки съ Дону, Калмыки съ плоскими носами, плоскимъ станомъ, косыми ногами и косыми глазами, какъ за полторы тысячи лѣтъ описалъ Амміанъ своихъ Гунновъ, и безобразные коварнаго вида Башкиры съ лукомъ и стрѣлами. Но всего красивѣе былъ взводъ конныхъ Черкесовъ, въ стальныхъ кольчугахъ и стальныхъ шлемахъ съ развѣвающимися перьями — красивѣйшіе, стройные мужчины на красивѣйшихъ лошадяхъ.

Я поѣхалъ въ Москву съ молодымъ офицеромъ Нѣмцемъ изъ Нѣмецко-русскаго легіона, посланнымъ въ лагерь и возвращавшимся въ Петербургъ, отчасти и въ обществѣ полковника Теттенборна, съ которымъ я съѣхался въ Вязьмѣ на другой день по выѣздѣ моемъ изъ Смоленска. Тутъ именно въ то время находилась часть императорскаго кабинета, гр. Нессельродъ, б. Анстетъ и многіе другіе, съ коими вмѣстѣ я обѣдалъ у полицеймейстера въ огромной залѣ, въ которой сидѣло за столомъ не менѣе полутораста гостей. Тутъ было собрано почти все мѣстное дворянство, а около города стояли станомъ тысячи молодыхъ крестьянъ, набранныхъ въ войско и сопровождаемыхъ матерями, сестрами, невѣстами. Тутъ-же стояло множество повозокъ, на которыхъ увозили раненыхъ во внутренность страны, и за столомъ съ нами сидѣло нѣсколько храбрыхъ раненыхъ офицеровъ. Тутъ звенѣли чаши, все ликовало и гремѣло восторгомъ; а послѣ круговыхъ чашъ, когда всѣ поднялись изъ за стола, удостоились награды и иностранцы, о которыхъ прошла молва, что они прибыли въ Россію не для того, что-бы помогать Наполеону. Объятія, рукожатія, поцѣлуи отъ прелестныхъ женщинъ и дѣвъ, одушевленныхъ любовью къ отечеству. Во всемъ народѣ, до самыхъ низшихъ его классовъ, господствовало необыкновенное оживленіе и возбужденіе: всѣ называли Французовъ рабами за ихъ несвободу, и все это было не напускное, не поддѣльное чувство; нѣтъ, оно било ключомъ живой воды изъ глубины сердецъ. Такія милости отъ прекрасныхъ дамъ и дѣвицъ доставались на мою долю не разъ и въ послѣдствіи, въ Петербургѣ, даже въ дворцахъ у Орловыхъ и Ливеновъ, въ дни, когда приходили или праздновались извѣстія о побѣдахъ. Таковъ обычай страны, нѣсколько сходный съ Англійскимъ. Женщины дѣлаютъ починъ, и имъ предоставляется невинное право цѣ-

ловать мужчинъ послѣ обѣда. Что городъ, то норовъ.

Мы лишь на слѣдующее утро выѣхали изъ Вязьмы и среди дня остановились на нѣсколько часовъ въ чистенькомъ привѣтливомъ городкѣ Гжатскѣ, потому что экипажъ моего полковника нуждался въ починкѣ. Я вышелъ изъ города и легъ на стогъ сѣна на зеленомъ лугу, на которомъ мирно паслись стада, какъ будто-бы войны и не бывало; надо мною повисла густая береза, и я въ раздумьи глядѣлъ на летучія облака. Вдругъ раздалась музыка, стала звучать все ближе и ближе, и вскорѣ мимо меня пронеслись длинные ряды повозокъ, съ ополченцами; впереди скрипки и дудки, тутъ же и родители, и братья, и невѣсты. Такъ весело пронеслись они мимо меня, съ цвѣтами и пѣснями, на бой и на смерть, словно фантастическій свадебный поѣздъ! Тутъ разстался я съ моимъ полковникомъ. Онъ изъ Гжатска поѣхалъ прямо въ Петербургъ, я-же съ моимъ офицеромъ въ маленькой Русской телѣгѣ объѣздомъ въ Москву.

Этотъ городъ-чудо я видѣлъ только два дня. Мнѣ сдавалось, что я въ Азіи. Нищета и великолѣпіе, хижины и сараи не только въ предмѣстьяхъ, но кое-гдѣ и въ серединѣ города; при этомъ роскошь дворцовъ и садовъ, позлащенные куполы и башни церквей и монастырей, Кремль съ его золотыми воротами, теремками и башнями. Къ тому-же необычайное движеніе и многолюдность въ это чрезвычайное, тревожное время. Въ два дни я не могъ осмотрѣть ничего, я могъ только дивиться. И тутъ я встрѣтилъ радушный пріемъ, сперва у коменданта Кремля, генерала Гессе, Нѣмца, который въ Россіи повидимому не утратилъ ничего изъ своей Нѣмецкой прямоты и добродушія, и который, въ то время какъ онъ разсматривалъ и прописывалъ наши паспорты, угостилъ меня и моего офицера хорошимъ завтракомъ, и самъ повезъ насъ въ своемъ экипажѣ къ губернатору, говоря, что ему нужно къ нему по дѣлу. И такъ мы увидѣли этого губернатора, генерала графа Ростопчина, который черезъ мѣсяцъ такъ прославился сожженіемъ древней столицы царей. Въ сущности я его уже видѣлъ, въ Смоленскѣ, въ лицѣ раненаго майора, который лежалъ у Джіампы на диванѣ, съ перевязанною ногою, въ комнатѣ рядомъ съ нашею, и вечеромъ не разъ собиралъ насъ къ себѣ на чай: совершенно тотъ-же складъ, тѣ-же глаза, тотъ-же лобъ, та-же рѣзкая и благодушная прямота, средній, плотный ростъ, широкое лицо, короткій правильный носъ, большіе голубые глаза, быстрыя движенія.

Таковъ на видъ былъ Растопчинъ, таковыми нашелъ я впослѣдствіи въ разныхъ мѣстахъ многихъ Русскихъ офицеровъ: то-же выраженіе лица, тотъ-же типъ. Типъ этотъ едва-ли встрѣчается часто въ древнихъ знатныхъ семействахъ, слишкомъ объевропеившихся, слишкомъ опридворившихся, слишкомъ отшлифованныхъ и даже сшлифованныхъ, но за то распространенъ въ хорошемъ среднемъ дворянствѣ. Мы были приглашены имъ къ обѣду, присутствовали при большомъ торжествѣ, при молебствіи по поводу побѣды Витгенштейна надъ маршаломъ Удино, въ церкви св. Іоанна (?) у Кремля, и участвовали за столомъ во всеобщемъ, восторженномъ ликованіи.

Дорога отсюда въ Петербургъ идетъ на Тверь и Новгородъ, между Москвою и Тверью, по красивой, богатой

и хорошо обработанной мѣстности. Я видѣлъ большiя хорошенькiя деревни и красивыя избы, многiя изъ нихъ въ два этажа, съ свѣтлыми окнами, раскрашенными фасадами и съ изящною рѣзьбою и пестрыми узорами внутри и снаружи. Какъ дома, такъ и внутренняя облицовка стѣнъ состояли почти исключительно изъ дерева. Это напомнило мнѣ обычай въ Гельзингландѣ, Даларнѣ и Норландѣ въ Швецiи, гдѣ крестьяне украшаютъ свои повозки, сбрую, дома и церкви подобною искусною рѣзьбою. Относительно-же расположенiя деревень можно было подумать, что имѣлись въ виду воззрѣнiя Гиппократа или Бюксбургскаго доктора Фауста на солнце, воздухъ и воду. Дѣло въ томъ, что нѣкоторыя деревни построены рѣшительно въ формѣ круга, большинство-же изъ нихъ полумѣсяцомъ, такъ чтобы онѣ могли по возможности пользоваться солнечнымъ тепломъ отъ юго-востока до юго-запада и по возможности быть защищены отъ злыхъ холодныхъ вѣтровъ, съ сѣверо-востока до сѣверо-запада. Точно такое расположенiе крестьянскихъ дворовъ встрѣчается и въ Швецiи. Вообще, какая разница въ этомъ отношенiи, какъ и во многихъ другихъ, между Русскими и несчастными Польскими крестьянами!

Въ деревняхъ по дорогѣ до самаго Новгорода все еще встрѣчались крестьяне, обучавшiеся обращенiю съ оружiемъ, и отдѣльные отряды войска. Проходили мимо насъ иногда печальныя кучки плѣнныхъ, между ними даже Испанцы и Португальцы. Погода днемъ стояла по большей части очень жаркая, и короткiя сѣверныя ночи не успѣвали охлаждать воздуха. Конечно въ болѣе чистоплотной Россiи не такъ страдаешь отъ насѣкомыхъ, какъ въ Польшѣ, но злые черные прыгуны не умалялись въ многочисленности. Для того, что-бы избавиться отъ нихъ, я по возможности избѣгалъ комнатъ, и когда остановка изъ за лошадей (что впрочемъ между Тверью и Петербургомъ случалось рѣдко) доставляла намъ часъ-другой отдыха, то я заворачивался въ плащъ и ложился, когда шелъ дождь, подъ телѣгу, подложивъ себѣ подъ голову самую цѣнную часть моего имущества, напѣвалъ: hoc tibi proderit olim, и засыпалъ богатырскимъ сномъ.

У меня не было съ собою слуги, и по этому я долженъ былъ самъ стеречь мои вещи, и уже раза два убѣждался въ необходимости быть на сторожѣ, въ первый разъ въ Смоленскѣ у Джiампы, гдѣ, за недосмотромъ слугъ, у насъ кое что стащили, а во второй въ Вязьмѣ, гдѣ во время шумнаго обѣда у насъ украли нѣкоторыя вещи изъ самой передней полицiймейстера. Въ этомъ отношенiи, Россiя — та-же Аравiя, и Русскiе простолюдины, какъ и Арабы, тароваты въ шатрѣ, вороваты на улицѣ.

Наконецъ я проѣхалъ знаменитый Новгородъ, о коемъ Ганзейская поговорка нѣкогда гласила: «Кто противъ Бога и Великаго Новгорода?» Но этотъ Новгородъ, въ теперешнемъ его положенiи, не произвелъ на меня столь сильнаго впечатлѣнiя и лишь въ нѣкоторыхъ церквахъ и въ обширности своихъ стѣнъ (въ чемъ можетъ поспорить съ Кiевомъ) представляетъ слѣды своего величiя. Иванъ Васильевичъ Грозный попралъ ногами свободу и независимость этого пышнаго города и его гордыхъ гражданъ и его пригородовъ, вывелъ многiя тысячи его храбрыхъ жителей въ южныя части государства, и

замѣнилъ ихъ другими поселенцами, привыкшими къ слѣпому повиновенію.

На четвертый день по выѣздѣ моемъ изъ Москвы, я промчался мимо миловиднаго Царскаго Села, и вскорѣ моимъ удивленнымъ взорамъ представились Нева и расположенная на ея берегахъ новая Пальмира. Итакъ я въ четыре дни проѣхалъ болѣе ста Нѣмецкихъ миль. Вся дорога отъ Твери до Петербурга крайне однообразная; вся страна ничто иное, какъ плоская равнина: множество болотъ и трясинъ, съ отдѣльными группами березъ и елокъ, мало деревень, лишь кое-гдѣ одинокая, красивая почтовая станція или гостинница, обыкновенно съ хозяиномъ-Итальянцемъ. Дорога впрочемъ почти столь-же хороша, какъ прочія большія дороги великаго государства. Мекленбургскихъ и Голштинскихъ или Бельгійскихъ каменныхъ плотинъ тутъ, слава Богу, нѣтъ; но за то множество деревянныхъ гатей, преимущество по болотамъ и трясинамъ, сложенныхъ изъ цѣльныхъ еловыхъ стволовъ, дрожащихъ и подпрыгивающихъ подъ колесами. Отъ этихъ дрожащихъ бревенъ толчки непосредственно передавались телѣгою сѣдоку. Да и разболѣлись же у меня бока послѣ этой солдатской ѣзды, въ которой я въ теченіи четырехъ дней едва успѣвалъ засыпать на мгновенія; ибо мнѣ не только не давала засыпать людская толкотня и тряска на гатяхъ, но я и самъ съ намѣреніемъ не давалъ себѣ заснуть, а лежалъ какъ собака на своемъ добрѣ, чтобы не доѣхать до Петербурга совершенно обобраннымъ. Я называю эту ѣзду солдатскою, имѣя въ виду то, чѣмъ должны бы быть солдаты, а не то, чѣмъ они есть. Ибо *мои* солдаты, люди несомнѣнно храбрые и бодрые, полковникъ Теттенборнъ и мой легіонный офицеръ, на другой день послѣ нашего пріѣзда лежали, полубольные, на кровати и на диванѣ; я же остался на ногахъ, и подумалъ: «Твоя грудь и твои легкія, съ помощію Божіею, еще продержатся годъ-другой».

Въ концѣ Августа 1812 года въѣхалъ я въ Петербургъ и прямо направился къ зáмку г. министра барона фонъ Штейна. Замокъ этотъ носитъ названіе Демута, отъ имени хозяина гостинницы, въ которой министръ проживалъ нѣсколько мѣсяцовъ, покамѣстъ онъ не переѣхалъ въ предоставленный ему домъ дворцовыхъ размѣровъ. Я тотчасъ отъискалъ себѣ у Демута двѣ комнаты и нанялъ себѣ лакея-Нѣмца, по рожденію Эстляндца; безъ этого тутъ нельзя обойтись. Я тотчасъ поступилъ въ должность къ г. министру, состоя пока какъ-бы на Русской службѣ: ибо я получалъ жалованіе изъ Русскаго казначейства, даже еще во время пребыванія моего въ Пруссіи; впослѣдствіи, конечно, изъ кассы центральнаго управленія по дѣламъ Германіи. Мнѣ также возвратили деньги, истраченныя мною во время моего опаснаго путешествія отъ Праги до Петербурга. Министръ поручалъ мнѣ разныя мелкія письменныя дѣла, переписку и разборъ писемъ и депешъ, составленіе мелкихъ брошюръ, а также дѣла по устройству такъ-называемаго Нѣмецкаго легіона. Также задавалъ мнѣ работы одинъ старый Русскій адмиралъ: работа была то веселая, то докучная, смотря по тому, что взойдетъ на умъ старику. Это былъ адмиралъ Шишковъ, великій оригиналъ, истый Русскій и, какъ сдается мнѣ, самаго лучшаго закала. Въ немъ выразился основ-

ной типъ его народа—веселость, шутливость и неописанная ловкость и живость какъ въ тѣлодвиженіяхъ, такъ и въ игрѣ физіономіи. Въ немъ, должно быть, было нѣчто суворовское. Шестидесятипятилѣтній старецъ, скорѣе худощавый чѣмъ полный, съ лицомъ весьма характернымъ, чертами ироническими и притомъ крайне добродушными, безпрестанно измѣняющимися, съ быстротою, невиданною мною ни на какомъ другомъ лицѣ. Притомъ онъ имѣлъ привычку, повидимому, вполнѣ Русскую, выражать не словами, а жестами вспыхивающія въ его умѣ догадки и мысли; старику вообще было трудно облекать словами свои мысли, въ коихъ конечно у него не было недостатка, или точнѣе сковывать свою мысль тѣсными узами слова. При этомъ замѣчу кстати, что Русскіе въ пантомимѣ и въ характерныхъ роляхъ и пляскахъ забавны до нельзя. Съ величайшимъ удовольствіемъ просиживалъ я въ Русскомъ театрѣ цѣлые часы, не понимая ни слова: до того занималъ меня языкъ тѣлодвиженій и жестовъ. Этотъ достойный старый адмиралъ, лишь весьма мало понимавшій по нѣмецки, либо слыхалъ обо мнѣ, либо имѣлъ подъ глазами одну изъ моихъ мелкихъ статей или ихъ переводы. Онъ въ то время, послѣ того какъ Румянцевъ свергъ министра внутреннихъ дѣлъ Сперанскаго, какъ бы заступилъ его мѣсто, и между прочимъ писалъ воззванія и манифесты къ народу. При этомъ онъ искалъ энергическихъ и величавыхъ выраженій и оборотовъ и переводилъ мнѣ свои фразы на плохой Французскій языкъ. Я же долженъ былъ изложить ихъ на Нѣмецкомъ языкѣ; затѣмъ, по возможности, съ усиленіемъ выразительности и паѳоса, перевести на Французскій языкъ, вѣроятно еще болѣе плохой; онъ же пытался воспользоваться этою версіею для усиленія своего Русскаго текста. Помню только, что при всемъ удовольствіи, которое доставляло мнѣ общество славнаго старика, работа эта была невыносимая, и такъ какъ я не понималъ по-русски, то я не могъ даже вкусить ея плодовъ....

Битва подъ Бородинымъ 7 Сентября, вступленіе въ Москву 14 и пожаръ древней столицы 15 и 16 составили въ этой кампаніи первый и большой поворотъ, возбудили въ Петербургѣ бурное столкновеніе самыхъ противуположныхъ мнѣній, но наконецъ привели къ побѣдѣ, укрѣпивъ мужество и настойчивость царя и народа. И въ Петербургѣ сначала были раздѣлены мнѣнія на счетъ того, кто сжегъ Москву, Растопчинъ или Французы. Люди, знавшіе Растопчина, говорили, что это онъ, и большинство проклинало его дѣло, какъ ужасную жестокость. Но когда принялись проклинать его и Французы и выставлять Растопчина образцомъ крайняго варварства, то въ Русскихъ произошелъ поворотъ, и тутъ только догадались они, какую побѣду одержали они надъ врагомъ этою пламенною жертвою. Имя Растопчина вдругъ сдѣлалось великимъ и славнымъ, и пошли разсказы и легенды о разныхъ приготовленіяхъ и мѣрахъ, о которыхъ онъ никогда и не думалъ. Тутъ же стала разсказываться басня о громадномъ шарѣ, извергающемъ пламя и пули, который будто соорудилъ Растопчинъ, съ помощію нѣсколькихъ фейерверкеровъ и воздухоплавателей, и который предполагалось спустить въ самую середину Французскаго войска. Эта басня была повторена Французами въ ихъ газетахъ. Растопчинъ

былъ истый Русскій человѣкъ, понимавшій свой народъ, умѣвшій говорить съ нимъ—это доказываютъ его воззванія къ Москвѣ; онъ же, въ случаѣ нужды, былъ человѣкомъ отчаяннаго мужества. Прежде онъ былъ генералъ-адъютантомъ при Павлѣ, и императоръ могъ спать покойно, во всѣхъ своихъ дворцахъ, пока возлѣ него былъ этотъ страшный человѣкъ. Лишь удаливши Растопчина подъ предлогомъ должностей, которыхъ онъ никогда не желалъ, заговорщики могли приступить къ осуществленію своего замысла. Наполеонъ черезъ сожженіе Москвы проигралъ свою кампанію. Какъ больно это пламя обожгло Французовъ, видно изъ статьи, помѣщенной въ Journal de l'Empire. Вотъ она:

«Если-бы можно было сомнѣваться въ ужасномъ варварствѣ Русскихъ, то ихъ образъ дѣйствія въ собственной ихъ странѣ лучше убѣдилъ-бы насъ въ ономъ, чѣмъ все до сихъ поръ напечатанное о ихъ нравахъ. Побѣжденные нашимъ оружіемъ, они мстятъ намъ тѣмъ, что сжигаютъ города, коихъ они защищать не могутъ. Женщины, дѣти, старики, даже собственные раненные ихъ, дѣлаются жертвами ихъ безумной ярости или грубой гордости. Мы словно преслѣдуемъ ихъ лишь для того, чтобы защищать ихъ отъ собственной ихъ злобы, и наше войско, которому въ опъяненіи побѣды можно было-бы простить нѣкоторые безпорядки, наступаетъ лишь для того, что-бы спасать народъ отъ неистовствъ того войска, которое должно было-бы его защищать. Что сталось-бы съ образованною Европою, если бы въ нее могли вторгнуться эти полчища грабителей? На это даютъ отвѣтъ развалины Рима и Италіи. Варвары и нынѣ все тѣ-же, какъ и во время оно. Если когда-либо была война народная, то такова конечно война, имѣющая цѣлью ниспроверженіе этого кровожаднаго колосса, который уже въ теченіи ста лѣтъ, при громѣ цѣпей, коими онъ угрожаетъ свободѣ Европы, и при свѣтѣ факеловъ, коими онъ хочетъ озарить ея развалины, наступаетъ на насъ. При осадѣ Вѣны, Европа единожды была спасена отъ наводненія варварами, но спокойствіе ея еще оставалось безъ ручательства. Нужно было возникнуть могучему генію. Нужно было ему ввести всѣ военныя силы образованнаго міра въ самое средоточіе варварства, для того чтобы поразить его въ сердце. Такова величавая картина, развертывающаяся передъ глазами удивленнаго міра, въ коей занятіе Москвы одинъ изъ главныхъ эпизодовъ. Можно было подумать, что врагъ пощадитъ свою древнюю столицу. Это было тѣмъ болѣе вѣроятно, что по письмамъ, заслуживающимъ довѣрія, Русскій главнокомандующій послалъ въ главную квартиру Французовъ парламентера, чтобы поручить Москву милости побѣдителя. Но до того великъ безпорядокъ въ Россіи, что намѣстникъ дерзаетъ собственною властію устроивать шайки разбойниковъ и злодѣевъ и надѣется защитить городъ, въ коемъ не могла удержаться цѣлая армія съ ватагою преступниковъ. Никогда безумнѣйшая жестокость не изобрѣтала болѣе ужаснаго дѣла: имя человѣка, совершившаго его, должно вызвать проклятія современниковъ и отвращеніе потомства. Однакоже, несмотря на ужасную предосторожность намѣстника, который распорядился увозомъ или уничтоженіемъ пожарныхъ трубъ, есть надежда, что нѣкоторые кварталы, отдѣленные отъ

прочихъ обширными пустырями, будутъ спасены отъ пламени. По лежащему передъ нашими глазами письму, спасены большіе запасы риса, водки и муки, и ежедневно открываются новые. Отступленіе Русскихъ совершилось такъ поспѣшно, что они даже не имѣли времени заклепать многочисленныя орудія, хранящіяся въ арсеналѣ. Но ужаснѣе всего то, что Татаринъ, намѣстникъ Москвы—отъ этого дѣла содрогнулись-бы и людоѣды—прежде всего велѣлъ зажечь ту часть города, въ которой находились больницы, и что 30,000 раненныхъ и больныхъ (?), спасшихся отъ смерти въ битвѣ 7 Сентября, нашли ее въ пламени, зажженномъ ихъ соотечественниками. Можно-ли называть народомъ безумцевъ, сожигающихъ своихъ раненныхъ? Нѣтъ, Европа съ гнѣвомъ призываетъ на нихъ презрѣніе всѣхъ образованныхъ націй и проклятія грядущихъ столѣтій».

Такъ тяжко ощущали Французы, что Аустерлицкое солнце потухло въ дымѣ этого пожарища.. . Но и Императоръ Александръ не имѣлъ духа рѣшительно осудить или одобрить страшное дѣло, погубившее столько имущества и богатствъ, которыми впрочемъ воспользовались-бы лишь Французы, такъ что заслуга Ростопчина не была признана, и онъ вскорѣ послѣ того въ нѣкоторой опалѣ оставилъ свою родину. Но это напоминало Нуманцію и Сарагоссу, а при одномъ воспоминаніи о Сарагоссѣ у Французовъ волосы становились дыбомъ. Въ пламени-же Москвы сіяло десять Сарагоссъ. И Европа не произнесла проклятія надъ этимъ пожаромъ и не ощутила отвращенія, но то удивленіе, тотъ страхъ, какіе внушаетъ неспособность къ столь великимъ жертвамъ.

Я упомянулъ выше о Русско-нѣмецкомъ легіонѣ. Многіе офицеры, Нѣмцы, и не изъ самыхъ незначительныхъ, покинули свою родину и поспѣшили на востокъ. Ими руководило темное предчувствіе, что Господь наконецъ сокрушитъ счастливца, съумѣвшаго волею, искусствомъ и хитростію содѣлаться громадною силою, передъ коею малодушная толпа преклонялася какъ передъ судьбою. Начало этого крушенія уже виднѣлось имъ въ Испаніи. Они надѣялись, что Наполеонъ, гордость и властолюбіе котораго уже понесли значительныя уязвленія въ Иберіи, окончательно погибнетъ въ Скиѳіи. Эти бѣглецы, по большей части Прусаки, люди храбрые и честные, намѣревались сражаться тутъ не противъ своего короля и повелителя, но за него. Многіе изъ нихъ сражались въ рядахъ войска; другіе жили въ Петербургѣ, чтобы изъ Нѣмецкихъ плѣнниковъ, перебѣжчиковъ и волонтеровъ составить Нѣмецкій легіонъ, который поднялъ-бы мечъ и знамя, какъ только побѣда съ востока подвинется къ западу, къ предѣламъ отчизны.

Во главѣ комитета по устройству этого легіона стояли царствующій герцогъ Ольденбургскій (также бѣглецъ), графъ Ливенъ, еще недавно посланникъ въ Берлинѣ, и министръ Штейнъ, люди самые неравные, что подавало поводъ ко многимъ мелкимъ дрязгамъ. Герцогъ, человѣкъ прекрасный и достойный, былъ торжественъ, сдержанъ и холоденъ, и конечно созданъ не для того, чтобы въ военныхъ обстоятельствахъ внушать пылъ и отвагу. Быстрый Штейнъ бывалъ въ отчаяніи, когда ему приходилось съ нимъ совѣщаться: «Стоитъ онъ предо мною, словно древне-германскій процессъ и учитъ меня два часа сряду

stans pede in uno, говаривалъ онъ. Когда я въ первый разъ отправился поклониться герцогу, Штейнъ предъупредилъ меня, что-бы я, не прерывая, выслушалъ его рѣчи, что онъ станетъ учить меня исторіи Германской имперіи и ея князей. Такъ и случилось. Съ Ливеномъ имѣть дѣло было удобно: онъ охотно подчинялъ свою дѣятельность по этому и по прочимъ Германскимъ дѣламъ сужденію и волѣ Штейна. По этимъ дѣламъ и мнѣ иногда давались маленькія порученія, и мнѣ случилось бывать посредникомъ между офицерами и моимъ начальникомъ. Медлительность и педантство герцога часто доводили бѣдныхъ офицеровъ до отчаянія, такъ что самые пылкіе изъ нихъ часто бывали близки къ тому, чтобы вовсе отказаться отъ нашего плана и потеряться въ рядахъ Русской арміи, гдѣ конечно имъ не предстояло видной дѣятельности, такъ какъ Русскіе, когда дѣла ихъ стали поправляться, сдѣлались невыносимо надменными и насмѣшливыми съ иностранцами. Это было тяжелое испытаніе для терпѣнія многихъ отличныхъ людей, но Богъ далъ имъ въ 1813 году обагрить свой мечь за отечество во Французской крови. Посреди всѣхъ этихъ мелкихъ дрязгъ и непріятностей не мало было и радости, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ пламя Москвы возжгло безконечныя надежды.

Таковъ былъ прекрасный кругъ, въ коемъ я ежедневно вращался. Но не хочу умолчать и о другомъ, который также имѣлъ свою прелесть. Я нашелъ въ Петербургѣ большіе торговые дома, во главѣ коихъ стояли мои соотечественники, и вскорѣ сблизился и съ другими Нѣмецкими домами, съ учеными и съ нѣкоторыми академиками. Тутъ сѣверное гостепріимство выказывалось въ полномъ своемъ блескѣ. Встрѣтилъ я также старинныхъ знакомыхъ изъ Швеціи, между ними генерала графа Армфельта, въ то время намѣстника въ Финляндіи. Едва можно было отбиться отъ приглашеній и пировъ. Жизнь была ночная, къ чему естественно ведетъ зима на дальнемъ сѣверѣ, и еще болѣе ведетъ столичный обычай: до полуночи почти никогда не кончались вечернія собранія, а часто тянулись часовъ до двухъ, до трехъ. По утру-же нельзя было надѣяться, что-бы кто либо васъ принялъ часовъ до двѣнадцати.

Въ числѣ многихъ значительныхъ людей познакомился я съ астрономомъ Шубертомъ, съ поэтомъ Клингеромъ и съ мореплавателемъ Крузенштерномъ: всѣ трое были Нѣмцы, послѣдній происходилъ изъ Шведской фамиліи. Съ Шубертомъ меня познакомили, какъ съ моимъ землякомъ. Это былъ человѣкъ рослый, красивый и умный, но испорченный гордынею. Онъ былъ поклонникъ Наполеона, не вѣрилъ, что-бы надъ нимъ можно было одержать какой-либо успѣхъ, вообще благоговѣлъ лишь предъ умомъ и счастіемъ, былъ исполненъ холодной насмѣшливости и презрѣнія къ людямъ. Быть можетъ, онъ тутъ сталъ таковымъ; но для этого все таки была нужна прирожденная склонность. Онъ давалъ мнѣ поученія слѣдующаго рода: «человѣкъ есть служебная и вьючная тварь, любезный землякъ; тутъ онъ тварь вдвойнѣ коварная; привыкайте держать себя здѣсь понадменнѣе и погрубѣе, если вы хотите, что-бы васъ во что нибудь ставили.» Такія возмутительныя правила, быть можетъ, и въ другихъ странахъ имѣютъ свою долю практическаго значенія. Я былъ ра-

за два у этого надменнаго, чваннаго ученаго и болѣе къ нему не возвращался. Клингеръ былъ высокій, величавый старецъ съ бѣлыми, какъ снѣгъ, волосами, съ тѣломъ, словно вылитымъ изъ металла, съ глубокимъ, горделивымъ взоромъ, съ могучимъ голосомъ. Но и этотъ Франкфуртецъ здѣсь сложился, сшлифовался и застылъ въ нестерпимо-свѣтскаго человѣка. Его постигло горе: въ Бородинскомъ сраженіи онъ лишился единственнаго своего сына, офицера Русской арміи; это глубоко сразило его. Крузенштернъ былъ совсѣмъ инымъ человѣкомъ, хотя и родился на суровомъ сѣверѣ, на берегахъ Эстляндіи: то былъ человѣчнѣйшій, безпритязательнѣйшій, любезнѣйшій изъ смертныхъ, съ которымъ всякому становилось на душѣ хорошо; онъ вынесъ изъ своихъ путешествій лишь добродушную простоту моряка, а не суровость стихіи, съ которою ему приходилось бороться. Но любимцемъ моимъ былъ академикъ Триніусъ, лейбъ-медикъ герцогини Виртембергской, рожденной принцессы Саксенъ-Кобургской, поэтъ, ботаникъ и—человѣкъ.

У него по ночамъ и полуночамъ собирались лучшіе и живѣйшіе представители Петербургской ученой гильдіи. Тутъ кипѣла жизнь, тутъ отъ всего сердца сочувствовали великому дѣлу освобожденія Нѣмецкой родины и Европы.

Герцогинѣ я былъ представленъ Триніусомъ и б. фонъ Штейномъ. Это была чудесная женщина, красивая и стройная, какъ вся ея семья, и исполненная Германскаго патріотизма. Она была восторженная сторонница Штейна и вполнѣ Нѣмка, и за ея чайнымъ столомъ старикъ возсѣдалъ въ полномъ блаженствѣ, а за нимъ сиживали и люди помельче. Эта благородная принцесса собирала у себя все, что̀ еще питало Германскую любовь и надежду. Она, ближайшій другъ царствующей императрицы Елисаветы, несла вмѣстѣ съ нею Штейновское знамя мужества и чести; и часто случалось, что она, ожидая къ себѣ какую нибудь странную, неуклюжую личность (въ такихъ случаяхъ придворные кавалеры и дамы не приглашались) давала о томъ знать Императрицѣ, и эта послѣдняя пріѣзжала incognito, садилась въ сторонѣ или позади фрейлинъ, что-бы провести время по человѣчески. Вотъ тому примѣръ.

Здѣсь, въ Петербургѣ, куда въ это время, словно къ Великой Пятидесятницѣ восторга и избавленія, собирались языки и люди всѣхъ народовъ, явилось и нѣсколько только что пріѣхавшихъ изъ Англіи Тирольцевъ, между ними великолѣпный мужчина съ Форарльберга, Францъ Фиделисъ Юбилэ, лѣтъ сорока, истинный образецъ статнаго и свободнаго Германца. Этого человѣка, который провелъ нѣсколько мѣсяцовъ въ Петербургѣ, наперерывъ приглашали на всѣ вечера, заставляли его разсказывать подвиги и страданія Тирольской войны, его аудіенціи у императора Франца и Англійскаго принца-регента, его разговоры съ ними; заставляли его пѣть Тирольскія пѣсни, народныя и военныя, что̀ онъ и исполнялъ самымъ звучнымъ голосомъ и съ самою неподдѣльною веселостію. Онъ уже нѣсколько разъ побывалъ у герцогини, которая любила наигрывать на фортепіано мелодіи его пѣсенъ; уже онъ совершенно освоился и приручился въ ея домѣ и, какъ это бываетъ съ Альпійскими жителями, сдѣлался довѣрчивымъ и болтливымъ.

Герцогиня разсказала Императрицѣ объ этой забавной заморской птицѣ. Императрица пожелала его увидѣть и послушать. Герцогиня поручила графу Армфельту привезти его въ назначенный вечеръ. Графъ-же пригласилъ его въ этотъ день къ себѣ обѣдать и возбудилъ его бодрость прекраснымъ виномъ. Юбилэ пріѣхалъ, болталъ, разсказывалъ, пѣлъ — все это съ чисто-тирольскимъ увлеченіемъ и веселостію. Когда дѣло стало подходить къ полуночи, и герцогиня поднялась, а за нею встали всѣ присутствовавшіе, Императрица выступила изъ-за фрейлины, привѣтливо подошла къ Тирольцу, заговорила съ нимъ о Швабіи и о Рейнѣ, разсказала ему, что она прирейнская Нѣмка, и попросила его, что-бы, если Тирольцы и онъ въ ихъ числѣ вскорѣ снова подымутся и Богъ дастъ имъ побѣду, онъ вспомнилъ о ея заступничествѣ и не слишкомъ по военному хозяйничалъ въ Баваріи и Швабіи. Онъ-же, находясь уже въ ударѣ, отвѣчалъ ей смѣло и рѣзко, съ Тирольскою запыльчивостію отозвался о короляхъ Баварскомъ и Виртембергскомъ и о ея братѣ, великомъ герцогѣ Баденскомъ, при чемъ не скупился на сильныя выраженія. Послѣ того, какъ Императрица все это выслушала съ улыбкою и повторила свою просьбу, выступилъ впередъ спутникъ Армфельтъ и сказалъ: «Знаете-ли вы, любезный Юбилэ, съ кѣмъ вы говорите? Это Императрица.» При этихъ словахъ, бѣднякъ поблѣднѣлъ, весь опустился отъ страха и произнесъ заикаясь: «Ваше Величество, будьте милосерды! На то была ваша воля: я не зналъ, что вы тутъ; я считалъ васъ лишь придворною дѣвкою». Тутъ она принялась милостиво его успокоивать, но онъ ушелъ дрожа всѣмъ тѣломъ. Когда я на другое утро посѣтилъ его—это былъ день, назначенный для его отъѣзда— онъ лежалъ въ постели и охалъ: оказалось, что онъ принялъ рвотное. На мой удивленный вопросъ, какъ это онъ такъ быстро ослабѣлъ и расхворался, онъ отвѣчалъ: «Мнѣ вчера было хуже чѣмъ отъ пули изъ штуцера: Императрица вотъ гдѣ у меня сидитъ.»

О, то было время знаменій и прорицаній пророка Исаіи; равность настроеній равняла всѣ народы; горы прижались къ долинамъ, и долины воздвигались горами.

Пріѣзжали въ это лѣто въ Петербургъ многія и другія, прекрасныя и знаменитыя, личности, ниспускавшіяся до доступныхъ мнѣ сферъ. Также появились тутъ, бѣжавшія изъ Вѣны, двѣ Европейскія знаменитости, г-жа Сталь и Августъ Вильгельмъ фонъ Шлегель. Ихъ я также лицезрѣлъ. Что̀ сказать мнѣ объ этой великой, столь часто изображенной и прославленной женщинѣ? Наружностію она не была красива, для женщины сложена почти слишкомъ сильно и мужественно. Но какая голова вѣнчала это тѣло! Лобъ, глаза и носъ были прекрасны и сіяли блескомъ генія; ротъ и подбородокъ были менѣе привлекательны. При блистательномъ остроуміи, сверкавшемъ въ ея глазахъ, въ каждомъ ея словѣ, слышалось чарующее выраженіе разума и доброты. Она по лицу всякого встрѣчнаго угадывала, въ какомъ тонѣ съ нимъ говорить — царственный даръ, коего лишены многіе цари. Было весело смотрѣть, какъ она обходилась со Штейномъ и какъ эти двѣ живѣйшія личности, сидя на одномъ диванѣ, спорили между собою. — Слѣдующій случай съ г-жею Сталь далъ почувствовать намъ,

столь часто слишкомъ равнодушнымъ, какъ живо Французы любятъ свою родину и все родное и какъ часто у нихъ слишкомъ много того, чего у насъ слишкомъ мало.

Французскіе актеры въ Петербургѣ давали Федру. Рокка (другъ г-жи Сталь) и ея сынъ пошли въ театръ, мы-же и прочіе приглашенные къ знаменитой женщинѣ еще сидѣли за столомъ,—вдругъ они оба вернулись нѣсколько взволнованные и разсказали, что съ самаго начала представленія въ театрѣ поднялись такой шумъ и гамъ, такая брань на Французовъ и Французскій театръ, что представленіе должно было прекратиться. Оно и прекратилось; это было послѣднее представленіе Французской труппы въ это лѣто въ Петербургѣ, и народная ненависть и гнѣвъ выразились столь рѣзко и жестко, что въ началѣ слѣдующей зимы актеры должны были оставить Петербургъ. А г-жа Сталь? Она забыла о времени и мѣстѣ, она помнила лишь себя и свой народъ. Она вспылила, залилась слезами и воскликнула. «Варвары! не хотятъ видѣть Расинову Федру!»

А Русскіе? Не владѣя языкомъ, я могъ вступать въ сношеніе лишь съ тѣми изъ нихъ, которые, говоря по нѣмецки или по французски, были причастны къ общеевропейскому образованію, и у которыхъ Европейская отдѣлка и лоскъ отчасти уже стерли народныя особенности. Но истинные Русскіе, солдаты, крестьяне и мелкіе торговцы, ямщики и кучера, мимы и танцовщики Русскаго театра, этихъ я не упускалъ случая наблюдать и узнавать. Такія антропологическія забавы были для меня потребностію, и удовлетворять этой потребности мнѣ тутъ представлялась богатая возможность.

Гуляя съ моимъ почтеннымъ покровителемъ, что въ первый мой мѣсяцъ въ Петербургѣ случалось часто, я предавался этой забавѣ. Когда въ нѣкоторомъ разстояніи отъ насъ шли прохожіе, мы угадывали и бились объ закладъ, который изъ нихъ Нѣмецъ, Англичанинъ, Русскій. Пріемы послѣднихъ я вскорѣ изучилъ, также ихъ складъ и походку, такъ что я уже на значительномъ разстояніи узнавалъ ихъ навѣрняка. Тогда мой старикъ говаривалъ шутя, что меня, должно быть, въ колыбели подмѣнила какая нибудь колдунья, что я очевидно принадлежу къ какому нибудь племени дикихъ Американцевъ и что у меня собачье чутье на иноплеменную кровь. Русскіе — чудный народъ. Можно сказать безъ ошибки, что въ ихъ чертахъ и во всемъ ихъ физическомъ и нравственномъ складѣ, Азія соединяется съ Европою; мало того, васъ поражаютъ и многія другія, необъяснимыя сходства; несомнѣнны примѣси Скандинавскаго, Татарскаго, Финскаго элементовъ. Какъ близокъ языкъ къ Польскому, и какъ несхожи люди обѣихъ націй! Легкость и веселость, общая всему Славянскому племени, но притомъ гораздо болѣе сознательной игривости, чѣмъ у Поляковъ, гораздо болѣе выраженія насмѣшливой разумности и упорной воли, при всей подвижности и гибкости членовъ и жестовъ. И когда дѣло касается чего либо важнаго, какое выраженіе упорства и твердости, какое терпѣніе и трудолюбіе, какая стойкость, словно Азіатская! Притомъ религіозность столь же глубокая, какъ она поверхностна у сосѣдей. Я поистинѣ дивился лицамъ молящихся въ церквахъ и на улицахъ, когда раздавался утренній или вечерній звонъ. Какъ все останавли-

валось и складывало руки (?), какъ все смотрѣло глубоко, словно заглядывало въ небо и въ самого себя, словно внезапно переносилось изъ веселости предъидущей минуты, изъ суэты житейской въ иной міръ, словно ударилъ громъ и приковалъ всѣхъ къ мѣсту, гдѣ только что всѣ беззаботно двигались и шумѣли! Тутъ чувствуешь, что въ этомъ народѣ есть нутро, есть твердая, неразрушимая сущность. У послѣдняго крестьянина написано на лицѣ: я также нѣчто; выражается великая, несокрушимая общность, нѣчто похожее на гордость, о чемъ смиренный Нѣмецъ не имѣетъ и понятія. Я говорю это не въ качествѣ человѣка, который-бы ихъ особенно любилъ и ими восхищался; но таково именно впечатлѣніе, которое они на меня произвели. Они не любятъ Нѣмцевъ, они даже презираютъ ихъ. Я не плачу́ имъ тѣмъ же, но любить ихъ я также-бы не могъ, а жить между ними я не хотѣлъ-бы ни за что́ въ мірѣ. Имъ пришлось испытать великую и тяжкую судьбину, и они честно испытали ее. Я не думаю, что-бы имъ было суждено произвести въ мірѣ переворотъ, я и не желаю увидѣть ихъ въ моемъ отечествѣ въ качествѣ исправителей міра; но и чужіе не такъ легко сдвинутъ съ пути этихъ твердыхъ богатырей.

А между Русскими высшихъ сословій, какія величавыя отдѣльныя лица, какіе образцы, сказалъ-бы я, для живописца и скульптора! Страхъ и удивленіе внушаетъ эта самоувѣренная сила — не назову ея величіемъ, выраженіе это слишкомъ высоко, но эта рѣшительность и непоколебимость, даже независимость. Какъ? *Независимость* въ такихъ странахъ, какъ Россія и Турція, гдѣ случай и произволъ почти всегда сильнѣе, чѣмъ справедливость? Именно *независимость*. Отчасти это объусловливается конечно народнымъ характеромъ, но еще болѣе способомъ правленія. Люди кажутся несокрушимыми и непоколебимыми, какъ желѣзная судьба. Я понимаю, какимъ образомъ могутъ слагаться такія личности въ Россіи и въ Турціи. Кто въ этихъ странахъ имѣетъ достаточно силы и мужества, наконецъ побѣждаетъ всякій страхъ, который въ сущности можетъ внушать ему лишь одно лицо; все остальное прахъ и ничтожество, попираемое имъ ногами. Ему нужно только держаться своей твердой рѣшимости и не забывать, что Царь — также смертный человѣкъ. Какая разница тамъ, гдѣ дѣйствуютъ болѣе свободныя силы! Какъ въ Англіи, во Франціи, въ Германіи, даже самый энергическій характеръ, самая могучая воля должны дробиться и размѣниваться въ своей дѣятельности! Со сколькими лицами и вещами приходится считаться, съ какою уступчивостію и гибкостію обходить осторожно всякую позицію! Какъ рѣдко можно штурмовать ее прямо! Въ странахъ, гдѣ поклоняются лишь одному Богу и одному самодержавному Государю, гдѣ до Бога высоко, до Царя далеко, всегда можно идти прямо на проломъ. Ибо тамъ, гдѣ господствуетъ рабство, отдѣльныя лица всегда наиболѣе независимы. Тутъ кстати два анекдота о великомъ Суворовѣ.

Когда его единственному сыну минуло семнадцать лѣтъ, онъ захотѣлъ представить его Императрицѣ Екатеринѣ. Онъ вошелъ съ нимъ въ прихожую, наполненную ожидающими и прислужниками. Всѣхъ поразилъ костюмъ юноши. Отецъ одѣлъ его такъ, какъ одѣвали пажей во времена Петра Перваго. Старикъ, имѣвшій всегда сво-

бодный доступъ къ Императрицѣ, по привычкѣ своей болѣе бѣгать чѣмъ ходить, проскочилъ сквозь разступающуюся толпу вмѣстѣ съ сыномъ, и схватился за ручку двери, какъ будто хотѣлъ войти къ Государынѣ. Но вдругъ онъ столь-же быстро побѣжалъ назадъ на середину залы, простоялъ тамъ нѣсколько мгновеній, какъ будто въ раздумьи, и затѣмъ цѣлый часъ водилъ своего сына вокругъ комнаты, заставляя его кланяться всѣмъ присутствовавшимъ. Онъ началъ съ самыхъ знатныхъ, причемъ собственноручно, и лишь весьма немного, наклонялъ голову сына; онъ все увеличивалъ поклоны, по мѣрѣ того, какъ переходилъ къ лицамъ менѣе чиновнымъ и, дошедши наконецъ до истопника, разводившаго огонь въ каминѣ, онъ наклонилъ голову юноши до самой земли. Затѣмъ онъ поднялъ его и сказалъ торжественно и громко, такъ что это было слышно во всей залѣ: «Сынъ мой, ты сегодня начинаешь жить самостоятельно; не забывай великаго урока, который я пожелалъ тебѣ дать. Смотри! эти господа (указывая на знатнѣйшихъ) уже стали всѣмъ тѣмъ, чѣмъ могли сдѣлаться; тѣ-же еще могутъ всего достигнуть!» Вспомнимъ при этомъ карьеры Разумовскихъ, Орловыхъ, Потемкина, Зубовыхъ и т. д.

Въ царствованіе Павла, когда старый фельдмаршалъ былъ уже очень дряхлъ, Императоръ, не вполнѣ ему довѣрявшій, учредилъ за нимъ присмотръ. Однажды онъ послалъ къ нему своего любимца Кутайсова, подъ предлогомъ освѣдомленія о его здоровьи. Этотъ Кутайсовъ изъ должности брадобрѣя возвысился до чина генералъ-лейтенанта. Когда о немъ доложили, фельдмаршалъ, лежавшій больной въ постели, велѣлъ себя одѣть въ мундиръ и обуть въ сапоги съ шпорами, сѣлъ въ большія кресла, и въ этомъ нарядѣ онъ допустилъ къ себѣ Кутайсова. Этого послѣдняго, хотя и видѣлъ его часто, Суворовъ принялъ какъ человѣка, совершенно незнакомаго. Прикидываясь впавшимъ въ дѣтство и потерявшимъ память и соображеніе, онъ принудилъ его неумолкаемыми ребячливыми вопросами и ссылками на свою старость и безпамятство (при чемъ онъ вычислялъ всѣ тѣ походы, въ коихъ могли-бы они вмѣстѣ участвовать) къ мучительному признанью, что онъ никогда не бывалъ подъ огнемъ, и что онъ, не совершивши ни единаго подвига, не видѣвши никакой опасности, милостію Государя достигъ генеральскаго чина. Вдоволь натѣшившись надъ своею жертвою, Суворовъ притворился, что къ нему вдругъ вернулись полное сознаніе и память, привѣтливо усадилъ гостя около себя и затѣмъ принялся звонить изо всей мочи. Когда на этотъ звонъ вбѣжалъ рослый гайдукъ, онъ велѣлъ ему подать себѣ стоявшую въ углу трость и стать передъ нимъ, и затѣмъ принялся колотить его тростью по спинѣ, приговаривая: «Подлецъ ты, сколько лѣтъ учу я тебя, и ничего путнаго изъ тебя не сдѣлаешь. Взгляни вотъ на этого барина, онъ былъ тѣмъ же, что̀ ты; стыдись мерзавецъ: изъ тебя что̀ вышло?»

*

Наполеонъ просидѣлъ въ Москвѣ драгоцѣнное время, все еще надѣясь вовлечь Русскаго Императора въ мирные переговоры, какъ это удавалось ему въ Вѣнѣ и въ другихъ столицахъ. Но на этотъ разъ онъ промахнулся. Мира онъ не дождался, но за то дождался зимы, и наконецъ нужно было подумать объ отступле-

ніи. 20 Октября было предписано отступать, а 23-го Французы, на зло Русскимъ, которыхъ они называли варварами, взорвали Кремль, прекрасный историческій памятникъ, построенный въ стилѣ полу-итальянскомъ, полу-азіатскомъ. То было однимъ изъ тѣхъ ненужныхъ варварствъ, какія эти самозванные цари образованности совершали и въ Германіи надъ сотнями священныхъ памятниковъ. Кремль не былъ крѣпостью, не былъ построенъ для войны, но составлялъ словно особый, дивный городокъ среди большаго города. Отступленіе-же Французовъ, благодаря зимѣ и казакамъ, ускорявшимъ ихъ движенія своими пиками, сдѣлалось ужасающимъ бѣгствомъ, такою гибелью людей и коней, какой не запомнятъ въ теченіи тысячелѣтій. Русскіе двинулись за ними на западъ. Императоръ собирался вскорѣ выѣхать изъ Петербурга, и г. Штейнъ долженъ былъ предшествовать ему въ Пруссіи. Онъ взялъ меня въ свою повозку, въ который мы сидѣли, словно медвѣди, завернутые въ мѣха. Мы выѣхали изъ Петербурга вечеромъ 5-го Января 1813 года, и на слѣдующій вечеръ были въ Псковѣ, городѣ нѣкогда свободномъ и богатомъ, какъ Новгородъ, теперь заглохшемъ и опустѣломъ. Тутъ мы услышали печальную вѣсть, что графъ Шазо̀ при смерти боленъ нервною горячкою. Онъ переѣхалъ сюда по дѣламъ Нѣмецкаго легіона, ибо здѣсь былъ сборный пунктъ плѣнныхъ и перебѣжчиковъ. Эти-же послѣдніе принесли сюда съ собою лагерную горячку. Большинство несчастныхъ юношей, истощенные усиліями громаднаго похода, умирали какъ мухи въ Ноябрѣ, распространяя вокругъ себя заразу. Такъ заразился и мой благородный Шазо̀. Мы видѣли его на смертномъ одрѣ. За нимъ ходилъ землякъ—полковникъ Тидеманнъ; онъ лежалъ въ бреду и насъ не узналъ. Свидѣться намъ не было суждено. Пока министръ и я проводили у него часокъ, наши слуги не досмотрѣли за нашими повозками, и многія вещи были украдены, между прочимъ большой чемоданъ, въ который я, при поспѣшныхъ сборахъ въ дорогу, уложилъ бо́льшую часть моихъ бумагъ и почти все мое бѣлье. Я лишился весьма важныхъ для меня бумагъ, коихъ я по памяти возстановить не могъ, и многихъ дорогихъ мнѣ подарковъ и воспоминаній отъ Петербургскихъ друзей и, по недостатку въ бѣльѣ, вдвойнѣ страдалъ въ Польшѣ отъ неизбѣжныхъ насѣкомыхъ. Шазо́, любезный мой Шазо́, храбрый и веселый герой, носился передъ моими мысленными взорами среди густой мятели; мой старикъ также былъ печаленъ, ибо онъ очень любилъ графа Шазо̀, созданнаго для того, что-бы быть любимымъ всѣми. Онъ унаслѣдовалъ мужественную красоту и силу своего отца, но притомъ былъ истымъ Нѣмцемъ и пылалъ ненавистью къ хвастливымъ побѣдителямъ. Въ Берлинѣ онъ убилъ на дуэли Французскаго коменданта, позволившаго себѣ неприличныя выраженія о его королѣ. Его отецъ, графъ Шазо̀ де Флоранкуръ, родомъ Французъ, отличался красотою, исполинскою силою и остроуміемъ. Наслѣдный принцъ Фридрихъ Прусскій познакомился съ нимъ на Рейнѣ во время кампаніи 1735 года, а король Фридрихъ пригласилъ его къ себѣ на службу. Этотъ графъ-богатырь имѣлъ несчастіе на дуэли отрубить голову своему противнику (какъ при подобный встрѣчѣ подъ Ростокомъ поступилъ съ старшимъ сыномъ г-жи Сталь одинъ казацкій

офицеръ), а такъ какъ король выразился въ томъ смыслѣ, что онъ желаетъ имѣть у себя на службѣ офицеровъ, а не палачей, то графъ Шазо потребовалъ отставки, сдѣлался комендантомъ имперскаго города Любека, вступилъ въ бракъ съ графинею Шметтау и имѣлъ отъ нея нѣсколько сыновей, которыхъ въ послѣдствіи охотно приняли на Прусскую службу. Такимъ образомъ нашъ покойный другъ былъ по крови Французъ, но по духу въ немъ ничего Французскаго не было.

Изъ Пскова мы поѣхали на Друю, тутъ чрезъ замерзшую Двину, а оттуда черезъ Видзы и Свенцяны на Вильну. Бѣдная, несчастная, малонаселенная мѣстность, лишь около Вильны становится плодороднѣе. Мы видѣли живую картину войны, мы даже двигались въ ней, погружались въ нее все глубже, по мѣрѣ того, какъ мы приближались къ Вильнѣ. Множество разбитыхъ, растоптанныхъ, раскрытыхъ домовъ, безъ людей и животныхъ, даже ни единой кошки въ нихъ; запустѣлыя пожарища и обломки стѣнъ, худыя почтовыя лошади, загнанныя до того, что мы у каждаго холмика должны были останавливаться, чтобы дать имъ вздохнуть, а наши повозки были на полозьяхъ, и въ нихъ запрягали отъ шести до осьми лошадей. Ахъ! Было намъ время, на этомъ медленномъ пути по снѣжнымъ пустынямъ, размышлять объ ужасахъ, произведенныхъ этимъ неслыханнымъ походомъ. Что̀ видѣли мы! О если-бы гордый завоеватель могъ плакать, какъ заставляетъ онъ плакать матерей сотенъ тысячь людей! На второй, третій и четвертый день нашего путешествія, намъ безпрестанно встрѣчались отдѣльныя толпы плѣнныхъ, которыхъ вели назадъ, на востокъ. Какое зрѣлище! Оборванные, обмерзлые, посинѣвшіе, они едва походили на людей. Передъ нашими глазами умирали они въ деревняхъ и на почтовыхъ станціяхъ. Больные одинъ на другомъ лежали въ саняхъ, покрытые соломою. Какъ только одинъ изъ нихъ умиралъ, его сбрасывали съ саней въ снѣгъ. На улицахъ трупы лежали, словно падаль, непокрытые и непохороненные; ни одна человѣческая слеза не пролилась надъ ихъ предсмертною мукою. Нѣкоторые изъ нихъ представляли окровавленные члены, ибо и убитые были приставлены къ деревьямъ, какъ страшное предостереженіе. Они и павшія лошади обозначали дорогу къ Вильнѣ. И незнакомый съ этою дорогою не могъ-бы съ нея сбиться. Наши лошади часто ржали и становились на дыбы отъ труповъ, между и даже черезъ которыхъ имъ приходилось скакать. Но это былъ не только испугъ отъ труповъ, но онѣ чуяли волковъ, которыхъ мы тамъ и сямъ видѣли стаями отъ десяти до пятнадцати головъ, занятыхъ глоданіемъ своей добычи, и которые вѣроятно прокрадывались въ немногихъ шагахъ отъ насъ.

11-го Января поздно вечеромъ мы въѣхали въ Вильну. Нашъ главный возокъ увязъ въ сугробѣ. Слуги наши пошли за людьми, что-бы помочь его вытащить; министръ пошелъ въ ближайшую гостинницу. Я остался въ возкѣ. Послѣ того какъ мы съ большимъ трудомъ и при моей личной помощи наконецъ вытащили его изъ снѣгу, на насъ вдругъ съ шумомъ налетѣли большія сани и вновь столкнули насъ въ тотъ-же сугробъ. Я разразился проклятіями, но вдругъ сѣдокъ тѣхъ саней, которыя зацѣпились за нашъ экипажъ, выскочилъ изъ нихъ и вцѣпился въ меня, и все это

окончилось смѣхомъ, ибо то былъ мой другъ, майоръ Фуль, только что пріѣхавшій изъ главной крартиры, чтобы забрать провіанта. Онъ очень обрадовался нашему пріѣзду, помогъ намъ съ своими людьми тронуться съ мѣста, и мы вскорѣ догнали министра въ гостинницѣ Мюллера, на Нѣмецкой улицѣ, гдѣ мы наконецъ, послѣ шести скучныхъ ночей, провели веселый вечеръ. Но, увы, о покоѣ нельзя было и думать. Въ первую ночь усталость взяла свое, но затѣмъ пошли и Польскія мученія, и Польская скука; ибо на второй день министръ оставилъ насъ за собою: мы должны были дожидаться саней съ поклажею изъ Петербурга, затѣмъ медленно потянулись вслѣдъ за нимъ на Гродну и вновь соединились съ нимъ недалеко отъ Польской границы.

И такъ о моихъ Польскихъ мученіяхъ. Я помѣщался въ великолѣпной залѣ, обтянутой шелкомъ, украшенной большими зеркалами и гравюрами Моргена съ Рафаэля. Свою постель я устроилъ на мягкомъ диванѣ; но, о неописанный ужасъ! Всѣ стѣны были покрыты отвратительными желтыми насѣкомыми. Впрочемъ, всего было вдоволь; даже со времени бѣгства Французовъ, не было недостатка въ хорошемъ винѣ, Венгерскомъ и Французскомъ.

На другой день послѣ обѣда, когда министръ уѣхалъ, я вышелъ осматривать городъ. Онъ показался мнѣ Татарскомъ адомъ Повсюду ужасная грязь и вонь; испачканные Жиды кое гдѣ едва бродили по улицамъ; несчастные плѣнные по большой части раненные или полувыздоровѣвшіе; всѣ улицы были наполненны смраднымъ дымомъ, ибо почти передъ каждымъ домомъ были зажжены разные горючіе матеріалы, даже просто навозныя кучи, для того чтобы разсѣять заразу отъ множества лазаретовъ, и эти кучи дымили день и ночь. На улицахъ валялись кое-гдѣ Французскія кокарды, испачканные плюмажи, разорванныя шляпы и раздавленные кивера, напоминая о гордынѣ тѣхъ, которые за пять мѣсяцевъ передъ тѣмъ щеголяли ими въ Вильнѣ. Я вышелъ изъ воротъ, и въ продолженіи двухъ страшныхъ часовъ бродилъ по предмѣстьямъ, Вилькомирскому и Ковенскому. Какіе ужасы! Всѣ слѣды разрушенія, видѣнные мною въ городѣ, попадались тутъ чаще и чаще, повсюду валялись совершенно нагіе трупы: дохлыя лошади, быки, собаки, вѣрные и несчастные спутники погибшихъ. Многіе дома совершенно опустѣлые безъ половъ, оконъ и печей; отъ многихъ остались лишь пожарища; между этими страшными памятниками раззоренія бродили, какъ тѣни, отдѣльные плѣнные и выздоравающіе, и кое-гдѣ у развалившейся стѣны несчастная брошенная лошадь, озяблая и сгорбленная, подбирающая клочки сѣна. Возвращаясь въ городъ, я встрѣтилъ порядочно одѣтаго юношу, къ которому я обратился съ какимъ-то вопросомъ; онъ оказался Брабантцемъ и старшимъ хирургомъ при лазаретѣ Французскихъ плѣнныхъ, помѣщавшемся въ монастырѣ. Я прошелъ съ нимъ до входа въ это жилище горя, увидѣлъ кладбище монастыря, все заваленное трупами, и вернулся. Онъ сказалъ мнѣ, что въ лазаретѣ изъ двухъ тысячъ человѣкъ умираетъ ежедневно отъ пятидесяти до осьмидесяти. Это облегчитъ ему работу. Подходя къ городскимъ воротамъ, я встрѣтилъ пятьдесять-шестьдесять саней, всѣ заваленныя трупами, подобранными въ госпиталяхъ и на плоцадяхъ. Ихъ вез-

ли, какъ везутъ дрова; они окоченѣли и высохли отъ холода, какъ бревна, и доставили плохую пищу червямъ и рыбамъ (ибо многіе изъ нихъ бросались въ проруби). Всего отвратительнѣе для меня было то, что на кожѣ этихъ несчастныхъ виднѣлись слѣды выѣденные вшами, подобные слѣдамъ муравьевъ около муравейника. Ужасно было видѣть эти тѣла человѣческія, нѣкогда, при вступленіи въ жизнь, привѣтствованныя любовью и радостью, съ любовью взращенныя и вскормленныя, затѣмъ во цвѣтѣ лѣтъ оторванныя отъ семьи и друзей дикимъ завоевателемъ, и теперь влекомыя, какъ падаль, безъ всякаго вниманія, съ головами свѣсившимися до земли, съ ногами поднятыми къ верху, безъ прикрытія даже того, что предписываютъ скрывать стыдливость и человѣчность.

13-го Января была ясная и неслишкомъ холодная погода; яркое солнце опять выманило меня на прогулку, и я вышелъ въ другіе ворота и пошелъ вдоль рѣчки Виліи, на которой расположенъ городъ. Передъ воротами множество разбитыхъ Французскихъ повозокъ и лафетовъ, запустѣлые, ограбленные дома; у дороги шляпы, шапки, кокарды, трупы и павшія лошади. Трупы по большей части были убраны, но за большими камнями, подъ мостами и за кустами, ихъ было забыто немало, а волки повидимому уже принимались ихъ грызть. Меня поразилъ раненый плѣнный, блѣдный и согнутый, который хромая шелъ передо мною, и казалось только что вышелъ изъ лазарета или собирается въ него поступить: онъ остановился передъ однимъ изъ труповъ, разсматривалъ его, даже коснулся его палкою. Такъ человѣкъ наконецъ равнодушно и безучастно глядитъ въ лицо своей судьбѣ. Между тѣмъ какъ плѣнный стоялъ у трупа своего товарища, а я смотрѣлъ на него, съ горы раздалось пѣніе и показался гробъ, сопровождаемый священникомъ и людьми въ трауръ, по христіянски несомый въ могилу. Подъ нами, по рѣкѣ, тянулись сани съ нагими трупами и всякою нечистотою. Я невольно забрелъ на дворъ большаго строенія, коего службы и комнаты съ остатками изящныхъ печей и обоевъ указывали, что его недавно занимали знатные жильцы. Все внутри было изодрано и разбито, многіе полы подожжены, повсюду валялись черепки, кости, остатки амуниціи, шляпъ, шапокъ, плюмажей, наконецъ, въ отдаленной комнатѣ у камина, полуизжаренный трупъ. Несчастный, быть можетъ, furthermoreополз къ теплу, какъ червяки къ свѣту, и тутъ и умеръ у огня.

Точно также у многихъ сторожевыхъ огней найдены трупы людей, которые, желая согрѣться, въ предсмертномъ полузабытьѣ, слишкомъ приблизились къ огню и сгорѣли. Меня объялъ ужасъ, словно я среди бѣла дня увидѣлъ призракъ, и я бѣжалъ изъ этихъ запустѣлыхъ залъ. Но самое ужасное зрѣлище видѣлъ я вечеромъ это дня. Я вышелъ изъ дому, для того что-бы посмотрѣть на толпу проходившихъ мимо Русскихъ ополченцевъ, а также на Польскихъ крестьянъ и Жидовъ. Вдругъ я услышалъ пѣніе, раздававшееся отъ Минскихъ воротъ, надъ которыми совершалось торжественное богослуженіе. Я нѣсколько минутъ прислушивался къ нему и, возвращаясь оттуда, забрелъ на кладбище, недалеко отъ воротъ. Я сперва увидѣлъ лишь церковь, за тѣмъ верхнія окна (или точнѣе оконницы безъ рамъ) строенія, расположеннаго вокругъ кладбища, похожаго на монастырь или келіи. Но,

подошедши ближе, что̀ я увидѣлъ! Трупы, нагроможденные на трупы, въ иныхъ мѣстахъ такъ высоко, что они доходили до оконъ втораго этажа: тутъ конечно было труповъ тысяча; цѣлый вымершій гошпиталь. Во всемъ обширномъ строеніи ни однаго цѣлаго окна, ни живой души—лишь у дверей собака, обнюхивающая стѣны. Къ счастію сильный морозъ сковывалъ зловонныя испаренія, которыя безъ того отняли бы возможность подойти къ этимъ жилищамъ ужаса. Подобныя груды труповъ могли образоваться также во Франціи и въ Германіи послѣ кровавыхъ битвъ, но нужны были Польская безурядица и такой годъ, какъ 1812-ый, для того, чтобы они въ такомъ безобразіи оставались выставленными напоказъ. Но могъ-ли я удивляться тому, что тутъ нагромождены эти груды труповъ? Не стояли-ли наши сани подъ навѣсомъ въ гостинницѣ Мюллера на трупѣ Француза, въ полной амуниціи, втоптанномъ въ навозъ и солому? Столь велико было общественное бѣдствіе, столь жестоки грязь и безпорядокъ.

Въ Вильнѣ такъ и кишѣло Жидами. Я долженъ былъ закупить нѣкоторыя мелочи, по случаю кражи, которой подвергся во Псковѣ, и былъ вынужденъ таскаться по ихъ лавкамъ. Я нашелъ, что они въ Литвѣ складомъ и лицомъ менѣе красивы, чѣмъ въ южной Польшѣ. Жиды во время этой войны повсюду выказали преданность Россіи: они сердцемъ не отпали отъ нея какъ Поляки; ибо хваленая Польская свобода не доставляла имъ того обезпеченія собственности, коимъ пользуются они подъ Русскимъ скипетромъ. Повидимому, у нихъ было вѣрное политическое чутье, ибо они съ самого начала отнеслись враждебно къ Французамъ и, несмотря на денежныя приманки, въ большинствѣ случаевъ не соглашались быть шпіонами и измѣнниками. Въ Вильнѣ они даже, при вступленіи Русскихъ, храбро сражались противъ Французовъ и такъ усердно, съ воинственными криками, преслѣдовали ихъ, что нѣсколько сотенъ изъ нихъ убили и взяли въ плѣнъ. Добыча, которую они тутъ отняли у всемірныхъ грабителей, и золото, и товары, которые они намѣняли и скупили у казаковъ, какъ говорятъ, представляли огромную цѣнность.

14-го Января къ вечеру я выѣхалъ въ Минскіе ворота по дорогѣ въ Гродну. И здѣсь луна озаряла поле, покрытое трупами. Тутъ опять на протяженіи полумили лежали замерзлые и убитые кучами въ тридцать и въ пятьдесятъ человѣкъ: тамъ около каждой дохлой лошади лежало по два по три трупа. Вотъ наши сани скользнули по человѣческимъ костямъ. Тутъ же въ лѣсахъ я видѣлъ огромное количество волковъ. Это было пять недѣль послѣ занятія Вильны Русскими. Таково страшное воспоминаніе, вынесенное мною изъ Вильны.

Мѣстность между Вильною и Гродною показалась мнѣ гораздо болѣе плодородною и лучше обработанною, чѣмъ мѣстность между Псковомъ и Вильною. И война оставила здѣсь слѣды не столь тяжкіе. Гродна хорошенькій городокъ. Я остался тамъ лишь нѣсколько часовъ и ночью доѣхалъ до главной квартиры Императора, гдѣ нашелъ своего начальника и богатырски выспался на двухъ стульяхъ, въ нетопленной крестьянской хатѣ.

17-го Января мы доѣхали до Прусскаго городка Лыка.

ДОНЕСЕНІЯ ГРАФА М. А. ДМИТРІЕВА-МАМОНОВА ИМПЕРАТОРУ АЛЕКСАНДРУ ПАВЛОВИЧУ.

Это тотъ самый графъ Мамоновъ, который столько лѣтъ влачилъ печальное существованіе въ нашей Москвѣ и надъ прахомъ котораго недавно воздвигнутъ изящный памятникъ въ Донскомъ монастырѣ. См. подробности о немъ въ Р. Арх. 1868, стр. 87, 91 и 962. Историческое безпристрастіе требуетъ напомнить читателямъ, что молодой гр. Мамоновъ, по недостатку воинской опытности, не умѣлъ держать строгаго порядка въ своемъ полку, и его ополченцы, еще стоя въ Ярославской губерніи, получили прозваніе Мамаевцевъ. Сл. Р. Арх. 1866, стр. 232. *П. Б.*

I.

Его Императорскому Величеству
Генералъ-маіора графа Дмитріева-Мамонова

Рапортъ.

Поставляя священнѣйшею обязанностію вѣрноподданнаго не скрывать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ ничего того что̀ можетъ наносить ущербъ Высочайшимъ выгодамъ Вашимъ, народа и славныхъ войскъ Промысломъ Вамъ ввѣренныхъ, я поспѣшаю всеподданнѣйше донести Вашему Императорскому Величеству, что въ краю, гдѣ расположенъ нынѣ ввѣренный мнѣ полкъ, непріязненныя или, лучше сказать, вражія расположенія жителей и правительства до того возрасли, что всякая маленькая Русская команда, отдѣльно идущая, подвергается обидамъ и оскорбленіямъ, которыя хладнокровно могутъ сноситься одними Нѣмцами, прикрывающими личиною Русскаго мундира ненависть свою къ Русскому и любовь къ природнымъ врагамъ нашимъ. Въ здѣшнемъ краю большая часть офицеровъ, командующихъ Русскими солдатами, Нѣмцы же, изъ коихъ иные не знаютъ ни слова порусски, служа въ Русской службѣ. Всѣ отношенія Русскихъ войскъ къ здѣшнимъ жителямъ, правильность, долженствующая господствовать между ими по Высочайшимъ Вашего же Императорскаго Величества предначертаніямъ, сими чиновниками искажается, какъ то легко вообразить можно. Высочайшее имя Ваше, правительство Русское и все Русское въ присутствіи ихъ здѣшними гражданскими чиновниками ругаемы. Всякому Нѣмцу предоставлено оскорблять Русскаго солдата наиоскорбительнѣйшимъ для глазъ Русскаго образомъ, а Русскому преграждаются самые пути отыскивать на Нѣмцѣ, такъ что Нѣмецъ первенствуеть здѣсь надъ Русскими, пріобрѣтшими толико правъ первенствовать надъ ними. Русскій солдатъ, удаленный отъ родины своей и ими притѣсненный, не теряетъ однако же свойственной народу Русскому вѣрности и огорченъ симъ несказанно.

Вѣрноподданническая моя приверженность къ Государю моему и любовь моя къ землѣ меня родшей заставляютъ описать Вашему Императорскому Величеству положеніе здѣшняго края и войскъ здѣсь расположенныхъ тѣми красками, коими они здѣсь описаны. Положеніе сіе толико несносно зрѣть Русскому, что я умоляю Ваше Императорское Величество всемилостивѣйше позволить мнѣ не быть въ здѣшнемъ краю, дабы не быть свидѣтелемъ всего того что̀ претерпѣваютъ завоеватели Европы, Русскіе, народъ Вашъ, отъ народа, пріобыкшаго рабствовать и возвышающагося надъ подданными Вашими потому только, что Вашему Императорскому Величеству, озабоченному великимъ дѣломъ правительства столькихъ царствъ, неизвѣстно то, что̀ иноземцы, Русскими называющіеся, поз-

воляютъ тѣмъ иноземцамъ, кои ненавидятъ Россію и алчатъ ея гибели, что̀ доказано тѣми мятежами, коихъ я былъ очевидный свидѣтель, и подобные сему, вѣроятно скрываемы отъ Вашего Императорскаго Величества.

Генералъ-маіоръ *графъ Дмитріевъ-Мамоновъ.*

№ 328.
Апрѣля 21 дня 1814 года.
Нейштатъ.

II.

Его Императорскому Величеству.

Генералъ-маіора графа Дмитріева-Мамонова

Рапортъ.

28 числа Апрѣля въ мѣстечкѣ Билингенѣ, Баденскаго владѣнія, гдѣ встрѣтило меня открытое предписаніе, остановляющее все войско, случилось въ 9-мъ часу вечера слѣдующее происшествіе.

Изъ одного дома сего мѣстечка были выкиданы бревна и каменья въ офицеровъ Высочайше Вашимъ Императорскимъ Величествомъ ввѣреннаго мнѣ полка, Бодиску и Румянцова, весьма тяжело ушибенныхъ, и въ егерьскаго офицера Башмакова, ходившихъ по улицѣ. Деньщики ихъ и казаки, захотѣвшіе узнать, кѣмъ кидаются бревна и каменья, были биты безъ пощады столкнувшимся народомъ. Вскорѣ изъ многихъ домовъ стали летать на сходившихся на шумъ офицеровъ и рядовыхъ — каменья, бревна, желѣзные молотки и прочая, чѣмъ многіе рядовые ранены, и иные тяжело.—Шумъ двухъ буйныхъ шаекъ жителей мѣстечка Вилингена, предводительствуемыхъ квартировавшими тутъ нѣкоторыми Австрійскими саперами (вооруженными какъ бываютъ солдаты въ строю и въ дѣлѣ) до того усилился, что я вынужденнымъ нашелъ себя, пославъ за полицейскими чиновниками мѣстечка, сѣсть на лошадь, что-бы прекратить мятежъ. Полицейскіе чиновники не являлись близь двухъ часовъ, въ теченіи каковаго времени не переставали летать по улицамъ, по коимъ я ходилъ и ѣздилъ, кирпичи, бревна и желѣзо. Я намѣревался нѣкоторое время вывесть эскадронъ изъ города; но, сочтя оное несовмѣстнымъ съ достоинствомъ войскъ Вашего Императорскаго Величества, рѣшился собрать часть онаго на площади и учредить рундъ, грозя принять строгія мѣры. Два Австрійскіе сапера, убившіе казака до полусмерти на квартирѣ (который и умираетъ) были схвачены рундомъ и подверглись бы неминуемо участи сего казака отъ разсерженныхъ Русскихъ солдатъ, естли бы не приказано было мною выпустить ихъ. Одинъ изъ нихъ, назвавшій себя офицеровъ, набѣжалъ на меня съ кортикомъ, но былъ схваченъ находящимися при мнѣ Русскими офицерами. Другой, бѣжавъ на квартиры свои, вызывалъ товарищей своихъ зарядить находившіяся у нихъ ружья. Я отвратилъ сіе строгимъ карауломъ, приставленнымъ къ ихъ квартирѣ, и вынужденнымъ нашелъ себя приказать тутъ же схватить одного изъ самыхъ бунтующихъ и наказать его, какъ наказываютъ виноватыхъ солдатъ въ Россійской арміи. Я счелъ сіе тѣмъ необходимѣе къ укрощенію всего, что командовавшій Австрійцами офицеръ, неоднократно мною требованный на помощь, не находился въ городѣ съ самого утра. Наконецъ въ невозможности предупредить кровопролитіе, принужденъ я былъ обратиться къ метающимъ каменья бунтовщикамъ и требовалъ отъ нихъ Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества имя-

немъ, чтобъ они разошлись по домамъ; но сіе не подѣйствовало, доколѣ не учредился большой конный рундъ по улицамъ, отчего большія ихъ толпы мало по малу стали расходиться, и въ 12-мъ часу все утихло безъ малѣйшаго содѣйствія ихъ чиновниковъ и безъ кровопролитія.

Приносимыя здѣшними чиновниками словесныя и письменныя извиненія и изъявленія желанія ихъ не доводить происшествія сего до Высочайшаго свѣдѣнія Вашего Императорскаго Величества послужили мнѣ большимъ поводомъ къ тому, чтобы поспѣшить симъ всеподаннѣйшимъ донесеніемъ.

Причиною сего происшествія не могли быть квартировавшіе въ Вилингенѣ Русскія войска потому, что оно воспріяло начало свое не по неудовольствію на одно какое либо лицо, а вдругъ во всѣхъ частяхъ города и даже на тѣхъ квартирахъ, гдѣ были спящіе казаки, изъ коихъ одного удушили. Въ туже ночь получилъ я рапортъ командующаго 2-мъ эскадрономъ ротмистра Зыбина, что въ деревнѣ, гдѣ расположенъ былъ сказанный эскадронъ, произошло тожъ самое что и въ Вилингенѣ и въ тотъ же самый часъ, съ тою разницею, что тамъ укрощено оно скорѣе явившимися тотъ часъ Нѣмецкими чиновниками, а въ Вилингенѣ продолжалось долѣе. Я пріемлю смѣлость донести Вашему Императорскому Величеству, что въ Вилингенѣ укрощено оно было съ трудомъ, тѣмъ болѣе, что къ укрощенію сего не было мною употреблено никакое крайнее средство.

Генералъ-Маіоръ *графъ Дмитріевъ-Мамоновъ.*

№336.
Апрѣля 19 дня 1814 года.
м. Вилингенъ.

III.

Его Императорскому Величеству Генералъ-маіора графа Дмитріева-Мамонова

Рапортъ.

Отправляя къ Вашему Императорскому Величеству курьера со всеподданнѣйшимъ донесеніемъ за №336, получилъ я отъ командира 3-го эскадрона рапортъ, что подобное происшествіе случившемуся вчерашняго числа въ мѣстечкѣ Вилингенѣ происходитъ въ селеніяхъ, гдѣ квартируетъ 3 эскадронъ. Рапортъ сей заключается въ томъ, что многіе казаки оного эскадрона тяжело ранены. Селеніе сіе отстоитъ за три часа отъ моей квартиры, почему я отправилъ туда моего адъютанта, а по отправленіи курьера корнета Полянскаго съ донесеніями къ Вашему Императорскому Величеству, не замедлю самъ поспѣшить туда къ принятію самыхъ скорыхъ и кроткихъ мѣръ.

Генералъ-маіоръ *графъ Дмитріевъ-Мамоновъ.*

№ 337.
Апрѣля 19 дня 1814 года.
м. Вилингенъ.

(*Сообщено съ подлинниковъ А. Н. Поповымъ.*)

БАРОНЪ ШТЕЙНЪ О РОССІИ.

Перцъ въ своей біографіи Штейна, кн. IV, гл. V. [1]) приводитъ рядъ отрывочныхъ замѣтокъ, касающихся разныхъ отраслей государственной науки и современнаго положенія Европейскихъ державъ и набросанныхъ Штейномъ во время втораго пребыванія его въ Брюннѣ (Ноябрь 1809—Мартъ 1810). Помѣ-

[1]) *G. H. Pertz* Das Leben des Ministers Freiherrn von Stein. Bd. II. Berlin. 1850. стр. 468—470.

щаемъ ниже двѣ изъ этихъ замѣтокъ, касающіяся Россіи.

*

Хорошо-ли поступила Россія, поощривъ вторженіе чужеземныхъ обычаевъ? Не слѣдовало-бы ли ей положить преграду дальнѣйшему ихъ распространенію?

Россія своими завоеваніями, своею торговлею, уже съ шестнадцатаго вѣка принявшею значительные размѣры, своими войнами, вступила въ тѣсныя сношенія съ своими сосѣдями Шведами и Поляками, которые познакомили ее съ произведеніями Европы и принудили ее выучиться Европейскому военному искусству. Заимствованіе Европейскихъ общеполезныхъ знаній и учрежденій было тутъ для того, что-бы доставить націи выгоды, сопряженныя съ научнымъ образованіемъ и разумнымъ управленіемъ; но она могла-бы сохранить свои первоначальные нравы, образъ жизни, одежду, и т. д., а не подкапывать и не портить своей самобытности, измѣняя все это. Ей не нужно было ни Французской одежды, ни Французской кухни, ни иностраннаго общественнаго типа; она могла изъ собственнаго исключить все грубое, не отказываясь отъ всѣхъ его особенностей. Положеніе ея столицы, примѣръ правителей, естественная склонность націи къ подражанію и недостатокъ въ ней самостоятельности способствовали пристращенію къ иностраннымъ обычаямъ, и Русскіе выбрали себѣ въ образецъ изо всѣхъ Европейскихъ націй самую изнѣженную и испорченную, а именно Французовъ. — Языкъ этихъ послѣднихъ, ихъ словесность, ихъ способъ воспитанія сдѣлались въ высшихъ сословіяхъ господствующими, и это имѣло для нравственности и народнаго образованія самыя гибельныя послѣдствія.

Быть можетъ еще не поздно умѣрить вторженіе иностранныхъ обычаевъ и придать ему направленіе, болѣе цѣлесообразное.

1) Можно было-бы ввести снова столь цѣлесообразную и удобную національную одежду—кафтанъ.

2) Двору слѣдовало-бы проводить большую часть года въ Москвѣ.

3) Слѣдовало-бы затруднить сношенія Русскихъ уроженцевъ съ иностранными послами.

—

Отношеніе помѣщиковъ къ земледѣльцамъ въ Россіи не столько отяготительно, сколько стѣснительно для развитія силъ.—Земледѣлецъ платитъ условленную денежную ренту и за то пользуется землею и совершенною свободою въ употребленіи своихъ силъ и своего времени. Но онъ при томъ подчиненъ многимъ тягостнымъ личнымъ стѣсненіямъ; онъ зависитъ отъ произвола своего помѣщика, онъ не обезпеченъ въ своемъ имуществѣ, причемъ изо всего этого для помѣщика не проистекаетъ значительной или даже сколько-нибудь соразмѣрной пользы. Для развитія умственныхъ силъ и народнаго богатства было бы полезно предоставить крестьянину полное обладаніе землею, обложивъ ее возрастающею рентою, взимаемою продуктами,—хотя бы третью или даже половиною оныхъ, предоставить земледѣльцу личную свободу и подчинить его полицейскому и судебному надзору помѣщика. Чрезъ это возникло-бы почтенное крестьянское сословіе, и среднее сословіе разрослось-бы на столько, что могло бы наполнить весь кругъ свойственной ему дѣятельности.

ПИСЬМО (ГРАФА) СЕРГІЯ СЕМЕНОВИЧА УВАРОВА КЪ БАРОНУ ШТЕЙНУ.

Петербургъ 18 Ноября 1813.

Пользуюсь отъѣздомъ Жерве (просившаго меня о письмѣ къ Вамъ) чтобы увѣдомить Васъ, что жена моя 15-го сего мѣсяца благополучно разрѣшилась дочерью, которую я назвалъ Александрою въ честь нашего добраго Императора. Мать и дочь совершенно здоровы.

Жерве, податель этого письма, человѣкъ во всѣхъ отношеніяхъ вѣрный. Въ немъ болѣе таланта и менѣе педатства, чѣмъ можно было ожидать по долголѣтней его привычкѣ къ канцелярской работѣ. Онъ хорошо владѣетъ тремя языками, и я могу смѣло рекомендовать его Вашему вниманію.

Гдѣ бы ни нашло Васъ это письмо, оно несетъ Вамъ выраженіе нѣжной и искренней моей къ Вамъ привязанности; не теряю надежду когда нибудь выразить Вамъ эти чувства изустно, на берегахъ Дуная или Рейна. Все, повидимому, предвѣщаетъ, что Германія вскорѣ займетъ подобающее ей мѣсто между державами Европы, а я не скрою отъ Васъ, что путешествіе за границу есть тайная надежда, давно лелѣемая мною. Все привязываетъ меня къ этой мысли, и между прочимъ дѣйствительныя непріятности, сопряженныя съ моими здѣшними занятіями [1]).

Нѣтъ ничего *неблагодарнѣе*, или точнѣе *невозможнѣе* ихъ. Я не мечтатель, какъ Вы знаете; я люблю дѣла и находился при нихъ, такъ сказать, съ самаго моего дѣтства; Вамъ извѣстны мои убѣжденія, мои воззрѣнія; несмотря на все это, я доведенъ до того, что теряю надежду не только принести пользу, но и удержаться на томъ пути, который я себѣ начерталъ, и отъ коего никогда не отступлю, не жертвуя тѣмъ, что мнѣ всего дороже на свѣтѣ, честью, здоровьемъ, убѣжденіями, вещественнымъ благосостояніемъ.—Не думайте, что-бы въ моихъ словахъ было хотябы малѣйшее преувеличеніе. Я спокоенъ до того, что изумляю всѣхъ меня окружающихъ, но въ душѣ у меня отчаяніе. Состояніе умовъ теперь таково, что путаница мыслей не имѣетъ предѣловъ. Одни хотятъ *просвѣщенія безопаснаго, т. е. огня, который-бы не жегъ*; другіе (а ихъ всего больше) кидаютъ въ одну кучу *Наполеона и Монтескье*, Французскія арміи и Французскія книги, *Моро* и *Розенкамфа*, бредни Ш.... и открытія Лейбница; словомъ, это такой хаосъ криковъ, страстей, партій, ожесточенныхъ одна противъ другой, всякихъ преувеличеній, что долго присутствовать при этомъ зрѣлищѣ невыносимо. Кидаютъ другъ другу въ лицо выраженіями: *религія въ опасности*, *потрясеніе нравственности*, *поборникъ иностранныхъ идей*, *иллюминатъ*, *философъ*, *франъ-масонъ*, *фанатикъ* и т. п. Словомъ, полное безуміе. Каждую минуту рискуешь компрометироваться или сдѣлаться испол-

---

[1]) Три министра Николаевскаго времени, Уваровъ, Дашковъ и Блудовъ, въ молодости своей, заявили таланты свои на службѣ дипломатической. Въ исходѣ 1809 года Уваровъ получилъ назначеніе изъ секретарей посольства въ Вѣнѣ старшимъ секретаремъ въ Парижъ. Уже все было готово къ его отъѣзду въ тогдашній центръ политическаго міра. Женитьба на дочери министра народнаго просвѣщенія гр. Разумовскаго удержала его въ Россіи. Онъ сдѣланъ попечителемъ Спб. учебнаго округа, а Парижское его мѣсто при князѣ Куракинѣ получилъ гр. Нессельроде. *П. Б.*

нительнымъ орудіемъ самыхъ преувеличенныхъ страстей. Вотъ среди какого глубокаго невѣжества находишься вынужденнымъ работать надъ зданіемъ, подкопаннымъ у основанія и со всѣхъ сторонъ близкимъ къ паденію. Это, соглашаюсь въ томъ, печальное и тягостное признаніе; повѣрьте, что все сказанное мною совершенная правда. Мнѣ нужно отвести душу, и я могъ-бы на этотъ счетъ написать цѣлую книгу. На дняхъ у насъ было пререканіе, самое соблазнительное, между архіепископомъ и ректоромъ Духовной Академіи, въ коемъ оба были неправы; и это изъ-за плохой книги Ансильона. Право было-бы нужно, что-бы этотъ споръ сдѣлался извѣстнымъ въ истинномъ его свѣтѣ; ибо я увѣренъ, что Императоръ, если и узнаетъ объ этомъ, то весьма отрывочно. Наконецъ все разсказать было-бы слишкомъ длинно. *Animus meminisse horret.* Жду лишь благопріятнаго обстоятельства, чтобы вырваться изъ этого хаоса, который душитъ и давитъ меня невыразимымъ образомъ. Мнѣ нужны болѣе чистый воздухъ и покой. Здоровье мое страдаетъ; самыя нравственныя мои способности слабѣютъ. Никто не скажетъ, что-бы я слишкомъ легко предался унынію. У меня также было много надеждъ и иллюзій, но ихъ разрушили *три года* опыта.

Прошу у Васъ извиненія въ томъ, что такъ подробно говорю о себѣ, но я знаю Вашу дружбу и увѣренъ въ Вашемъ участіи. Всѣ эти обстоятельства, вмѣстѣ взятыя, возбуждаютъ во мнѣ живѣйшее желаніе предпринять путешествіе какъ только будетъ заключенъ миръ; и конечно, желаніе мое свидѣться съ Вами опредѣлитъ планъ этого путешествія.

Я не знаю въ исторіи ни одного событія, которое могло-бы сравниться по важности съ совѣщаніемъ, которое должно было произойти на берегахъ Рейна. Никогда не взвѣшивались столь великіе, и въ то-же время столь сложные интересы. Результаты этого совѣщанія не замедлятъ обнаружиться. Нѣтъ ничего сравнимаго съ паденіемъ Н. Тутъ очевидны начертанія перста Божія. Призракъ всемірной монархіи разсѣялся. Политика, надѣюсь, перестанетъ расходиться съ нравственностію, какъ то утверждали презрѣнные софисты; и нѣтъ сомнѣнія, что въ духѣ человѣчества произойдетъ переворотъ, благодѣтельный во всѣхъ его послѣдствіяхъ.

Я читалъ на дняхъ переписку I. Мюллера. Какая жалость, что такой человѣкъ палъ. Какъ постыдно было его паденіе! Какой прекрасный талантъ, а рядомъ съ нимъ какая слабость, шаткость въ приложеніи общихъ началъ! Въ такихъ катастрофахъ большую роль играетъ несчастный духъ временъ.

Моя жена посылаетъ Вамъ тысячу привѣтовъ и рекомендуетъ Вамъ свою малютку. Потрудитесь передать влагаемое письмо нашему Арндту. Нашъ канцлеръ раздѣлилъ самымъ причудливымъ образомъ редакцію *Conservateur* между Фаберомъ и аббатомъ Мангенемъ. Это и отозвалось на журналѣ[1]).

Въ минуты досуга, Вы конечно читаете нашихъ общихъ друзей, Тацита и Ѳукидида. Пріѣду читать ихъ съ Вами въ замкѣ Штейнъ, и мы присоединимъ къ нимъ Гомера и Эсхила.

---

[1]) Этотъ журналъ, нынѣшній Journal de St. Pétersbourg, былъ основанъ въ исходѣ 1812 г. для противодѣйствія лживымъ бюллетенямъ Наполеона и извѣстіямъ тогдашнихъ Французскихъ изданій. Уварову принадлежала мысль Журнала, а первымъ издателемъ былъ аббатъ Мангенъ, бывшій его наставникъ. *П. Б*

Прощайте, г. баронъ; извините эту длинную рапсодію; но сердце по природѣ своей болтливо, и что̀ исходитъ изъ моего, навѣрное дойдетъ до Вашего. Vale et me ama. *Уваровъ.*

P. S. Вы-ли тотъ Штейнъ, Прусскій министръ въ Ашаффенбургѣ, о которомъ говоритъ Мюллеръ? Мой братъ, только что оправившійся отъ весьма упорной лихорадки, собирается въ армію [1]). Если онъ Васъ гдѣ-либо встрѣтитъ, рекомендую его Вашей благосклонности. Его карьера находится приблизительно въ томъ-же положеніи, какъ и моя. Ни ему, ни мнѣ не суждено пойти здѣсь далеко.

(Переведено съ Французскаго подлинника, напечатаннаго въ 3-й части извѣстнаго сочиненія Прусскаго государственнаго исторіографа Перца: «Жизнь барона Штейна»)

[1]) Ѳедоръ Семеновичъ, храбрый генералъ и прямодушнѣйшій человѣкъ. Тѣсная дружба соединила двухъ братьевъ. *П. Б.*

ПИСЬМА КЪ В. А. ЖУКОВСКОМУ.

I. АЛЕКСѢЯ ѲЕДОРОВИЧА МЕРЗЛЯКОВА.

Знаменитый профессоръ А. Ѳ. Мерзляковъ (1778 — 1830), сынъ бѣднаго купца изъ Пермскаго городка Далматова, подобно Жуковскому, сдѣлался извѣстенъ, благодаря превосходнымъ своимъ дарованіямъ, въ началѣ стихотворческому, впослѣдствіи ораторскому и критическому. Онъ былъ пятью годами старше Жуковскаго, и во время ихъ сближенія служилъ баккалавромъ въ Московскомъ университетѣ. *П. Б.*

1.

Любезнѣйшій Василій Андреевичъ! Вы конечно не долго будете сердиться за то, что меня вчера не застали. Былъ на гуляньѣ. Чортъ кѣмъ не играетъ! За то что послушался чорта, наказалъ меня Богъ, слишкомъ благодатною росою, т. е. дождемъ. Весь вымокъ, пришелъ домой въ полночь; но этимъ я все еще не удовлетворилъ праведному мщенію. Богъ наказалъ за Себя; за любезнѣйшаго моего друга Василія Андреевича отмститъ Онъ Самъ. Когда же? Все въ Его волѣ. Но преступникъ столько чувствуетъ вину свою, что желаетъ этого какъ можно скорѣе. И такъ придите ко мнѣ хоть завтра часовъ въ шесть. Для лучшаго спокойствія буду дожидаться васъ у Андрея Ивановича въ комнатѣ. Между тѣмъ вотъ вамъ новая радость, письмо отъ Андрея Ивановича, полученное мною въ сію минуту [1]). Извините, я его распечаталъ. Причиною тому то, что я отъ радости не посмотрѣлъ на послѣднія строки надписи; разорвалъ какъ бѣшеный. Божусь, что не читалъ. Въ поруку моя совѣсть вѣрная. Прощайте.

Вашъ вѣрный другъ *Мерзляковъ.*

Письмо къ Померанцеву Андрей Ивановичъ просилъ вамъ доставить.

2.

Любезный другъ Василій Андреевичъ! Письмо твое есть предисловіе слиш-

[1]) Андрей Ивановичъ Тургеневъ, поступивъ на службу въ министерство иностранныхъ дѣлъ, поѣхалъ въ Петербургъ и оттуда посланъ въ Вѣну съ депешами.—Есть люди, которые дѣйствовали мало, жили не долго, но которыхъ воспоминаніе остается для друзей ихъ на всю жизнь свѣтлою, путеводною звѣздою. Таковы были гр. Іосифъ Вельегорскій, Станкевичъ и др. Такимъ былъ для своихъ братьевъ, для Мерзлякова, для Жуковскаго Андрей Тургеневъ, 19 лѣтъ скончавшійся въ 1803 г. въ Петербургѣ. *П. Б.*

комъ сокращенное къ цѣлой моей жизни, къ цѣлой твоей жизни, къ цѣлой нашей жизни, т. е. насъ троихъ. Повѣрь, любезный, что я пишу; это слишкомъ старое въ моемъ сердцѣ; о старомъ обыкновенно говорятъ и пишутъ мало, и такъ скажу въ трехъ словахъ: я твой вѣрный, вѣчный другъ

Ал. Мерзляковъ.

Изъ писемъ Андрея Ивановича надобны тебѣ, я думаю, тѣ, которыя получилъ я вчера. Вотъ онѣ. Только пожалуста пришли ихъ завтра; нѣтъ, что я говорю, сегодня непремѣнно, потому что я завтра самъ буду на нихъ отвѣчать. Помилуй! Ты успѣешь сегодня прочесть и припомнить до завтрешняго дня на что отвѣчать. Сегодня ввечеру непремѣнно пришли, *Коцебу*! — Охъ этотъ Коцебу! Что мнѣ съ нимъ дѣлать. Только три книжки дома, прочія Ал. Ив. роздалъ и не знаю, какъ ихъ взять. Это три Schauspiele. И такъ подожди, мой любезный; какъ скоро возьму, то и доставлю.

Твой вѣрный *А. Мерз.*

Два письма къ Ан. Ив. пришли ко мнѣ. Я вмѣстѣ съ своими отправлю.

3.

13 Окт. (1802)

Здравствуй, любезный мой другъ Василій Андреевичь! Скажи, братецъ, для чего ты оставляешь своихъ друзей въ тоскѣ и скукѣ? Сколько мѣсяцевъ прошло, какъ о тебѣ ни слуху, ни духу. Мнѣ, право, приходитъ часто мучительный апетитъ писать къ тебѣ, да что дѣлать,— ты такъ много скромничаешь, что твои товарищи не знаютъ, подъ которымъ небомъ тихое твое обиталище и куда ими отправить почтоваго голубка съ дружескою цидулкою и съ братскимъ поцѣлуемъ. Теперь, слава Богу, я кое-что извѣдалъ о тебѣ и не хочу пропустить случая. Съ этимъ письмомъ передаю тебѣ поклоны и добрыя желанія милыхъ нашихъ странниковъ [1]), которые хотя очень, очень отъ меня далеко, однако умѣютъ услаждать разлуку подружески. Они скоро будутъ моими антиподами, однако пишутъ ко мнѣ. А ты живешь подлѣ меня и не сказываешься. Полно объ этомъ.

Я посылаю къ тебѣ нѣкоторыя письма Андрея Ивановича, тѣ, кои писаны на имя твое и мое. Я сказалъ нѣкоторыя, потому что всѣхъ послать къ тебѣ боюсь. Между ими есть цидулка къ извѣстнымъ тебѣ особамъ. Я не знаю, что дѣлать. Ал. Ив. велѣлъ ихъ отдать тебѣ изъ руки въ руки. Когда же ты будешь въ Москвѣ? Научи меня въ этомъ случаѣ, какъ поступить. Я бы ихъ послалъ къ тебѣ, да, еще повторю, боюсь. На слѣдующей почтѣ ожидаю отъ тебя отвѣта.— Что дѣлать съ потретами Шиллера и Шекспира, которые присланы изъ Вѣны?

Худо, братъ, ты помнишь нашу старую дружбу. И чтобы, кажется, за удовольствіе жить столь долго въ деревнѣ? Нынѣ время самое шумное, перемѣны за перемѣнами. Когда бѣсятся большія рыбы, тогда нашему брату пискарямъ надобно ловить случай и счастіе. У насъ въ университетѣ все замираетъ отъ ужасныхъ ожиданій. Можетъ быть, мы лишимся своего добраго Ивана Петровича. Это, говорятъ, на вѣрное. Горе намъ грѣшнымъ.

Ты нуженъ *собственно для меня и для Воейкова.* Тебя только недо-

[1]) Андрея и Александра Ивановича Тургеневыхъ.

стаетъ, чтобъ намъ сдѣлать славное дѣло. Поздравь себя и насъ съ новорожденнымъ, который сдѣлаетъ честь тѣмъ, кои примутъ на себя его воспитаніе. Этотъ новорожденный есть журналъ литературный. Ты долженъ раздѣлить отцовское съ нами право. Будь увѣренъ, что эта не мечта; пріѣзжай, пріѣзжай скорѣе. Къ тебѣ улыбаются на встрѣчу деньги и слава. Чтò ты дѣлаешь въ своемъ уединеніи? Богатѣетъ ли ученый кабинетъ твой новыми произведеніями печально-нѣжной твоей Музы? Есть ли что нибудь у тебя для злобно-ѣдкой моей критики!!!

Прости, милый другъ. Некогда писать больше и лучше. Новостей у насъ пропасть; но ты отъ нихъ прячешься. Что я люблю тебя, это кажется не новость, и такъ по крайней мѣрѣ будь ко мнѣ поближе, сколько можно поближе. Твой вѣрный *Мерзляковъ*.

4.

(Изъ Рязанской деревни, весною 1803).

Милой, чувствительной, доброй, милой и доброй другъ мой Василій Андреевичь! Я виноватъ передъ тобой, а больше передъ твоимъ Максимомъ. Съ тобою не простился, а ему не заплатилъ денегъ за шитье. Товарищъ мой[1]) привыкъ дѣлать сюрпризы; онъ также скоръ во всѣхъ своихъ дѣлахъ, какъ бывало скоръ былъ на брань въ нашемъ собраніи[2]). Онъ укралъ меня изъ объятій Москвы такъ хорошо, что я и самъ того не примѣтилъ. Зная, что ты самой смирной и кроткой изо всѣхъ моихъ друзей, не безпокоюсь о твоемъ гнѣвѣ, но прошу тебя помирить меня съ Максимомъ. Онъ имѣлъ полное право задержать мое платье, но этого не сдѣлалъ, а поступилъ такъ, какъ только можетъ поступить доброй слуга моего искренняго друга. Спроси, сколько ему надобно за работу и отпиши ко мнѣ: я пришлю деньги. Не забудь написать также, когда ты выѣдешь изъ Москвы. Это мнѣ нужно: хоть я и знаю, что ты лѣнивъ отвѣчать на письма, однако хочу непремѣнно писать къ тебѣ. Черезъ это я хочу быть правымъ не столько передъ тобою, сколько предъ самимъ собою. Для меня долгъ дружбы святъ и тогда, когда небреженіе и вѣтренность моего друга позволяютъ нарушать его.

Три дня моего здѣсь житья не даютъ никакой путной матеріи для неутомимаго пера моего. Я еще не огладѣлся, я еще не жилъ по деревенски и потому ничего не пишу къ тебѣ о своемъ состояніи.

Деревня прекрасная, но не смѣю обрисовывать ее для того, что смотрѣлъ на все въ худую погоду. Свѣтлый день даетъ всему другую краску и другой видъ; подожду этаго времени. Когда солнце освѣтитъ и согрѣетъ всѣ сіи задумчивые предметы, тогда сочиню подробную реляцію и не устыжусь представить ее тому, кто любитъ и чувствуетъ Делиля. Хотѣлось бы мнѣ знать, чтò ты дѣлаешь? Нѣтъ ли писемъ отъ Андрея Ивановича? Пожалуста, братъ, пришли, если есть и скажи, если чтò знаешь объ этихъ двухъ братьяхъ и друзьяхъ нашихъ. Деревня можетъ привесть въ забвеніе все, но она усиливаетъ и оживляетъ сладкія чувства дружбы и истинной любви. Я и въ Сибири бы, въ своей родинѣ, среди всѣхъ семейственныхъ радостей, былъ

[1]) Воейковъ?

[2]) Говорится о литературномъ обществѣ молодыхъ людей. *П. Б.*

голоденъ и печаленъ, когда бы не зналъ что̀ со всѣми Вами дѣлается.

На слѣдующей недѣлѣ стану пить Майскіе соки и писать опытъ о Поэзіи. Майскіе соки и Поэзія должны быть очень питательны, и я надѣюсь возвратиться въ Москву здоровымъ. Прощай. Ожидаю твоего письма. Пиши въ Рязань, на имя А. Ѳ. Воейкова. Отдай приложенное здѣсь письмо Рахманову[1]), который будетъ тоже у Марса, что̀ былъ Меркурій у Юпитера. Прощай. Твой вѣрный Мерзляковъ.

Любовь и дружба, вотъ чѣмъ можно себя подъ солнцемъ утѣшать.

5.

Вотъ Ильдигерда. Дни четыре какъ она у меня,—но съ кѣмъ послать къ тебѣ? Ты знаешь, что у меня нѣтъ челяди.

Я уже за тебя условился съ Зеленниковымъ о деньгахъ по 5 р. за листъ: больше не даетъ. Это придется 80 р. и есть ли это не разойдется. Что-то я его подозрѣваю. Черезъ сколько вѣковъ приду къ тебѣ? Есть ли глаза мои будутъ болѣть вѣки, то и вѣки не увижу я любезнаго Василія Андреевича. Но для чего онъ не придетъ ко мнѣ?

Сколько хлопотъ за книгами! За переписку деньги, за пересылку деньги (Посылать по почтѣ надобно на легкой почтѣ, слѣдовательно столь же дорого, такъ какъ и съ писемъ). За то, чтобы они выслали, тоже деньги. Ну! Сердись же за меня, что я черепаха и тихо дѣлаю.

Можетъ быть, буду хуже черепахи — и ничего не сдѣлаю.

[1]) Рахмановъ, впослѣдствіи издатель Военнаго Журнала. *П. Б.*

6.

Переводи, переводи скорѣе и будь увѣренъ, что все съ рукъ сойдетъ; а для лучшаго успѣха пожалуста на время отложи многія работы и примись за одну. Завтра увижусь я съ Зеленниковымъ и скажу ему послѣднее слово, если хочешь побранюсь. Ты всегда за многое берешься. Это бы все было лучше не при теперешнихъ твоихъ обстоятельствахъ.

Я все еще болѣнъ глазами. Дѣла пропасть. Что мнѣ дѣлать! Съ ума схожу.

7.

1803. VIII. 24.

Извини меня, милой другъ мой, что я пропустилъ прошедшую почту. Не знаю, какъ это случилось, но случилось, и я виноватъ. Повѣрь мнѣ, я тебя люблю и помню; и еще больше начинаю любить, узнавъ людей. Но это въ сторону! Говоря съ тобою, должно забывать объ этихъ людяхъ.

Чувства твои совершенно гармонируютъ съ моими чувствами. Ты очень ошибся, когда сказалъ въ письмѣ твоемъ, что я буду имъ смѣяться. Другъ мой, ты и прежде ошибался, почитая меня Зоиломъ прекрасныхъ вашихъ плановъ! Смѣхъ мой былъ всегда самый горькой, мучительной для меня самаго. Я горько смѣялся не этимъ планамъ, а тому, что жестокая судьба смѣется надъ нами и не позволяетъ намъ произвести ихъ въ дѣйство. Эти строки обнаруживаютъ передъ тобою мое бѣдное сердце, и я надѣюсь, что ты впредъ будешь со мною откровеннѣе. Памятникъ другу нашему прекрасная мысль. На что намъ ставить его на могилу? Будемъ сами могилами живому, вѣчно

живому духу нашего друга. Памятникъ этотъ долженъ быть лучшимъ украшеніемъ нашего кабинета. Тебѣ поручаю я думать объ его фигурѣ. Опиши мнѣ все, скажи что́ онъ будетъ стоить, и изъ чего долженъ быть сдѣланъ. Надобно какъ можно простѣе; надобно, чтобы онъ былъ даже не мраченъ, чтобъ онъ возбуждалъ однѣ только сладкія чувствованія; надобно, чтобъ мы иногда съ нимъ также весело бесѣдовали, какъ и съ тѣмъ, кого онъ напоминать будетъ.

Ивану Петровичу стало гораздо лучше. Я у него былъ дни три тому назадъ. Онъ говорилъ со мною объ Андреѣ Ивановичѣ очень трогательно, сказывалъ, что отъ тебя получилъ письмо, но не знаетъ, когда ты сюда пріидешь. Въ самомъ дѣлѣ, для чего ты такъ долго медлишь въ деревнѣ? Можно ли такъ долго съ нами разставаться!

Ты зовешь меня къ себѣ въ Бѣлевъ. Хорошо, очень хорошо. Житье съ тобою конечно почитаю я выше, нежели житье съ чинами и хлопотами; но, другъ мой, у меня есть отецъ и мать; они не могутъ быть довольны однимъ романическимъ моимъ житьемъ. Они давно уже спрашиваютъ, имѣю ли я чинъ и состояніе. И такъ судьба заставляетъ меня искать, искать и мучиться. По крайней мѣрѣ не отвергнешь меня тогда, когда утомленный своимъ донкишотствомъ, наскучившій всѣмъ, обманутый всѣми, возвращусь я въ твой маленькой домикъ укрыться отъ бурь и несчастій, возвращусь на досугѣ посмѣяться надъ своимъ дурачествомъ вмѣстѣ съ тобою и съ памятникомъ друга нашего, который тогда будетъ уже въ твоемъ кабинетѣ.

Андрей Ивановичъ помнилъ насъ безъ сомнѣнія въ послѣднія свои минуты. Ахъ, онъ умеръ очень тяжело. Природа долго боролась съ болѣзнію; крѣпкое сложеніе причинило ему конвульсіи; въ четыре дни все совершилось. Онъ первоначально простудился, бывъ вымоченъ дождемъ. Пришедши домой, уснулъ въ мокромъ мундирѣ, котораго поутру на другой день не могли уже снять. Этого мало: въ полдень ѣлъ онъ мороженое и въ добавокъ не позвалъ къ себѣ хорошаго доктора съ начала; послѣ это уже было поздно; горячка съ пятнами окончила жизнь такого человѣка, который долженъ былъ пережить всѣхъ насъ... За мѣсяцъ безпокоился онъ обо мнѣ, когда я былъ боленъ, а изъ насъ никто не зналъ, что онъ страждетъ. Его попеченіями выздоровѣлъ я для того, чтобъ плакать надъ его могилой.

Университетъ, согласно съ твоимъ желаніемъ, не хочетъ отпустить меня теперь въ Петербургъ. На тебя не могу сердиться за это желаніе, но университету долго не забуду этого. Сегодня ѣду въ первый разъ учить класъ Антонскаго.

Соковниныхъ здѣсь нѣтъ, потому письмо тебѣ возвращается. Не можешь ли ты написать въ деревню? Надобно поберечь бѣдную. Къ Александру писалъ письмо на прошедшей почтѣ, просилъ его отъ твоего и моего имени, чтобъ не сокрушался.

Я къ тебѣ въ Бѣлевъ буду ѣздить часто, до тѣхъ поръ, когда намъ можно будетъ жить вмѣстѣ. Иногда на недѣлю, иногда на двѣ, на три и такъ далѣе; ни одна ваканція не будетъ пропущена, буду доволенъ этимъ, когда больше сдѣлать не въ моихъ силахъ.

Прощай, милой мой другъ. Готовлюсь къ лекціи и потому писать некогда. На слѣдующей почтѣ напишу лучше. Прости, пиши и будь здоровъ.

На слѣдующей почтѣ, можетъ быть, пришлю какую нибудь свою новость.

Твой Мерзляковъ.

Кутузовъ перевелъ и издалъ всего Грея. О бѣдный Грей!

8.

22 Сентября (1803)

Милой, сердечной мой другъ Жуковскій! Комиссію твою я окончилъ, такъ какъ должно. Не писалъ къ тебѣ такъ долго отъ глупой своей лѣности; но за это сердиться ты не долженъ и не можешь, потому что самъ тоже дѣлаешь. Отъ Александра получены письма. Слава Богу, онъ здоровъ и столько кажется спокоенъ, сколько можно быть спокойну въ его обстоятельствахъ.

Про К. М-ну[1]) можно сказать тоже. На сихъ дняхъ, совсѣмъ нечаянно обѣдалъ я въ Свирловѣ, говорилъ объ тебѣ съ хозяиномъ, и вообще познакомился я съ нимъ[2]) очень хорошо. Писалъ ли я къ тебѣ о томъ, что Кутузовъ[3]) въ мѣсяцъ перевелъ *всего Грея*? О бѣдной Грей! Этого мало: въ полторы недѣли онъ же перевелъ 14 одъ Пиндаровыхъ. Страшное беззаконіе, за которое наказываютъ его перстнями.

Пишу къ тебѣ на скорую руку и хочу сказать все. Что можно ожидать хорошаго? Но слушай: послѣ Андрея ты мнѣ остался одинъ, и этотъ одинъ ни на кого не промѣняется въ свѣтѣ. Утѣшь жалкое одиночество и пріѣзжай ко мнѣ въ Москву хоть на время. Мнѣ ужасно хочется съ тобою увидѣться. Это такое же принесетъ мнѣ удовольствіе и радость, какъ бы я увидѣлъ воскресшаго Андрея. Подумаемъ о своихъ будущихъ планахъ, подумаемъ о своей будущей жизни, *но подумаемъ вмѣстѣ*. Вотъ что дорого для моего сердца.

Я покуда все еще не то, ни се, но скоро надѣюсь утвердиться на чемъ нибудь постоянно. Теперь же нѣтъ ничего для меня постояннѣе твоей дружбы. Прощай. Пиши больше и заставь писать меня самого также больше. *Твой Мерзляковъ.*

Жду тебя къ себѣ и потому ничего не посылаю.

P. S. При тебѣ ли вышли мои стихи къ Демидову[4]). Что ты объ нихъ мнѣ ничего не скажешь? Отъ кого же мнѣ услышать чистосердечное сужденіе?

9.

(Осенью 1803).

Сердечно благодарю тебя, любезный другъ Василій Андреевичъ, за милое письмо твое. Жаль, что не могу и не умѣю отвѣчать тебѣ такимъ же; не отъ лѣности братъ, повѣрь! Дѣла пропасть! Я пустился во всѣ ученыя мытарства. У меня на рукахъ класъ Антонскаго и часть класа Чеботарева. Я для этой каторги еще новичёкъ. Пишу, перевожу, выписываю, составляю, привожу въ порядокъ, однимъ словомъ хочу быть со временемъ путнымъ профессоромъ. Очень мало времени остается, для того даже

[1]) Екатерина Михайловна Соковнина, сестра Сергѣя Михайловича, бывшаго товарищемъ по воспитанію и пріятелемъ Тургеневыхъ и Жуковскаго. Она окончила жизнь въ дѣвицахъ. *П. Б.*

[2]) Т. е. съ Карамзинымъ? *П. Б.*

[3]) Одинъ изъ кураторовъ Московскаго университета, извѣстный доносчикъ на Карамзина. *П. Б.*

[4]) Павлу Григорьевичу, основателю Лицея въ Ярославлѣ. *П. Б.*

чтобъ заняться моими друзьями. Тебя самаго представляю я себѣ всегда почти въ соединенiи или съ Анакреономъ или съ Овидiемъ, изъ которыхъ кое-что перевожу для моихъ учениковъ. Ты, безъ сомнѣнiя, это простишь мнѣ. Когда заведется машина, тогда я буду гораздо свободнѣе т. е. буду твоимъ военно-плѣннымъ. Съ мѣсяцъ уже не принимался за *свою* поэзiю и живу теперь *чужою*. По этой причинѣ не могъ прислать тебѣ моихъ бездѣлокъ, которыя конечно не должны отъ тебя прятаться. На этихъ дняхъ окончилъ свой переводъ Горацiевой Пiитики. Не знаю, какъ достало у меня терпѣнiя. Скоро надѣюсь отправить ее къ тебѣ съ другими пiэсами; теперь довольствуйся *Греемъ*. Чтò писать тебѣ о Карамзинѣ? Ты его знаешь больше, нежели я. Онъ показался мнѣ *почти* такимъ, какъ объ немъ говорятъ. За новость скажу, что онъ сдѣланъ почетнымъ членомъ нашего университета и что онъ не будетъ уже на слѣдующiй годъ издавать Вѣстника. Книгопродавцы, опасаясь остаться безъ журнала, хотятъ поручить многимъ то, чтò онъ дѣлалъ одинъ. Они уговаривали меня взяться за это. Но мои обстоятельства совсѣмъ не такiя, чтобы всегда быть въ струнѣ, какъ говорится.—Не хочешь ли ты? Мнѣ поручено тебя спросить объ этомъ. Отвѣчай поскорѣе, или прiѣзжай самъ. Сверхъ того при типографiи заводится общество, куда приглашаютъ насъ обоихъ. Члены все почти извѣстные люди. Отъ Александра Ивановича посылаю тебѣ письмо. Отвѣтъ къ нему пришли ко мнѣ, отправимъ вмѣстѣ. Скоро ли твой домъ? Хотѣлъ бы посмотрѣть на него, хотѣлъ бы посмотрѣть на тебя, какъ на хозяина. Иванъ Петровичь здоровъ и спокоенъ, но это спокойствiе весьма опасно. Чтò думаетъ и чувствуетъ Катерина Михайовна. Боже мой! Для чего намъ досталось пережить это прекрасное время, когда всѣ *имъ* радовались вмѣстѣ съ нами. Минута—и все для насъ знакомое, все для насъ прiятное, все къ намъ близкое покрылось печальною тмою. Его не стало.

Прости, милый другъ мой. Гнѣвное Небо долго для насъ не прояснится, но мы найдемъ утѣшенiе въ самихъ себѣ. Конечно мы для Андрея Ивановича ничего не сдѣлали, но погрузимся въ свои чувства, спросимъ у своей совѣсти, развѣ мы его недостойны? Развѣ не любили его? Развѣ забудемъ когда нибудь? Нѣтъ, онъ для насъ не умеръ,—онъ живъ въ нашемъ соединенiи, которое разорвется только тогда, когда Небо захочетъ соединить всѣхъ насъ троихъ.

Прощай, твой *Мерзляковъ*.

10.

(1804 года, 7 Iюля)

Я получилъ милое письмо твое, мой безцѣнный Василiй Андреевичъ. Благодарю тебя сердечно за сладкiя чувства, которыя оно во мнѣ возбудило. Конечно, братъ, я не лихоимецъ и не честолюбъ; я могу ото всего отказаться для спокойной и тихой жизни. Нынѣшнее мое состоянiе приближаетъ меня къ твоему плану больше, нежели ты думаешь. Ученые Московскiе живутъ точно такъ, какъ ты,—и переходъ въ деревню изъ университета очень недалеко. Я ограничилъ себя въ разсужденiи времени, которое должно мнѣ пробыть въ университетѣ; года два, не больше, и я вольная птаха. Между тѣмъ развѣ нельзя быть у тебя въ деревнѣ? И нынѣшнiй годъ загуляемъ къ

тебѣ съ Воейковымъ, къ которому сегодня ѣдемъ въ Рязань мѣсяца на полтора. Дожидайся, братъ. Намъ не надобно твоего дома, если онъ не отстроенъ: мы проживемъ въ палаткѣ. Стихи твои будутъ нагрѣвать сердца наши; а твоя ласковая, простая дружба украситъ самые прекрасные виды, представляющіеся съ крутаго берега Оки, гдѣ строится твоя храмина[1]).

Будемъ жить вмѣстѣ; будемъ, и это вѣрно. Только для чего ты меня такъ много хвалишь? Это заставляетъ мня подозрѣвать, что мы съ тобою не уживемся. Теперь же нельзя оставить мнѣ университетъ потому, что меня не отпустятъ; потому, что я самъ долженъ быть благодаренъ и потому, что я еще не кончилъ курса моихъ лекцій. Я не говорю другихъ причинъ, удерживающихъ меня въ Москвѣ, но ты безъ сомнѣнія на это согласишься. Нынѣшнія мои занятія университетскія полезны для меня самаго. Можетъ быть, никогда не принудилъ бы я себя столько прочесть, сколько прочиталъ въ эти четыре мѣсяца.

Вотъ, братъ, короткой и рѣшительный мой отвѣтъ; пріѣдемъ съ Воейковымъ въ Бѣлевъ и поговоримъ обстоятельнѣе. *Черезъ годъ или немного больше начнемъ трудиться вмѣстѣ* и до того времени можемъ видѣться часто и производить прелиминарные договоры. Вотъ сумма всего.

Новостей у насъ никакихъ. Державинъ выдалъ Анакреонтическія пѣсни. Эта книга содержитъ 157 страницъ и продается по 4 р. экземпляръ. Піэсы многія старыя, на прим. Хариты, На рожденіе Порфиророднаго Отрока, Граціи и проч. Новаго немного, и почти все не хорошо. Этотъ Анакреонъ пѣлъ при Павловомъ дворѣ и Павла самаго, иногда подъ именемъ Ѳеба, иногда Амура, иногда....[2]) Языка нѣтъ. Золота и серебра кучи; остроты не видно; неблагопристойности много, а naif—которое должно быть душею такого рода твореній, не найдешь почти нигдѣ. Вотъ тебѣ критика послѣ перваго моего чтенія. Прошу тебя ей не вѣрить. Въ другой разъ покажется безъ сомнѣнія мнѣ все лучше, и я буду имѣть удовольствіе поздравить тебя съ новымъ пріобрѣтеніемъ нашего Парнаса.

Иванъ Петровичъ былъ отчаянно боленъ; но теперь совсѣмъ почти здоровъ. Алекс. Иван. будетъ къ намъ зимою. Какая радость!

Пишешь ли ты къ Дмитріеву?

Онъ одинъ разъ былъ у меня на лекціи. Макарова[3]) узналъ я короче и къ нещастію своему увидалъ въ немъ то, чего не хотѣлъ бы видѣть. Онъ гордецъ—и позволишь ли ты мнѣ это слово, невѣжа. Это сказано безо всякой личности. Мы съ нимъ ни одинъ разъ не ссорились

Прощай, мой милой другъ. Пиши, будь здоровъ и люби твоего вѣрнаго

Мерзлякова.

Адресъ ко мнѣ: Милостивому государю Василью Николаевичу, г-ну купцу Курганскому въ Рязани, а его прошу доставить въ домъ Александра Ѳедоровича Воейкова, Алексѣю Мерзлякову.

---

[1]) Это тотъ самый домъ (въ Бѣлевѣ на Казачьей улицѣ, съ очаровательнымъ видомъ на Оку и дальнюю окрестность), который нынѣ пріобрѣтенъ по подпискѣ почитателями Жуковскаго и переданъ въ министерство народнаго просвѣщенія для устроенія въ немъ училища. Покамѣстъ, къ сожалѣнію, эта мысль князя П. А. Вяземскаго осуществилась еще не вполнѣ, и училища не имѣется. *П. Б.*

[2]) Такъ въ подлинникѣ. *П. Б.*

[3]) Михаилъ Николаевичъ, извѣстный тогда журналистъ? *П. Б.*

Буринской въ деревнѣ, потому нѣтъ тебѣ отъ него поклона. 7 Іюля (1804)

**
*

11.

Я не знаю, что отвѣчать тебѣ, любезный и почтенный другъ Василій Андреевичь? Какъ мнѣ назначить цѣну или количество денегъ за напечатаніе Тасса? Чѣмъ больше, тѣмъ лучше, обыкновенное правило; но этаго правила я никогда не держался, да и не удавалось. И такъ самъ суди и хлопочи въ мою пользу. Таковая милость, если случится, будетъ мнѣ въ первый разъ въ жизни и по всей вѣроятности въ послѣдній. Для другихъ надежды, и ходатаи, и связи, и благодѣтели, для меня ихъ нѣтъ и не было.—Если ты рѣшился сдѣлать для меня добро, то дѣлай и замѣни всѣхъ, кои обязаны бы были дѣлать да не дѣлали. Тасса я намѣренъ печатать въ двухъ частяхъ; можно и въ трехъ, можно и въ четырехъ; это было бы благовиднѣе, съ присоединеніемъ жизни и критическихъ замѣчаній по этому лучшихъ писателей, особливо Сизмонди.—Бумагу и нѣкоторыя картинки, если можно, должно заказать въ Петербургѣ и выписать; ибо здѣсь нѣтъ порядочной, не только хорошей. Все это дорого. При томъ, не одинъ Тассъ у меня въ виду. При этой помощи хотѣлъ бы я выдать и прозаическія мои сочиненія по ученой части. И такъ должно, кажется, просить какъ дѣйствительнаго вспоможенія мнѣ и въ награду за многолѣтніе труды по университету. Я думаю, можно положить для хорошаго изданія Тасса по крайней мѣрѣ тысячь пять, если это не устрашитъ.

Глинкѣ дали 9 тысячь на заплату типографіи нашей долговъ, которыхъ онъ не заплатилъ и теперь, по своей скудости. Я не въ лучшемъ состояніи, но въ бо̀льшемъ правѣ, какъ служащій. Хорошо, еслибы и мнѣ столько же дали, сколько ему, но во всемъ воля Божія. Государь милосердъ. Надобно только, чтобъ хорошо было представлено. Предоставляю все твоему попеченію и дружеской любви ко мнѣ. Сдѣлай какъ можешь и какъ можно. Вотъ весь мой отвѣтъ.

Поклонъ мой почтеннѣйшему Александру Ивановичу и почтеннѣйшему Сергѣю Ивановичу. Если они не уѣхали, дай Богъ имъ путь благополучный и сколько возможно пріятный. Прощай, добрый человѣкъ и поэтъ славной! Помни, что ты трудишься для Мерзлякова и его семейства, у котораго ничего нѣтъ кромѣ работы и здоровья отцовскаго—покуда.

13 Іюля
1824. Москва.

12.

Сердечное спасибо старому и вѣрному другу за его охотное, доброе участіе и стараніе въ обстоятельствахъ человѣка, болѣе двадцати лѣтъ трудящагося для университета и пансіона, награждаемаго *словесно*, когда онъ имѣетъ нужду въ *дѣйствительной* помощи.—Антонъ Антоновичъ и теперь выговаривалъ мнѣ, почему я не чрезъ нихъ началъ это дѣло, а стороною, то есть чрезъ добрыхъ людей, чрезъ Александра Ивановича и чрезъ тебя. Мой отвѣтъ былъ: *Что же вы для меня сдѣлали? И что бы вы сдѣлали?* — Точно! Они бы нашли тысячи препятствій и сомнѣній, и все бы кончилось ничѣмъ, какъ обыкновенно бываетъ въ разсужденіи всѣхъ

университетскихъ нашихъ тружениковъ.—Можетъ быть, книги[1]) посылаются поздно; но что мнѣ было дѣлать съ тѣми людьми, которые хотятъ, чтобы я работалъ для нихъ, а не для себя?—Едва могъ управиться съ тяжелою типографіею и съ тяжелыми невѣжами переплетчиками. Это идетъ не такъ совсѣмъ, какъ у васъ въ Петербургѣ. — Наконецъ посылаются сіи книги, адресованныя по твоему приказанію на имя К. Я. Булгакова.—Можетъ быть не такъ щеголевато одѣты, да что дѣлать? Здѣсь нельзя лучше!

Прежде всего позволь поблагодарить тебя душевно (охъ, какъ поздно!) за присылку твоихъ сочиненій, и упрекнуть вмѣстѣ за то, что ты сказалъ въ письмѣ къ Антонскому, будто я въ балладахъ твоихъ не нахожу толку.—Удивляюсь, какъ ты могъ повѣрить клеветникамъ весьма глупымъ. Причины: 1) не могъ я сказать этого въ классѣ, потому что предъ студентами баллады не читаются *по закону*; 2) по осторожности слишкомъ робкой (ибо знаю самаго себя) весьма рѣдко читаю съ критикой сочиненія живыхъ писателей, кои всегда щекотливы, а читаю мертвыхъ. 3) въ примѣръ слога дѣйствительно читалъ твои сочиненія, но *въ примѣръ*, какъ и должно быть. Жуковскому стыдно слушать людей, которые, сами не умѣя плавать по водѣ, сидятъ на берегу и палочкой мутятъ воду.

Къ дѣлу: I. Посылается 18 экс.: три для Государя Императора и Государынь Императрицъ, въ зеленомъ сафьянѣ; четыре или пять для Великихъ Князей и Княгинь и для министра.— Потомъ: для Карамзина, для А. Ивановича, для Ивана Матвѣевича Муравьева-Апостола, также для Лонгинова и Вилламова, для князя А. Н. Голицына и Дмитрія Михайловича Голицына, нашего генералъ-губернатора,—которымъ очень много я одолженъ. Рекомендуй меня всѣмъ какъ стараго, вѣрнаго пса на Парнасѣ.— Прочіе оставь *для своего употребленія*!!—На слѣдующей почтѣ еще будетъ транспортъ для нашей братьи пріятелей — авторовъ и журналистовъ. Впрочемъ располагай этими экземплярами такъ, какъ знаешь.

II. На вопросъ твой весьма разумной и доброй о томъ, что̀ я писалъ и что̀ у меня готово къ печатанію — отвѣчаю: 1) Подражанія и переводы изъ древнихъ писателей, изъ которыхъ предлагается теперь первая часть, но ихъ кромѣ обѣщанной и печатающейся уже второй, можетъ быть еще третья и четвертая, ибо матеріалы достаточны. 2) Мой давно лежачій Тассъ, которой не даетъ мнѣ ни сна, ни покою. 3) Мой курсъ лекцій литературныхъ, читанныхъ для публики въ домѣ князя Б. Голицына и Кокошкина; изъ нихъ нѣкоторыя напечатаны,—всѣ же вмѣстѣ составятъ шесть добрыхъ томовъ. 4) Критическій разборъ всѣхъ лучшихъ драматическихъ нашихъ писателей; также нѣкоторыя статьи, напечатанныя въ Вѣстникѣ Европы и пр. и пр. 5) Мои собственныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ—многія, напечатанныя повсюду и увядающія уже въ тискахъ безчеловѣчныхъ тирановъ, извѣстныхъ подъ именемъ издателей образцовыхъ сочиненій.- За этотъ соблазнъ отдашь ты *Богу* отвѣтъ!....

Изъ всего этого на сердцѣ моемъ лежитъ самое главное: Тассъ и Курсъ лекцій, составляющій два года.

III и послѣднее: важнѣйшая претензія моя:—не будучи самъ въ силахъ

[1]) Подражанія и переводы Мерзлякова. М. 1825. Часть 1-я.

издать накопившееся въ продолженіи многихъ лѣтъ и не надѣясь на невѣрную благосклонность публики, желалъ бы я *вспомоществованія*, по крайней мѣрѣ въ изданіи Тасса; это было бы наградою за многолѣтные труды мои по службѣ,—впрочемъ все въ руцѣ Бога и Царя добраго!

Право, братъ, старѣюсь и слабѣю въ здоровьѣ; уже не работается такъ, какъ прежде, и кромѣ того отягощенъ многими должностями по университету: время у меня все отнято или должностію, или частными лекціями, безъ которыхъ нашему брату бѣдняку обойтись не можно; а дѣти растутъ и требуютъ воспитанія. Кто послѣ меня издать можетъ мои работы, и будутъ ли онѣ полезны для нихъ, ничего не имѣющихъ?

Вотъ, кажется, все я сказалъ, чего ты отъ меня требовалъ!—*Добрѣ* началъ, продолжай и кончи съ А. Ивановичемъ; тебѣ благодарность дружбы. — Въ канцеляріи министра безъ сомнѣнія есть мой послужной списокъ, если онъ понадобится.

Письмо слишкомъ длинно и для тебя, и для меня, потому что оба никогда не любили говорить о самихъ себѣ.—Посылаю при семъ письмо къ министру, если нужно; запечатать надобно; ты объяснишь ему все прочее, чего я не могъ сказать. Поговори также за меня съ Муравьевымъ и Карамзинымъ: сей послѣдній особливо знаетъ нужды нашей братьи и знаетъ средства помогать имъ.

Цѣлую тебя въ великій праздникъ. Желаю всего, что самъ себѣ желаешь и чего отъ тебя желаетъ благонамѣренная публика.—Кланяйся Ал. Иван., Сергѣю Ивановичу, Алек. Өедоровичу и поздравь ихъ съ свѣтлымъ воскресеньемъ! — Гнѣдичу мой поклонъ усердной. — Пришлю къ нему экземпляръ на слѣдующей почтѣ.

Прощай, твой вѣчно преданный

А. Мерзляковъ.

22 Марта 1825. Москва.

13.

При семъ посылаю, почтенный и любезнѣйшій другъ Василій Андреевичъ, и послужной мой списокъ, скрѣпленный по формѣ. — Не писалъ долго отъ того, что онъ былъ боленъ и не на шутку: у насъ въ Москвѣ весна была очень болезнѣнная и перебрала весьма, весьма многихъ.

Изъ послужнаго моего списка видно, что я профессорствую болѣе уже двадцати лѣтъ; шесть лѣтъ исправляю деканскую должность и въ комитетѣ испытанія служу пятнадцать лѣтъ; не говорю о другихъ моихъ службахъ и порученіяхъ. Наши господа начальники не любятъ насъ представлять, и потому нѣтъ мѣста въ цѣлой Россіи по службѣ болѣе несчастнаго, какъ нашъ университетъ. — За Владимірскій крестъ свой я обязанъ вдовствующей Императрицѣ, а не своимъ, ибо ихъ силой заставили представить обо мнѣ. — Съ тѣхъ поръ ничего не получалъ, кромѣ чиновъ, кои шли своимъ чередомъ. Стыдно мнѣ, статскому совѣтнику, предъ своими учениками, которые, служа по воспитательному дому или въ другихъ мѣстахъ, увѣшаны знаками отличія.—Впрочемъ, признаюсь, я уже охолодѣлъ ко всему этому: я желалъ бы гораздо болѣе, если бы могъ получить какое-либо пособіе для напечатанія моего Тасса и другихъ трудовъ моихъ по ученой части. Не имѣя никакого состоянія, я убиваю себя и время на скучные уроки, ко-

торые достовляютъ только насущное — и ничего не даютъ въ прокъ. Это весьма грустно и тягостно въ мои лѣта.

И такъ, если можно, какъ и прежде я писалъ, болѣе на это обратить бы вниманіе и исходатайствовать мнѣ что-либо, дабы могъ я издать мои работы. Если министру угодно будетъ войти, то, кажется, довольно и достаточно служба моя — могу сказать, долговременная и извѣстная — представитъ ему матеріалу, къ чему бы привязаться. — Впрочемъ посовѣтуйтесь съ Александромъ Ивановичемъ.— Всякой признается, что я поставилъ классъ Россійскаго краснорѣчія на настоящую ногу послѣ Чеботарева, при которомъ онъ былъ хуже грамматическаго; я ввелъ и критику, и новой способъ преподаванія, которому всѣ теперь слѣдуютъ; я первый началъ учить ему философски, какъ изящному искусству, а прежде меня далѣе Бургіевой Риторики никто не простирался. — Въ сихъ словахъ нѣтъ ни одного слова хвастливаго, но я стыжусь уже, что говорю о себѣ и потому перестану....

Ради Бога, не пропустите времени; напомните Шишкову, которой писалъ ко мнѣ, что непремѣнно представитъ; но напомнить и постараться все лучше. Попросить также и князя Шихматова и, если нужно, Карамзина.

Вторая часть началась печататься. Жаль, что я былъ боленъ! вездѣ мнѣ несчастіе и неудача! — я извѣрился ко всему....

Благодарю тебя душевно за твои старанія..... Оставить тѣхъ, которые меня не любятъ: имъ не хочется сдѣлать добра, когда дѣлаютъ для какого-нибудь Каменецкаго! — Боюсь, дойдетъ ли это письмо до тебя надлежащимъ образомъ: вы всѣ на дачахъ, — но я адресую обыкновенно *на авось*!

Поклонись, любезной другъ, Александру Ивановичу и всѣмъ, которые принимаютъ во мнѣ участіе.

totius tuus Merzljakow.

4 Іюня
1825
Москва

PS. Теперь у насъ ексамены, — хлопотъ премножество. — Сказываютъ, что Государь Императоръ будетъ къ 9 числу, — правда ли?

14.

Сердечно благодарю тебя, любезный и почтенный другъ Василій Андреевичъ, за всѣ твои хлопоты по моему дѣлу. Только на прошедшей недѣлѣ получилъ я деньги, и то не сполна,—вмѣсто 5 т. только 4500..... вычли 10 процентовъ на Инвалидовъ, хотя бы собственно этого не слѣдовало дѣлать, ибо я просилъ деньги не въ видѣ подарка, но на изданіе книги — столько, сколько оно будетъ стоить.... Такъ и быть! — За все благодаренъ: все принимаю съ должною признательностію. — Впередъ побережемъ себя отъ хлопотъ и безпокойствъ отдаленныхъ.

Теперь обращаюсь къ тебѣ съ другою просьбою: — не пугайся: она не столь хлопотлива и зависитъ собственно отъ тебя одного. — Одинъ изъ нашихъ магистровъ, господинъ Погодинъ, юноша весьма достойный и извѣстный уже по своимъ литературнымъ и историческимъ трудамъ, намѣренъ къ будущему году издать *Альманахъ*, состоящій изъ стиховъ и прозы. — Піесы у него уже готовы, но не достаетъ важнѣйшаго. — Онъ проситъ меня, чтобъ я умолилъ тебя

прислать къ нему что-либо изъ своихъ сочиненій и тѣмъ благословить его первородное дитя, вступающее въ новой свѣтъ, въ которомъ голосъ твой важенъ, и приманчивъ, и силенъ. — Охотно исполняю его прошеніе, присоединяя свои просьбы къ его. — Ободри почтеннаго и добраго Погодина, утѣшь его двумя или тремя (или даже и одной) піесами; онъ человѣкъ небогатой: а твой даръ будетъ ему въ прокъ. — Ты разсыпаешь свой бисеръ повсюду: Погодинъ болѣе другихъ стоитъ таковой чести. — Попроси что-нибудь и у твоего Козлова: это все много и много обрадуетъ моего магистра. Только не замедлять присылкою; ибо онъ готовъ уже къ началу дѣла. — Піесы прислать на мое имя въ университетъ. — Пожалуйста одолжи.

Прощай, будь здоровъ, не забывай насъ, и, если будешь писать къ Александру Ивановичу, поклонись ему отъ меня.

Твой душевно преданный слуга

А. Мерзляковъ.

29 Октября
1825 года.

II. (ГРАФА) СЕРГІЯ СЕМЕНОВИЧА УВАРОВА.

1.

С. Петербургъ 21 Апрѣля 1811.

Давно ужъ собираюсь я къ Вамъ написать и возобновить себя въ памяти Вашей, но разныя дѣла помѣшали мнѣ до сихъ поръ взяться за перо. Я, въ полномъ увѣреніи, что Вы, помѣстивъ меня въ число друзей вашихъ, тѣмъ самымъ дали мнѣ право считать на ваше расположеніе, покорно прошу васъ дозволить перепечатать здѣсь вновь прекрасный переводъ вашъ *Проэкта Азіатской Академіи* [1]). Ноты и дополненія, которыя вамъ помѣстить нельзя было, постараемся мы вмѣстѣ съ Тургеневымъ прибавить. Многіе изъявили желаніе имѣть полный переводъ на Русскомъ языкѣ, и я не могу лутче отвѣчать требованію ихъ, какъ познакомить съ переводомъ вашимъ. Едиція будетъ хорошая, и я надѣюсь, что вы оною довольны будете. Я послалъ Н. М. Карамзину *Шлегеля* книгу *о Индіи*, которую я вамъ совѣтую прочитать. Скажите Николаю Михайловичу, что Шлегель пишетъ мнѣ, что онъ напечаталъ послѣднее сочиненіе о *Новѣйшей Исторіи*. Какъ скоро сія книга дойдетъ до рукъ моихъ, то я доставлю ее вамъ въ Москву.— Тургеневъ влюбился въ одну даму и за тѣмъ не имѣетъ время нами заниматься.—Въ скоромъ времени надѣюсь я напомнить вамъ обѣщаніе ваше, сдѣланное мнѣ вами въ бытность мою въ Москвѣ. – Здѣшняя Бесѣда бесѣдовала только одинъ разъ еще, въ которой Шишковъ читалъ проповѣдь о словесности. — На дняхъ сбирается Державинъ доказать намъ послѣдними своими сочиненіями, какъ превосходна теорія Шишкова.—За тѣмъ, прощайте, будьте здоровы и меня любите.

Сергій Уваровъ.

В. Л. Пушкину скажите мой дружеской поклонъ.

2.

15 Мая 1811 года.

Я спѣшу отвѣчать на ваше письмо отъ 4 Мая. Я васъ сердечно бла-

[1]) Извѣстное сочиненіе Уварова на Французскомъ языкѣ; Русскій переводъ его, сдѣланный, какъ отсюда видно, Жуковскимъ, помѣщенъ въ Вѣстн. Европы 1811, кн. 1-я.

годарю за позволеніе перепечатать переводъ вашъ и за предложеніе взять на себя то, что̀ вы называете переправку онаго.—Доставленіемъ экземпляра перeправленнаго совершенно меня обяжете; срока за тѣмъ не назначаю, что я на ваше ко мнѣ дружеское расположеніе считаю.

Тургеневу поручилъ я доказать вамъ, что ваше желаніе не согласно ни съ ходомъ вещей, ни съ вашими выгодами, ни съ моими.—Я надѣюсь, что онъ васъ убѣдитъ. Самая скромность ваша увѣряетъ меня, что вамъ приготовляться не нужно. Что̀ же касается до занятій вашихъ, то не только вы будете имѣть нужное на оныя время, но еще всѣ способы болѣе и болѣе распространять опытность и свѣдѣнія ваши.—Видно, что вы давно въ Петербургѣ не бывали, если вы полагаете, что черезъ два года я буду еще имѣть возможность дѣлать вамъ пріятное.

Я васъ покорно прошу узнать, получилъ ли Николай Михайловичь письмо мое при Шлегелевой книгѣ о *Индіи*.

Въ скоромъ времени получите вы мои стихи: Sur l'avantage de mourir jeune. — Не судите строго о ихъ достоинствѣ; не иначе какъ о изліяніи чувствъ душевныхъ; участь ихъ должна бы быть—умереть тамъ, гдѣ они родились. — Развѣ смерть г. Каменскаго и к. Суворова не дѣйствуетъ надъ Музой вашей? Вотъ прекрасной случай употребить въ нашей поэзіи нѣсколько тѣхъ мыслей, которыя Шиллеръ представилъ въ одномъ стихѣ:

«Es ist das Loos des Schönen auf der Erde.

За тѣмъ прощайте; будьте увѣрены въ истинной моей дружбѣ къ вамъ, не лѣтами пріобрѣтенной, но согласіемъ мыслей и чувствъ. Весь вашъ *С. У.*

3.

С. Петербургъ. 6 Іюня 1813.

Я мысленно слѣдовалъ за вами, когда вы, повинуясь общему примѣру, оставили мирное жилище ваше и предстали на поле чести. Сіе новое зрѣлище обогатило конечно вашу фантазію новыми, дивными цвѣтами. Нынѣ, узнавъ, что вы возвратились въ свое уединеніе, радуюсь, что вы будете имѣть время бесѣдовать съ Поэзіею и съ друзьями. Я радовался душевно на *Пѣвца въ станѣ*, и на другія произведенія ваши. Вы имѣете большой, оригинальный талантъ, которой влечетъ васъ къ идеальной поэзіи. Повѣрьте, что никто здѣсь, исключая А. И. Тургенева, не беретъ болѣе душевнаго участія въ вашемъ превосходномъ талантѣ, какъ я. Ничто посредственное не должно отнынѣ выходить изъ вашего пера. Каждое произведеніе должно быть новое разширеніе сферы нашего языка и словесности. Вотъ мое желаніе, и вмѣстѣ надежда, полагаемая на васъ всѣми любителями изящной поэзіи.

Между тѣмъ какъ вы возлетаете на Пиндъ, я хожу шагомъ по землѣ: вмѣсто блистательной Поэзіи, занимаюсь сухой *Педагогикой*[1]). — Вотъ опытъ моихъ по ней трудовъ! Прочтите и скажите ваше мнѣніе; я также написалъ разсужденіе о *стопосложеніи*, которое было читано въ здѣшней Бесѣдѣ; когда же оно будетъ напечатано, то представлю вамъ.

Я не могу положить пера, не изъяснивъ вамъ общее наше съ Тургеневымъ давнишнее желаніе: пересе-

[1]) О преподаваніи Исторіи, относительно къ народному воспитанію. Спб. 1813.—Рѣдкая книжка. *П. Б.*

лить васъ сюды. Нынѣ Петербургъ сталъ единственно приличнымъ для васъ мѣстопребываніемъ. Если наше желаніе сбудется, то мнѣ пріятно будетъ подтвердить вамъ на словахъ, а можетъ быть и на дѣлѣ, увѣреніе истинной моей преданности и дружбы.

Ув.

4.

С. Петербургъ. 17 Августа 1813.

Я получилъ ваше обязательное и пріятельское письмо отъ 15 Іюля, за которое приношу вамъ мою благодарность. Вы хвалите мои труды, или лутче сказать, мои намѣренія: *pia desideria*! Но вы налагаете при томъ на меня весьма тяжелое бремя, съ моими силами не слишкомъ соразмѣрное. *Вѣрить возможности лучшаго* есть уже въ нашемъ положеніи *напряженіе* фантазіи, *идеалъ*; но приступить къ исполненію, истинно Геркулесовъ трудъ. — Но какъ бы то ни было, я умѣю цѣнить вашу пріязнь и ваше участіе въ моихъ мечтахъ и прошу о продолженіи того и другаго.

При семъ посылаю я вамъ письмо мое къ Гнѣдичу о стопосложеніи; не думайте однакожъ, чтобъ я и отъ васъ требовалъ строгаго наблюденія *древнихъ* метрическихъ формъ. Вы въ числѣ тѣхъ, которымъ предназначено произвольно *избирать*, или лучше сказать *изобрѣтить* формы стопосложенія; но кто хочетъ переводить древнихъ, тотъ долженъ непремѣнно слѣдовать ихъ формамъ. Не всѣмъ мое мнѣніе здѣсь полюбилось. Не многіе занялись разборомъ моихъ предположеній. Это сухо и трудно; а наша публика свыше Крылова басни ничего не хочетъ.

Я получилъ на дняхъ кипу Англинскихъ книгъ; между прочимъ всѣ поэмы Сира *Вальтера Скота*. Ein Volksdichter im edlen Sinne des Wortes. Когда я окончу чтеніе ихъ, то къ вамъ препровожу лутчія. Вы познакомитесь съ большимъ, оригинальнымъ, съ вашимъ талантомъ свойственнымъ талантомъ. Какъ я ни влюбленъ въ Греческую поэзію, но признаться долженъ, что Шотландскіе отголоски меня плѣняютъ. Это зависитъ конечно отъ того, что я самъ *сынъ Сѣвера*; блистательная поэзія Грековъ не такъ къ намъ близка, какъ туманныя, фантастическія изображенія сѣверныхъ бардовъ. Сиръ *Скоттъ* мнѣ очень полюбился, и я весьма бы желалъ, чтобъ вы когда нибудь занялись поэмою въ его родѣ. Когда вы прочтете его творенія, то вы конечно согласитесь со мною. Двѣ *эпохи* можно назвать піитическими: *Классическую*, т. е. эпоху Грековъ, и *Романтическую*, т. е. эпоху среднихъ вѣковъ, des Mittel-Alters. Мы и слѣды потеряли къ таковому расположенію умовъ.

Душевно желаю, чтобъ вы рѣшились пріѣхать къ намъ, будучи увѣренъ, что Петербургъ единственное нынѣ для васъ мѣсто пребыванія. Право, пріѣзжайте!

Извините, что я не вспомнилъ поздравить васъ съ полученнымъ орденомъ. Сердечно радуюсь и поздравляю васъ. Тургенева я бранилъ, но безуспѣшно. Затѣмъ, будьте здоровы, счастливы, и меня любите.

Ув.

Напишите мнѣ чистосердечно, какъ вамъ кажутся экзаметры Гнѣдича?— Также о письмѣ Филарета.

5.

С. Пбургъ. 20 Декабря 1814.

Jo, triumphe!—

Прекрасно! Прекрасно! — Чувства возвышенныя, мысли глубокія и сильныя; похвала благородная и смѣлая; языкъ поэта. Еще разъ: прекрасно!— Примите, любезный Василій Андреевичь, истинную мою благодарность за тѣ пріятныя минуты, которыми я вамъ одолженъ. Мы читали ваше Посланіе *) съ предубѣжденіемъ, но вмѣстѣ и съ разборчивостью дружбы, и кромѣ малаго числа словъ и двухъ или трехъ незначущихъ стиховъ, мы все одобрили. Мы съ Тургеневымъ подумаемъ о лучшемъ способѣ представить ваше прекрасное произведеніе Госуд. Императрицѣ. Онъ васъ обстоятельно о семъ увѣдомитъ.

Послѣ вашего прелестнаго Посланія, ничто не могло меня болѣе обрадовать какъ извѣстіе, что я васъ здѣсь, хотя на короткое время, увижу. Хорошо въ жизни иногда встрѣчаться, дабы возобновлять тѣ дружескія сношенія и то сердечное сознаніе, безъ которыхъ дружба — пустое слово.

Надѣясь на будущее съ вами свиданіе, нынѣ книгъ вамъ не посылаю. *Southey's Thalaba* у меня нѣтъ; но я его читалъ, и онъ очень посредственный поэтъ, или лучше сказать, совсѣмъ не поэтъ. Теперь у Англичанъ ихъ только *два*: *Walter Scott* и *Lord Byron*. Послѣдній превышаетъ, можетъ быть, перваго. Въ стихахъ Байрона находилъ я нѣкоторое сходство съ вами; но онъ одушевленъ Геніемъ зла; а вы — Геніемъ добра. — Весь вашъ. *Ув.*

*) Посланіе къ Императору Александру.

6.

Государыня Императрица Елисавета Алексѣевна, приняла очень милостиво изъ рукъ Катерины Алексѣевны *) первой томъ вашъ. Между прочими пріятностями *Она* приказала сказать, что *Она* пригласитъ васъ къ себѣ и *назначитъ день пріѣзда со мною послѣ 6-го Января*. Будьте благонадежны и сдѣлайте такъ свое расположеніе, чтобъ быть здѣсь, а не въ Дерптѣ. Весь вашъ

Ув.

Всѣ экз. кромѣ экз. для Г. Императора отданы кому слѣдуетъ.

*) Супруга Уварова.

7.

С. Петербургъ. 15 Марта 1815.

Давно у меня хранившійся Высочайшій рескриптъ на ваше имя, наконецъ, по порученію Государыни Императрицы къ вамъ нынѣ въ Дерптъ препровождаю.

Прекрасной вашъ переводъ *Аббадоны* съ величайшимъ удовольствіемъ получилъ; въ формѣ стиха нашелъ я нѣсколько вольности; но стихи прелестны. Я не надѣюсь впрочемъ, чтобъ можно было похитить у Грековъ ихъ *экзаметръ* со всею строгостью правилъ, ими наблюдаемыхъ. Тутъ и эхо пріятно.

Съ какимъ нетерпѣніемъ ожидаю я васъ сюда! Не забудьте, что вы обѣщали торжественно не пробывать болѣе недѣли въ Дерптѣ. Въ ожиданіи скораго свиданія, остаюсь навсегда вашъ душевно преданный

Ув.

P. S. При семъ посылается къ вамъ 500 р. вырученныхъ продажею вашего Посланія. Я надѣюсь на еще столько же, а можетъ быть и болѣе.

8.

На письмо ваше отъ 18 Іюля спѣшу сказать, что, будучи вчерась въ Павловскомъ, Госуд. Императрица говорила долго объ васъ со мною. Она изъявила сперва, сколько ей прискорбно, что вы уѣхали. Ея намѣреніе было пригласить васъ на нѣкоторое время въ Павловскъ, и она только ожидала вакаціи для Ю. А. Нелединскаго, дабы вамъ было пріятнѣе быть вмѣстѣ съ нимъ. Она еще прибавила: J'avais de grands projets sur M. Joukoffsky. Dites le lui, et engagez le en mon nom à hater son retour ici [1]).

При семъ случаѣ, я ей говорилъ о вашемъ положеніи очень откровенно; я представилъ ей, сколько независимость необходима для поэта; что мѣсто и должность только повредятъ вашему таланту; что для чести нашей вы должны быть обезпечены и освобождены отъ всѣхъ суетъ; и наконецъ, что при возвращеніи Государя мы будемъ имѣть удобной случай васъ совершенно пристроить и пр. На все сіе она отвѣчала мнѣ, что она еще разъ обѣщаетъ сдѣлать все что̀ ей возможно будетъ, и прибавила еще много для васъ и для меня лестныхъ выраженій (все сіе между нами).

По всѣмъ симъ обстоятельствамъ весьма было бы хорошо, еслибъ вы рѣшились возвратиться прежде назначаемаго срока.. *Лови день*, Гораціево слово, и здѣсь хорошій совѣтъ. Когда мы успѣемъ васъ порядочно пристроить, тогда зависитъ отъ васъ по Пейпусу странствовать. Вотъ мои мысли, вотъ мысли Тургенева и Блудова. Вы знаете, что они внушены дружбою. Я говорилъ съ Голубевымъ.

Весь вашъ *Ув.*

29 Іюля 1815.

Вѣроятно, что сѣдому дѣду недостанется *ценсоровать* Владиміра [2]).

Приписка А. И. Тургенева:

Мое письмо, на прошедшей почтѣ къ тебѣ посланное, должно тебѣ служить объясненіемъ письма Ув.—Пріѣзжай, всѣ истинные друзья твои и даже пріятели встрѣтятъ тебя съ прежнимъ восхищеніемъ. Но если жертва, которую ты долженъ принести нетерпѣнію Государыни, дорого тебѣ будетъ стоить, то не приноси этой жертвы; *лови день* тамъ, гдѣ *твое солнце*. Здѣсь въ потемкахъ, мы за тебя ловить будемъ. Мы привыкли играть въ жмурки. Будь увѣренъ, что я и за тебя и для тебя ловить буду, этотъ разъ постараюсь быть проворнѣе. Но безъ сомнѣнія твой пріѣздъ могъ бы быть весьма полезенъ.

Государь будетъ если не къ 30-му Авг., то конечно въ началѣ Сентября. Увѣдомь меня, на что ты рѣшишься.

Дашковъ увѣряетъ тебя въ чувствахъ истинной дружбы.

Тург.

9.

С. Пбургъ, 16 Мая 1816.

Любезный Василій Андреевичь. Зная васъ коротко, и образъ мыслей,

[1]) У меня были большія предположенія относительно г. Жуковскаго. Скажите ему это и пригласите его поспѣшить возвращеніемъ сюда.

[2]) Предполагаемую поэму Жуковскаго. Сѣдой дѣдъ конечно Шишковъ.

и душу, не могу избрать другаго, лутчаго посредника, а вотъ именно въ какомъ дѣлѣ. *Феслеръ*, шестидесятилѣтній ученой, съ женою и дѣтьми, жилъ и писалъ на берегахъ Волги; жалованье, получаемое изъ *Комиссіи Законовъ*, пресѣклось, и онъ остался въ совершенной *нищетѣ*, безъ пріятелей, безъ отечества, безъ надежды. Единственная надежда его—быть избраннымъ къ профессорскому званію въ Дерптскомъ университетѣ. Мы здѣсь о томъ уже много говорили и смягчили неумолимаго *Клингера* *). Съ его стороны препятствія не будетъ, какъ мнѣ кажется; все дѣло состоитъ въ томъ, чтобъ Университетъ его избралъ.—Историческая каѳедра не занята. Онъ эту часть знаетъ прекрасно. Нельзя ли по вашимъ связямъ съ профессорами узнать объ ихъ расположеніи къ сему дѣлу? Я не могу тутъ иначе дѣйствовать какъ *приватно*; но мнѣ бы весьма было пріятно, еслибъ участь этаго несчастнаго старика смягчилась. Мы не даромъ *Арзамазцы*.

Утѣха—скорби; прозьбѣ дань! **)

Вотъ, любезный другъ, о чемъ я васъ прошу похлопотать. Увѣдомьте меня объ успѣхѣ. Впрочемъ, будьте счастливы и *Арзамасъ* не забывайте. Прекрасный портретъ, писанный Кипренскимъ, стоитъ передъ моимъ столомъ. God bless you! *Старушка*.

Жена вамъ дружески кланяется. Саша также.

Его высокоблагородію, милостивому моему государю Василью Андреевичу Жуковскому. Herrn v. Joukoffsky in Dorpat.

*) Попечителя Дерптскаго университета.
**) Стихъ изъ Пѣвца въ станѣ Р. войновъ.

10

С. Петербургъ. 11 Августа 1838.

Милостивое вниманіе Его Высочества Наслѣдника къ студенту Вознесенскому, о коемъ этотъ послѣдній доноситъ мнѣ, побуждаетъ меня написать къ вамъ, любезнѣйшій Василій Андреевичъ, покорнѣйше прося изъявить мою глубочайшую благодарность Его Высочеству. Съ радостью узнали мы наконецъ, что Его здоровье, столь драгоцѣнное, столь необходимое для государства, начинаетъ поправляться. Дай Ему Богъ сохранить себя на славу и честь Россіи: это сердечное желаніе всѣхъ тѣхъ, которые любятъ отечество, слѣдовательно любятъ въ Великомъ Князѣ будущность отечества. Развѣ онъ не altera spes Romae? А этотъ Римъ—Россія, т. е. міръ.

Прилагаю при семъ экземпляръ моего Отчета за 1837 годъ, которой до васъ вѣроятно еще не доходилъ; также и два экземпляра Французской выписки, сдѣланной для заграничныхъ читателей. Во всякомъ случаѣ это лутчій отвѣтъ на клеветы ненавистниковъ нашихъ. О Государѣ можно сказать, что Pompignan сказалъ о солнцѣ:

Et lui, poursuivant sa carrière,
Versait des torrens de lumière
Sur ses obscurs blasphémateurs.

Завтра я отправляюсь для осмотра учебныхъ заведеній Бѣлорусскаго учебнаго округа; буду и въ Дерптѣ.—На дняхъ былъ въ Ораніенбаумѣ у В. Княгини рядъ картинъ (живыхъ), взятыхъ изъ Свѣтланы; всѣ вспомнили о поэтѣ, и я не въ послѣднихъ.—Увидимся ли зимою? Не вѣдаю. Какъ бы то ни было, будьте

здоровы, наслаждайтесь Рейномъ и Тибромъ, но не забывайте жителей Невскихъ береговъ.

Весь вашъ *Уваровъ.*

11.

Любезнѣйшая Кассандра *). Ваше дружеское, истинно-арзамазское письмо отъ 18/30 Iюня, возбудило во мнѣ и память прошедшихъ дней, и память неизмѣнной дружбы. Въ дѣлѣ Гоголя я поступилъ какъ во всѣхъ случаяхъ, гдѣ я считаю себя орудiемъ Государя, Коего высокiя чувства вамъ вполнѣ извѣстны; не скрою отъ васъ, что я счастливымъ себя сочту, если въ обширной лѣтописи Его царствованiя будетъ внесена мною скромная строчка, свидѣтельствующая, что я Его понималъ. Вотъ все что я могу принять изъ Вашей радушной похвалы, но Ему *и чашу первую и первой гимнъ* **).

Ваше обѣщанiе доставить сюда переводъ дивной Одиссеи, порадовало меня истинно. Обломки Арзамаса, т. е. Блудовъ и Вяземскiй, соберутся со мною въ кружокъ и если въ насъ не совсѣмъ погасло чувство Арзамазское, то передадимъ Вамъ наши чистосердечныя впечатлѣнiя. Хорошо если самъ Его П-во г. Переводчикъ изволилъ бы присоединиться лично къ нашему кружку.

О себѣ донесу, что черезъ нѣсколько дней сбираюсь по дѣламъ въ Варшаву; а оттоль взгляну минутно на равнины Германiи, не имѣя возможности проникнуть на сей разъ за Альпы и Апенины — куда все зоветъ меня. God bless you.

Старушка.

12/24 Iюля 1845. СПБ.

P. S. Черный сургучь свидѣтельствуетъ, что я имѣлъ несчастiе лишиться брата, котораго и вы знали.—Этотъ ударъ считаю я однимъ изъ живѣйшихъ понесенныхъ въ жизни.

*) Очевидно Старушкѣ измѣнила память: Жуковскаго звалъ не Кассандрой, а Свѣтланой.

**) Это стихъ Жуковскаго изъ Посланiя къ имп. Александру.

III. ВИЛЬГЕЛЬМА КАРЛОВИЧА КЮХЕЛЬБЕКЕРА.

1.

Село Закупъ, 1823-го года Февр. 17 го.

Милостивый государь Василiй Андреевичъ.

Шиллеръ говоритъ, что Муза для иныхъ божественная, небесная дѣва, а для другихъ корова, снабжающая ихъ молокомъ и масломъ. Признаюсь вамъ искренно, что (разумѣется на минуту) — я охотно бы промѣнялъ небесную дѣву на земную корову. Деньги! деньги! Жить воздухомъ не можетъ даже самый эфирный поэтъ. Извините, милостивый государь, мое странное предисловiе, но оно сопровождается небольшою поэмою, которую, по вашей никогда неизмѣнившейся ко мнѣ благосклонности, вы примите снисходительно. Она посвящена вамъ и Бейрону! — Возмите на себя трудъ въ тоже время быть и ея издателемъ, или поручить оное кому нибудь, на кого совершенно полагаетесь. Въ непродолжительномъ времени перешлю къ вамъ также небольшой романъ, который, быть можетъ, напомнитъ вамъ наши былыя бесѣды. —Смѣю надѣяться, что труды сiи заставятъ васъ простить мнѣ, что не

перевожу ничего изъ Вальтера: я для этого слишкомъ мало знаю по англински, и сверхъ того, въ столь стѣсненныхъ обстоятельствахъ, что не могу даже выписать романы его.

Изволили вы получить мою трагедію?—Не сдѣлаетели вы мнѣ милость, не напишите ли вы мнѣ свое о ней сужденіе?—Буду ждать отъ васъ съ нетерпѣніемъ отвѣта на просьбу мою; ибо увѣревъ что вы охотно исполните ее, зная, какъ дорожу вашимъ сужденіемъ,—Прилагаю при семъ бездѣлку, которую написалъ къ Пушкину, прочитавъ его Кавказкаго Плѣнника, и честь имѣю быть съ глубочайшимъ почтеніемъ и нелицемѣрною, сердечною привязанностью, милостивый государь, вашимъ покорнѣйшимъ слугою.

Вильгельмъ.

N. В. Мой адресъ: Ея высокор. м. г. Юстинѣ Карловнѣ Глинкиной. Смоленской губерніи, Духов. уѣзда, въ село Закупъ. Если мое имя воспрепятствуетъ изданію Кассандры, напечатайте безъ онаго.

N. В. Недостатки моей поэмы я очень самъ чувствую и вѣрно исправлю ихъ; но нынѣ долженъ уже пожертвовать для *хлѣба насущнаго* авторскою славою; переводить же, или заняться чѣмъ инымъ, а не поэзіею—не могу, еслибъ и пришлось мнѣ умереть съ голоду! Подобное признаніе не удивитъ поэта! Вас. Анд. попроситъ моихъ пріятелей, чтобъ они избавили меня отъ излишнихъ совѣтовъ, если не хотятъ помочь мнѣ.

КЪ ПУШКИНУ.

Мой образъ, другъ минувшихъ лѣтъ,
Да оживетъ передъ тобою!
Тебя привѣтствую, Поэтъ!
Одной постигнуты судьбою,
Мы оба бросили тотъ свѣтъ,
Гдѣ мы равно терзались оба,
Гдѣ клевета, любовь и злоба
Размучили обоихъ насъ!
И не далекъ, быть можетъ, часъ,
Когда при черномъ входѣ гроба,
Изсякнетъ нашей жизни ключь;
Когда погаснетъ свѣтъ денницы,
Крылатый, блѣдный блескъ зарницы,
Въ осеннемъ небѣ хладный лучъ!
Но се—въ душѣ моей унылой
Твой чудный Плѣнникъ повторилъ
Всю жизнь мою волшебной силой
И скорбь нѣмую пробудилъ!
Увы! какъ онъ, я былъ изгнанникъ.
Изринутъ изъ страны родной
И рано, безотрадный странникъ,
Вкушать былъ долженъ хлѣбъ чужой!
Куда, преслѣдованъ врагами,
Куда, обманутъ отъ друзей
Я не носилъ главы своей,
И гдѣ веселыми очами
Я зрѣлъ свѣтило ясныхъ дней?
Вотще въ пучинахъ тихоструйныхъ
Я въ ночь, безмолвенъ и унылъ,
Съ убійцей-гондольеромъ плылъ *);
Вотще на поединкахъ бурныхъ
Я вызывалъ слѣпой свинецъ:
Онъ мимо горестныхъ сердецъ
Разитъ сердца однихъ счастливыхъ!
Кавказскій конь топталъ меня,
И живъ въ скалахъ тѣхъ молчаливыхъ
Я всталъ изъ подъ копытъ коня!
Воскресъ на новыя страданья,
Сталъ снова вѣрить въ упованье,
И снова дикая любовь
Огнемъ свирѣпымъ сладострастья
Зажгла въ увядшихъ жилахъ кровь
И чашу мнѣ дала несчастья!
На Рейнскихъ, пышныхъ берегахъ,
Въ Лютеціи, въ столицѣ міра,
Въ Гесперскихъ радостныхъ садахъ,
На смѣжныхъ небесамъ горахъ,
О коихъ сладостная лира
Поетъ въ златыхъ твоихъ стихахъ,
Близь древнихъ рубежей Персиды,
Средь томныхъ сѣверныхъ степей—

*) Отправясь изъ Виллафранки въ Ниццу моремъ, въ глухую ночь, я подвергся было опасности быть брошеннымъ въ воды.

Я былъ добычей Немезиды,
Я былъ игралищемъ страстей!
Но не ропщу на Провидѣнье:
Пусть кроюсь ранней сѣдиной,
Я молодъ пламенной душой;
Во мнѣ не гаснетъ вдохновенье,
И по нему, товарищъ мой,
Когда средь бурь мятежной жизни,
Въ святой мы встрѣтимся отчизнѣ,
Пусть буду узнанъ я тобой.

Считаю необходимымъ прибавить къ просьбѣ моей объ изданіи Кассандры, что на сей разъ, т. е. при первомъ появленіи, не буду въ состояніи воспользоваться никакими критическими замѣчаніями, потому что мои обстоятельства требуютъ, чтобы я напечаталъ ее.

2.

Любезнѣйшій Василій Андреевичъ.

До сихъ поръ не знаю я, чѣмъ рѣшится судьба моя. Вы можете себѣ представить, что безпрестанное волненіе, неизвѣстность и безпокойство— состояніе не слишкомъ пріятное. Одно мое желаніе, чтобы все это кончилось d' une ou de l'autre manière. Тѣмъ болѣе, что надежда отправиться въ Дерптъ удерживаетъ меня искать другихъ средствъ вырваться изъ несноснаго для меня Петербурга. Петербургъ для меня несноснѣе, чѣмъ когда-нибудь: я въ немъ не нахожу никакихъ наслажденій, а на каждомъ шагу встрѣчаю непріятности и огорченія. Утѣшенія, которыя я до сихъ поръ еще встрѣчалъ въ моей здѣшней жизни, оставили меня. Молодые люди, которые выросли на моихъ глазахъ, которыхъ научилъ я чувствовать и мыслить, оставили мой классъ и перешли въ высшій; къ ихъ преемникамъ мнѣ должно еще привыкать. Мои занятія литературныя также для меня не имѣютъ уже прежней прелести: меня не понимаютъ и не любятъ. Воейковъ вездѣ оказывается моимъ явнымъ врагомъ: онъ сердитъ на мою рецензію. Но Богъ съ нимъ! Я знаю, о комъ къ вамъ пишу; вы съ нимъ опять сблизились, но вы знаете его и умѣете молчать. Pour revenir à nos moutons: какъ получить мнѣ извѣстіе изъ Дерпта? Что мнѣ дѣлать? Когда возвратится Ливенъ? Отвѣчайте или письменно, или черезъ Плетнева, если онъ будетъ у васъ.

Вашъ *Кюхельбекеръ.*

PS. Я пишу къ вамъ просто, безъ высокопарности: я совершенно разучился говорить де-Робертьевскія фразы.

3.

Милостивый государь Василій Андреевичъ! «Дойдутъ ли эти строки?» вотъ вопросъ, съ котораго начинаю всѣ письма не къ самымъ близкимъ своимъ родственникамъ; вопросъ мучительный, особенно въ теперешнемъ случаѣ, когда пишу къ вамъ, почтенный Василій Андреевичъ; потому что изо всѣхъ, кто знавалъ и любилъ меня, — юношу, почти отрока, въ живыхъ очень, очень немногіе, а вы въ числѣ этихъ немногихъ изъ писателей для сердца моего занимаете первое мѣсто. Не считаю нужнымъ увѣрять васъ, что, и безъ всякой другой причины, это обстоятельство для меня очень важно: не дорожить расположеніемъ Жуковскаго было бы не только неблагодарно, было бы просто глупо. И такъ горжусь воспоминаніемъ той дружбы, которой удостоивали вы меня съ 1817 года. Вы ободрили меня при первыхъ моихъ поэтическихъ опытахъ; въ началѣ мо-

его поприща вы были мнѣ примѣромъ и образцемъ. И теперь отрадно мнѣ говорить самому себѣ (здѣсь другому этого не разскажешь): Жуковскій читывалъ мнѣ своего Вадима на строфами, когда еще его дописывалъ; Жуковскій пересылалъ мнѣ изъ Москвы свое: *Для немногихъ*; изъ 10 отпечатанныхъ экземпляровъ его граматическихъ таблицъ одинъ достался на мою долю......... Потомъ обстоятельства, мнѣнія, люди отдалили меня отъ васъ; но и въ 25-мъ году я нашелъ въ васъ тоже сердце, столь благородное, столь мнѣ знакомое. Затѣмъ случились мои огромныя заблужденія и мои несчастія, не менѣе огромныя. Искупилъ ли я въ вашихъ глазахъ первыя послѣдними?

Пусть сблизятъ насъ, почтенный Василій Андреевичъ, хоть общія утраты: тотъ, чью смерть изобразили вы съ такимъ глубокимъ чувствомъ, кто былъ вашимъ другомъ, былъ другомъ и мнѣ и подъ конецъ жизни своей чуть ли не единственнымъ; нынѣ кто (особенно изъ пишущей братіи) приметъ во мнѣ такое живое, сердечное, дѣятельное участіе, какое Пушкинъ принималъ во мнѣ-узникѣ, а потомъ изгнанникѣ? Если не вы, такъ вѣрно ужъ никто. А между тѣмъ невольно призадумаешься при мысли о будущемъ.

Я женатъ, у меня будутъ дѣти, кромѣ того семейство брата; пріобрѣтать хлѣбъ трудами рукъ своихъ я совершенно не въ состояніи; десять лѣтъ заточенія прошло мнѣ не даромъ; я тѣлесными силами слабѣе ребенка; кромѣ того не владѣю лѣвою рукою; въ добавокъ здѣсь и способы всѣ отняты, и отъ безпрерывной засухи три года съ ряду неурожаи; Петербургскія же пособія едва ли не вовсе истощились. — Нужда, милостивый государь, заставляетъ меня повторить просьбу, съ которою я обращался уже къ кое-кому безъ успѣха; исходатайствуйте мнѣ позволеніе выработывать хлѣбъ насущный литературными, безъименными трудами. Вы близки къ Его Высочеству Наслѣднику: не сомнѣваюсь, что удастся, если *Онъ* замолвитъ за меня слово. Теперь рѣчь не о славѣ, о которой хлопоталъ я, когда переслалъ вамъ — помните ли? изъ Смоленской губ. своихъ *Аргивянъ*; а, повторяю, о хлѣбѣ насущномъ, и не для меня, а для безвиннаго моего семейства. — «Отчего я женился?» — Если бы писалъ я не къ Василію Андреевичу, я не сталъ бы и отвѣчать на этотъ вопросъ: но вы меня поймете. Я женился, потому что я Христіанинъ, потому что въ жилахъ моихъ кровь горячая, потому что не понадѣялся я на себя; а спотыкнуться послѣ 10 лѣтъ затворничества было бы уже изъ рукъ вонъ. Повторяю — вы меня поймете и не назовете, надѣюсь, безуміемъ то, къ чему приступилъ я съ надеждою на Бога. — О, если бы не посрамилась хоть эта надежда!

Написано у меня много; быть можетъ, кое-что ужь вамъ извѣстно по отрывкамъ. Если получу отъ васъ благопріятный отзывъ, перешлю вамъ кое-что. — Простите! — Не забывайте меня вовсе, а я васъ любить и почитать не перестану до гроба.

В. Кюхельбекеръ.

Баргузинъ.
Мая 24 дня
1838 года.

4.

Милостивый Государь Василій Андреевичъ!

Хотя я и всегда ожидалъ отъ васъ всего прекраснаго и высокаго, одна-

ко, признаюсь, долго не вѣрилъ глазамъ своимъ, когда подъ однимъ изъ писемъ, которыя получилъ вчера, увидѣлъ ваше драгоцѣнное мнѣ имя. И что это за письмо! Какая душа отсвѣчиваетъ тутъ на каждой строкѣ!— Благородный, единственный Василій Андреевичь! Я знавалъ людей съ талантомъ, людей съ геніемъ, но Богъ свидѣтель! никто не убѣдилъ меня такъ живо въ истинѣ, высказанной вами же, что Поэзія есть добродѣтель!

Ваше письмо стану хранить вмѣстѣ съ портретомъ матушки, съ единственною дожившею до меня рукописью моего покойнаго отца, съ послѣднимъ письмомъ и манишною застежкою, наслѣдіемъ Пушкина, и съ померанцевымъ листкомъ, сорваннымъ для меня сестрицей Julie во Флоренціи съ гроба Корсакова: вотъ реликвіи, которыя, когда прилетитъ за мною мой Ангелъ, передамъ своему Мишѣ: по нимъ узнаютъ мои друзья, что онъ сынъ мой. — Счастливый это младенецъ! Не задолго до его рожденія, я былъ въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ: онъ родился, — и вдругъ отдало. Ему минулъ годъ — что же? въ самый день его рожденія, Богъ обрадовалъ меня самыми утѣшительными извѣстіями отъ моихъ кровныхъ. Теперь, какъ я взглянулъ на подпись вашего письма, вижу, что и вы вспомнили обо мнѣ, изгнанникѣ, въ этотъ самый день, 29-го Іюля. Дошло же письмо ваше 9 Ноября, а 8-ое посвящено Архангелу, хранителю моего дитяти. Есть разныя повѣрья: иныя мрачныя, давятъ, стѣсняютъ душу. Есть другія, которыя хотя и не освящены церковью, однако, мнѣ кажется, безвредны; а если и нѣтъ имъ прочной, истинной основы въ Откровеніи, по кр. мѣрѣ тѣмъ хороши, что хоть тѣшатъ страждущее сердце. Рѣшите сами: таково ли вѣрованье нашихъ Сибирскихъ учениковъ Шигимуни, будто иногда Небо рожденіемъ дитяти возвѣщаетъ помилованіе его отцу и матери? Приношу вамъ сердечную благодарность и за вашъ дорогой подарокъ. Ваши сочиненія воскресили для меня все мое былое: при Ахилессѣ я вспомнилъ, что я первый, еще въ Лицеѣ, познакомилъ съ нимъ Пушкина, который, прочитавъ *два раза*, уже зналъ его наизусть; Вадима читалъ мнѣ въ вашемъ присутствіи Д. Н. Блудовъ, по строфамъ, въ той квартирѣ, которую занимали вы оба въ 17-мъ году, близъ Аничковскаго мосту, и гдѣ увидѣлъ я васъ, въ первый разъ въ жизни; піэсы, отпечатанныя съ начала въ тетрадяхъ *Для немногихъ*, перенесли меня въ скромное жилище Плетнева, куда бывало спѣшу, какъ только получу ихъ изъ Москвы, чтобы похвастать ими передъ хозяиномъ, Дельвигомъ, Баратынскимъ и подѣлиться съ товарищами наслажденіемъ, какое онѣ проливали мнѣ въ душу. — Изъ новыхъ піэсъ я уже успѣлъ прочесть нѣкоторыя; особенно поразили меня: геніальная передѣлка начала Ватроміомахіи, мощная Ленора, превосходная сказка о царѣ Берендеѣ и прекрасныя баллады: Судъ надъ епископомъ и Роландъ Оруженосецъ; а изъ лирическихъ: Русская слава, которая въ своемъ родѣ chef d'oeuvre. Не говорю уже о милой, прелестной Ундинѣ: я уже ее зналъ прежде и просто въ нее влюбился. Не полагаю, почтенный другъ (позвольте мнѣ, изгнаннику, и теперь еще такъ называть васъ!) что вы совершенно равнодушно прочтете и эти строки: въ нихъ говоритъ о твореніяхъ Жуковскаго un rimeur de la vieille école, одинъ изъ тѣхъ, которые у Жуковскаго учи-

лися не пренебрегать чистотой языка и стихосложенія, предметомъ по видимому слишкомъ ничтожнымъ для геніальныхъ неряхъ нынѣшняго поколѣнія.

Что сказать мнѣ о своихъ занятіяхъ? Въ свое 10-ти-лѣтнее заточеніе, особенно въ послѣдніе 4 года, я написалъ много, можетъ быть слишкомъ много. Потомъ наступили года безплодные съ 36-го по 40-ый. Заботы, нужда, тяжкія огорченія семейственныя, мѣшали мнѣ приниматься за перо: я было ужъ подумалъ, что моя пора прошла безвозвратно, и какъ вашъ Шильонской узникъ:

«Я о тюрьмѣ моей вздохнулъ!»

Въ Акшѣ я нѣсколько ожилъ: пересмотрѣлъ, сократилъ, выправилъ старое и принялся оканчивать кое-что недовершенное. Теперь пишу 3-ью часть Ижорскаго. Если ее кончу и если, *паче чаянья*, ваши старанія будутъ не безъ успѣха, позвольте, безцѣнный другъ, приписать этотъ трудъ вамъ. Не вы ли у меня остались одни, послѣ утратъ столь многихъ и тяжкихъ? — Въ добавокъ я васъ знаю и увѣренъ, что вы не истолкуете превратно благой, смѣю сказать, цѣли моей мистеріи, которая, если и не лучшее мое созданіе, по кр. мѣрѣ яснѣе другихъ высказываетъ то, что̀ считалъ я обязанностью высказать, какъ человѣкъ и Христіанинъ.

Удастся ли или нѣтъ то, что̀ хотите вы для меня сдѣлать, но вѣрьте, Василій Андреевичь, что ваше письмо пролило мнѣ въ грудь богатый источникъ утѣшенія. — Вотъ что я въ вчерашнюю безсонную, но не мучительную, ночь отмѣтилъ въ своемъ дневникѣ объ этомъ неоцѣненномъ мнѣ письмѣ: «Кюхельбекеръ въ Акшѣ, получилъ письмо отъ Жуковскаго изъ Дармштадта и письмо, которое показываетъ высокую, благородную душу писавшаго.—Есть же, Боже мой, на Твоемъ свѣтѣ, люди!» — Мой отвѣтъ могъ быть подготовленъ, могъ быть плодомъ расчета и видовъ не совсѣмъ безкорыстныхъ. Вы этого конечно не подумаете, но все же это могло бы быть. Но простая отмѣтка въ дневникѣ случайно теперь попалась сюда же, потому что дневникъ лежалъ у меня передъ глазами. Простите!

В. Кюхельбекеръ.

Иркутской губерніи Нерчинской округи. Крѣпость Акша.

Ноября 10-аго дня.
1840-го году.

IV. АЛЕКСѢЯ ВАСИЛЬЕВИЧА КОЛЬЦОВА.

1.

Москва.

Ваше превосходительство, добрый вельможа и любезный поэтъ Василій Андреевичь.

Снова нарушаю вашъ покой; снова, можетъ быть, въ эту минуту я прерываю священныхъ вашихъ трудовъ любимыя мечты, которыми съ давнишнихъ поръ воспламенялъ и теперь воспламеняю мою холодную душу. Не нарушать — молиться бы мнѣ, молиться бы мнѣ за нихъ должно.. Думалъ ли я когда-нибудь дѣлать такъ, какъ дѣлаю теперь?... Люди! До чего вы меня довели? Что не принудили сдѣлать? Куда направите еще?.. На все готовы вы, на все безъ исключенія; вамъ все равно, что будь ни будь — лишь было бы смѣшно; чужое жь горе не упадетъ на вашу грудь горячей сталью, и искра Божьей мысли не доищется въ ней чувства... Богъ съ ними! Пущай

тѣснятъ, — я ихъ люблю, хоть эта любовь для свѣта и небольшая важность. Бывало, въ тѣсной моей комнаткѣ, поздно вечеромъ сидѣлъ одинъ и велъ бесѣду съ вами, Пушкинымъ, княземъ Вяземскимъ и Дельвигомъ. Какъ хорошо тогда мнѣ было! Какою полною жизнію жила моя душа въ безпредѣльномъ мірѣ красоты и чувства! На легкихъ крылахъ вашей фантазіи куда ни уносился я мечтою! Гдѣ ни былъ я тогда? Бывало, скоро свѣтъ, а я сижу да думаю, не сводя глазъ съ портретовъ вашихъ: какъ хороши эти люди, Боже мой! Какъ хороши! Гдѣ жь живутъ они?.. Небось, въ Москвѣ да Питерѣ. Гдѣ эта Москва да Питеръ? Охъ естлибъ мнѣ удалось побыть въ нихъ! Ужь какъ нибудь, а посмотрѣлъ бы я изъ нихъ хоть одного. Пришло время, былъ я на Москвѣ и на Питерѣ, видѣлъ всѣхъ милыхъ мнѣ людей издавна, былъ у васъ, благоговѣлъ предъ вашею святынею... Въ самую счастливую пору моей жизни, чтò жь сдѣлала со мною судьба? Наваливши на меня груды дрянныхъ дѣлъ, заставила прибѣгнуть подъ ваше покровительство; тяжело мнѣ было приходить къ вамъ съ моею нуждою; тяжело мнѣ было говорить о ней; тяжело мнѣ было просить васъ, — особенно въ послѣдній бытъ мой въ Петербургѣ, — просить, и въ туже пору знать почти, что вамъ не до меня; знать, что вы заняты больше обыкновеннаго и какъ это нужно.... И въ эту-то пору необходимость меня заставила ходить къ вамъ, мѣшать, просить васъ, — проклятая судьба! До чего ты не доведешь человѣка?! Одно только утѣшало меня въ это время: что не дьявольской умыселъ, а крайность такъ велѣла дѣлать, — старость отца, дурныя его дѣла, въ которыхъ онъ запутанъ, его честное имя, — все мое настоящее, а можетъ быть и будущее богатство. Скажутъ: «плати!» А денегъ нѣтъ. А гдѣ взять? Негдѣ... Пуще всего еще страшитъ меня одна мысль: естли лишатъ всего и естли случай приведетъ явиться къ вамъ того человѣка, котораго вы такъ много обласкали, которому покровительствовали; придетъ къ вамъ, измаянный весь горемъ, оборванный, зимой въ лѣтнемъ платьѣ.. О, дай Богъ все претерпѣть, но не дожить до этой встрѣчи...

Простите меня, ваше превосходительство; не новая бѣда говоритъ вамъ въ первый разъ все чистосердечно, но душевная моя благодарность. Признаюсь, я всѣмъ теперь такъ бѣденъ, что кромѣ чувства души благодарить васъ не могу ничѣмъ больше... Данное вами письмо къ О.... и письмо князя Вяземскаго имѣли полное вліяніе на мое дѣло, О... П... и М... [1]), прочитавши дѣло. сказали, что сдѣлавши одинъ разъ мы не можемъ перемѣнить нашего рѣшенія, вслѣдствіе пристрастнаго заключенія М..., которымъ онъ самъ себѣ противорѣчитъ. Они утвердили первое заключеніе Министра и свое рѣшеніе, и чрезъ двѣ недѣли пошлютъ его опять къ двуличному и неприступному для меня Гамалѣю. Богъ вѣдаетъ, чтò будетъ, но я надѣялся и надѣюсь на одинхъ васъ, и естли вамъ доступна моя просьба — не оставьте ее; поговорите, ради Бога, Гамалѣю утвердить представленіе Сената. — Литературныя мои занятія немного остановились. Въ цѣлый мѣсяцъ написалъ только три пьески, да и въ тѣ, кажется, слиш-

[1]) Такъ въ подлинномъ письмѣ.

комъ много подлилъ горя.—Любящій васъ всею силою души вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

1838. 2 Маія.

2.

Воронежъ, Декабря 1-го 1839.

Ваше превосходительство! Милый и любезный нашъ поэтъ Василій Андреевичь.

Дѣло, въ которомъ вы по добротѣ души вашей приняли живое участіе, наконецъ, слава Богу, получило рѣшительный конецъ; искъ свалился съ плечь моихъ долой; большая бѣда прошла, и моя свобода, и свобода отца моего еще у насъ. Какъ тяготило, мучило меня, и все семейство, и старика отца, это проклятое дѣло. Семь лѣтъ и день, и ночь, исторія одна, и если бы не вы, что̀ бы съ нами было? И все значенье цыфры смело бъ до нуля. Бывши мальчикомъ еще, уча наизусть ваши творенія, душой сживаясь съ ними, по нимъ любя всѣхъ васъ, думалъ ли я въ ту пору, что придетъ время: увижу васъ, обласканъ буду вами, и какъ обласканъ, и что милый поэтъ Россіи приметъ меня подъ свое покровительство, что въ мутную пору матеріальныхъ обстоятельствъ приметъ меня подъ свою защиту, и отведетъ отъ беззащитной головы страшную тучу, выведетъ изъ мрака моего забвенія, укрѣпитъ доброе имя, дастъ другое мнѣніе, лицо и жизнь; думалъ ли я когда нибудь?—Даже до этихъ поръ, часто, въ сладкомъ воспоминаніи воскрешая прожитое время въ Петербургѣ, ваши ласки, вниманіе, покровительство, ваше посѣщеніе Воронежа, оживляя васъ самихъ у себя дома, въ своемъ городѣ, — думаешь, и самъ не знаешь, что̀ это было: сонъ—или быль? волшебная сказка, или святая истина? — Выше всѣхъ понятій возвысили вы меня, и что же я?— Чѣмъ заплатилъ вамъ за все это и чѣмъ заплачу за все, что̀ сдѣлано вами для меня? Ничѣмъ, — равнехонько ничѣмъ... Тяжело быть должнымъ и не имѣть никакой возможности заплатить долга; одной же искренней душевной благодарности, горячаго чувства, весьма недостаточно; мало, чтобъ уничтожить всю силу моихъ желаній. Надѣяться на будущее? Но что же будущее мнѣ дастъ? Кругомъ туманъ и тьма; какой, откуда лучь засвѣтитъ мнѣ? Возможно ли для самой мощной воли олицетворить себя до невозможности? Есть чудеса, и будутъ, но для меня они ужъ исключенье; ужасное сознаніе робкой думы: «будь то, что̀ будетъ!» До тѣхъ поръ, примите вновь отъ меня за сдѣланное добро, одну искреннюю, чистую, горячую благодарность отъ моей души. — Больше, ей—я ничего не могу вамъ ни сдѣлать, ни сказать; нѣтъ жизни у меня для васъ кромѣ этой жизни.—Чувствую, что лутше было мнѣ пріѣхать нарочно въ Питеръ и благодарить васъ лично; но этаго я не могу сдѣлать теперь; прежде иначе: я гадалъ даже переселиться совсѣмъ, жить въ Петербургѣ; теперь пошло все иначе; въ одинъ день съ разныхъ сторонъ дуетъ вѣтеръ; а у меня нынче другой уже дуетъ вѣтръ. Андрею Александровичу Краевскому про этотъ вѣтеръ я ужъ говорилъ; осталось мнѣ издали смотрѣть, какъ міръ въ своихъ страстяхъ воюетъ самъ съ собой. Можетъ было бы еще хуже жить, но ясный лучь вашего свѣта освѣщаетъ меня до этихъ поръ. Губернаторъ нашъ, его превосходительство Николай Ивановичь Ладыгинъ, не даетъ съѣсть ме-

вя людямъ. Чуть они задумаютъ запутать въ своихъ сѣтяхъ, я къ нему тотчасъ, и вновь дышу свободно.— Боже мой! Чего хочутъ отъ меня эти честные люди? За что скрыпятъ зубами? Что надо имъ? Не знаю. Если я съ ними не пьянствую, не играю въ карты, не просиживаю ночей праздно, то кажется за это имъ сердится даже не должно; а кромѣ, божусь вамъ! другихъ грѣховъ за мной нѣтъ. Теперь тянутъ они меня, по дѣлу отца моего, опять въ Москву, въ Сенатъ, въ 7-й департаментъ; нужды нѣтъ, пусть тянутъ; такъ и быть, поѣду; поклонюсь вновь добрымъ людямъ, побьюсь съ нуждою, ужъ съ горемъ мы давно свои; съ нуждой живемъ за панибрата, а все таки, быть можетъ, своей свободы въ руки имъ не дамъ.... Угодно ли будетъ вамъ спросить: занимаюсь я словесностью, или нѣтъ? Все свободное время посвящено постоянно ей одной; выше этаго дѣла я ничего не знаю. Но что мало пишу? Это отъ того, что мало время есть у меня, которое могу я отложить отъ дѣлъ житейскихъ на святое дѣло духа. — А что пишу? Чтобы не наскучить вамъ *многимъ*, посылаю одну піеску, которую, если вамъ понравится, хотѣлъ бы посвятить вашему имени.. Вы милый нашъ поэтъ, поэтъ народной жизни Русскаго духа и человѣкъ государственный! Соединить эти двѣ крайности довольно трудно и тяжело, а вы соединили ихъ. По этому, каждый часъ вамъ, кромѣ моихъ бездѣлокъ, необходимо дорогъ, для дѣлъ великихъ и святыхъ.—..... Вновь, за принятое покровительство въ моемъ дѣлѣ, приношу вамъ не ту благодарность, которая холодно́ выговаривается въ холодной буквѣ, но ту благодарность, которая долго и глубоко живетъ въ теплой груди сознательнаго человѣка; которая меньше выговаривается, но въ тысячу разъ больше чувствуется на каждомъ шагу нашей жизни. Весь преданный вамъ и всей силой души моей любящій и почитающій васъ, вашего превосходительства покорнѣйшій слуга Алексѣй Кольцовъ.

ЛѢСЪ*).

(Дума.)

О чемъ шумитъ сосновый лѣсъ?
Какія въ немъ чернѣютъ думы?
Ужель въ его суровомъ царствѣ
Затаена живая мысль?
Коня скорѣй! Какъ соколъ ясный,
На немъ весь лѣсъ изъѣзжу я.
Вездѣ глубокой сонъ, — шумъ вѣтра,
И дикая краса угрюмо спитъ!
Когда нибудь, его стихія
Хотѣла землю всю обнять...
Но въ сонъ невольно погрузившись,—
Въ одномъ движеніи стоитъ.
Порой, во тмѣ пустынной ночи,
Былыхъ вѣковъ живыя тѣни
Изъ глубины своей выходятъ —
И на людей наводятъ страхъ.
Съ приходомъ дня, уходятъ тѣни,
Слѣдовъ ихъ нѣтъ.. Лишь на вершинахъ
Одинъ туманъ; да въ темной грусти
Печаль глубокая лежитъ....
Какая жъ тайна въ дикомъ лѣсѣ
Такъ безотчетно насъ влечетъ,
Въ забвенье душу погружаетъ
И воскрешаетъ чувства въ ней?! —
Ужели въ насъ живая воля
Такой свободою живетъ,
Что нужно ей, въ предѣлахъ смерти,
Свое величье сознавать?...

А. Кольцовъ.

*) Напечатано съ измѣненіями въ Стихотв. Кольцова. М. 1857, стр. 178.

V. ДЕНИСА ВАСИЛЬЕВИЧА ДАВЫДОВА.

Любезный другъ Василій Андреевичъ.

У меня есть экземпляръ сочиненій твоихъ самаго перваго изданія, подаренный мнѣ тобою и съ надписью твоей руки. Я бы могъ купить экземпляръ новаго, послѣдняго изданія, но онъ будетъ не отъ тебя и безъ твоей надписи. Пришли же мнѣ такой, какого мнѣ хочется и тѣмъ одолжишь стариннаго друга очень и очень.

Мнѣ Пушкинъ пишетъ, что ты въ журналъ его далъ такіе стихи, что мой бѣлый локонъ дыбомъ станетъ отъ восторга. Ожидаю съ нетерпѣніемъ появленія этаго журнала. И мое дѣтище должно быть тамъ, если попутный ветеръ пронесетъ его между шкеръ и таможенныхъ заставъ Петербургской Цензуры.

Я не могу забыть пріятнѣйшаго вечера и утра, проведенныхъ у тебя и вообще краткаго, но веселаго пребыванія моего въ Петербургѣ. Я какъ будто снова отскочилъ въ прошедшее, встрѣтясь съ тобою и съ Вяземскимъ, товарищами лучшихъ дней моей жизни. Если Богъ приведетъ, я скоро опять увижусь съ Вами и не на короткій уже срокъ. Будущую весну везу старшихъ двухъ сыновей, одного въ Институтъ Путей Сообщенія, а другаго въ Училище Правовѣденія, и слѣдственно пока помѣщу ихъ, пока увижу какъ они за дѣло принимаются, поживу съ вами, а тамъ буду ежегодно раза два производить партизанскіе наскоки для надзора за ними. Смотрите-же, прошу не старѣть до того времени и брать примѣръ съ меня; а если вздумаете старѣть, то чуръ вмѣстѣ. Охъ тяжелое это дѣло! Какъ я ни храбрюсь, а все чувствую, что не тотъ уже, что̀ былъ. Прошедшую войну въ Польшѣ сталъ уже укрываться отъ непогоды. Дай уже шалашъ! тогда какъ прежде весь шалашъ состоялъ въ чаркѣ водки. Сталъ кряхтѣть на сѣдлѣ, при усиленномъ переходѣ, чего я никогда не дѣлалъ и не понималъ, какъ можно это дѣлать. Однако недавно сломалъ два важные похода: одинъ изъ Москвы сюда въ самую ужасную ростополь, а другой на волка, за которымъ по приволожскимъ степямъ моимъ гнался во весь скокъ около 20 верстъ и котораго наконецъ побѣдилъ. Впрочемъ, послѣдній подвигъ не стоилъ перваго. Путь изъ Москвы сюда былъ гораздо труднѣе. Я плылъ, топился, ползъ по голой землѣ, обрывался въ зажоры и часто ночевалъ въ полѣ, подъ проливнымъ дождемъ, что̀ не такъ-то покойно въ перекладной, открытой повозкѣ. За то пріѣхалъ домой, какъ голубь Лафонтена, тоща крыло и хромая.

Прости, другъ любезный, и вѣрь непоколебимой дружбѣ вѣрнаго друга

Дениса.

1836
14 Апрѣля.

Симбир. губ. Сызранскаго уѣзда С. Маза.

ПО ПОВОДУ ЗАПИСОКЪ И. Д. ЯКУШКИНА И СТАТЬИ О НИХЪ П. Н. СВИСТУНОВА.

I.

Отвѣтъ на статью, помѣщенную въ Русскомъ Архивѣ 1870 г. подъ заглавіемъ: «Нѣсколько замѣчаній по поводу новѣйшихъ книгъ и статей о событіи 14 Декабря и о Декабристахъ».

Замѣчанія и замѣтки эти относительно новой книги, напечатанной въ Лейпцигѣ въ 1870 г. подъ заглавіемъ „Записки Декабриста", не вызвали-бы никакихъ возраженій со стороны автора, по той простой причинѣ, что читатель самъ легко найдетъ въ этой книгѣ объясненія, доводы, выводы, основанные на фактахъ. Но какъ не отвѣчать старому почтенному соузнику, честно раздѣлявшему и переносившему трудное время прошедшихъ испытаній? И какъ не уважить читающую публику, которая можетъ спросить: Что это такое? Объ одномъ и томъ-же предметѣ одинъ пишетъ такъ, другой иначе; кому-же вѣрить? Положительно отвѣчаю: тому и другому, но только строжайше соображаясь со взглядами авторовъ и съ указанными фактами и документами.

Новая книга съ легкой руки вызвала печатные толки: они-то и необходимы, особенно пока еще въ живыхъ нѣсколько лицъ дѣйствовавшихъ, и свидѣтелей, и зрителей дѣйствія.

Не вступая въ подробную полемику со старымъ моимъ товарищемъ (каждому изъ насъ за семьдесять лѣтъ отъ роду) коснусь только главныхъ его замѣчаній.

На стр. 1636 Русскаго Архива П. Н. Свистуновъ выразилъ сожалѣніе, что въ повѣствованіи о тайныхъ обществахъ упоминается о Масонахъ, Мартинистахъ, объ Арзамаскомъ литературномъ кружкѣ (вовсе не тайномъ). Въ Запискахъ Декабриста въ III главѣ этотъ кружекъ названъ литературнымъ; въ упомянутыхъ религіозныхъ и литературныхъ обществахъ въ Россіи, авторъ Записокъ признаетъ связь постепенную, переходную, съ тайными политическими обществами. Для поясненія этого достаточно вспомнить извѣстнаго Новикова, и добавить, что нѣсколько членовъ Арзамазскаго кружка вступили въ Тайное Общество. Читатель найдетъ въ Запискахъ и другія важнѣйшія причины къ составленію и основанію Тайнаго Общества, и что авторъ коснулся вліянія походовъ Русскихъ войскъ по Германіи и Франціи въ томъ отношеніи, что большинство изъ основателей Общества и большинство членовъ Общества принадлежали къ сословію военному. См. стр. Записокъ 64—79 и главы VI и VII.

На стр. 1637 Архива сдѣлано замѣчаніе на фразу: „пересадить Францію въ Россію." Тутъ взгляды наши расходятся совершенно. П. Н. Свистуновъ припоминаетъ Францію несчастную, о коей кажется Беранже пѣлъ въ то время: T'en souviens-tu qu'un jour notre patrie, vivant encore, descendit au cercueil? *) Авторъ Записокъ упоминаетъ о Франціи, когда съ Наполеономъ I, прибывшимъ въ концѣ 1815 г. на островъ Св. Елены, рухнули его централизація и военное державство, когда Русскія войска (не одни гвардейскіе офицеры) подъ начальствомъ гр. Воронцова находились во Франціи слишкомъ три года, были свидѣтелями перерожденія государства, очевидцами муниципальныхъ и земскихъ выборовъ, когда Бенжаменъ Констанъ уже былъ представителемъ и написалъ: des motifs qui ont dicté le nouveau projet de

---

*) Помнишь ли ты, какъ нѣкогда наша родина, еще живьемъ, нисходила въ могилу?

loi sur les élections *), когда, короче сказать, въ глазахъ нашихъ офицеровъ совершился мирный оборотъ отъ милитаризма къ полному гражданскому устройству. См. Зап. стр. 77 и 78.

На той же стр. 1637 Архива наши взгляды діаметрально противуположны относительно переговоровъ П. И. Пестеля. П. Н. Свистуновъ, въ своемъ сужденіи по этому предмету, имѣетъ взглядъ настоящаго времени на Польшу тридцатыхъ и шестидесятыхъ годовъ. Въ Запискахъ-же говорится о Польшѣ, какъ она была на самомъ дѣлѣ до 1825 г. — тѣсно соединенною съ Россіей, но по внутреннему своему правленію независимою, вслѣдствіе дарованной ей конституціи Александромъ I....

На стр. 1640 Архива, въ выпискѣ, означенной кавычками, почтенный критикъ начинаетъ отъ запятой, пропуская десять строчекъ, поясняющихъ и дополняющихъ смыслъ предложенія. Смотри стр. 74.

На стр. 1641, П. Н. Свистуновъ сообщаетъ, что въ 1824 г. пришлось ему провести нѣсколько вечеровъ съ П. И. Пестелемъ, и что по вышеупомянутому предмету не было и помину. Это очень вѣрно и естественно, потому что только въ 1825 г. состоялись эти переговоры и кончились, какъ описано на стр. 71—75 и 187, и не могли имѣть никакой силы; положено было вторично съѣхаться въ 1826, а тогда Пестель былъ въ казематѣ. Пестель говорилъ о Польшѣ, какъ о странѣ, которая пользовалась тогда фактически конституціею, дарованною по державной волѣ, и имѣла свое особенное управленіе.

На стр. 1637 Архива П. Н. Свистуновъ укоряетъ автора Записокъ слѣдующимъ образомъ: „Хотя авторъ до десятаго Декабря 1825 г. былъ въ полномъ невѣдѣніи о существованіи Тайнаго Союза, но во все время многолѣтняго пребыванія его въ тюрьмѣ и на поселеніи, онъ имѣлъ случай собрать самыя достовѣрныя и подробныя свѣдѣнія объ Обществѣ, съ членами коего находился въ ежедневномъ прикосновеніи, и я не могу себѣ объяснить, почему пренебрегъ онъ этимъ живымъ преданіемъ и не воспользовался такимъ рѣдкимъ случаемъ изучить подробно предметъ, о которомъ предполагалъ, вѣроятно тогда-же, издать впослѣдствіи цѣлую книгу. Наконецъ до напечатанія ея, уже въ Россіи, имѣлъ онъ случай видѣться съ людьми, вступившими въ Тайный Союзъ при самомъ его основаніи. Почему-же онъ не только не позаботился освѣдомиться у нихъ о томъ, что̀ должно было его такъ интересовать; но даже не сообщилъ имъ о составленіи Записокъ и о намѣреніи издать ихъ въ свѣтъ?"

Этотъ благой и полезный совѣтъ былъ буквально выполненъ авторомъ Записокъ въ Читѣ, въ Петровскомъ, въ Курганѣ, на Кавказѣ, за границею и вездѣ, при благопріятныхъ встрѣчахъ. Упомянутый укоръ, настойчиво повторяемый три раза, и на стр. 1643, и на стр. 1645 Архива, вызываетъ и вынуждаетъ къ отвѣту и вмѣстѣ съ тѣмъ печально напоминаетъ автору Записокъ и глубокую старость товарища, и неразлучное со старостью ослабленіе памяти и слуха. Въ 1869 г. авторъ имѣлъ удовольствіе доставить П. Н. Свистунову Нѣмецкую книжку, содержащую свѣдѣнія исключительно только о Тайномъ Обществѣ, о 14 Декабрѣ, о слѣдствіяхъ. Въ томъ же году осенью, до напечатанія Русской книги, все касавшееся означенныхъ событій, было лично авторомъ прочтено ему и передано печати.

На стр. 1645 Архива, П. Н. Свистуновъ замѣчаетъ, что заглавіе книги „Записки Декабриста", не оправдывается ея содержаніемъ. Авторъ Записокъ не видитъ никакой необходимости, по коей напримѣръ „Записки Охотника" непремѣнно должны заключать въ себѣ повѣствованія только о зайцахъ, о собакахъ, или „Записки Кавалериста" ис-

*) Поводы къ составленію новаго проэкта закона объ избирателяхъ.

ключительно о лошадяхъ и о манежахъ. Авторъ дорожилъ преимущественно доброю памятью товарищей и радъ постоять за нее до послѣдней минуты жизни. Эта память, чувство преданности къ нимъ и уваженія къ правдѣ, принуждаютъ меня, по прочтеніи стр. 1664 –1667 Русскаго Архива за 1870 г., высказаться кратко, что П. Н. Свистуновъ своими отзывами относительно главныхъ дѣйствователей Кондратія, Рылѣева, Евгенія Оболенскаго и Ивана Пущина, прямо ставитъ самъ себя въ категорію тѣхъ товарищей, которые (по указанію автора Записокъ Декабриста на стр. 102) упрекали другихъ товарищей за возстаніе и говорили: „Ce sont nos chers amis du quatorze, которые удружили намъ ссылкою“ что̀ впрочемъ нисколько не отнимаетъ у укорителей ни высокихъ ихъ достоинствъ, ни хорошихъ и благихъ намѣреній.

Наконецъ, въ заключеніе, остается еще упомянуть, что П. Н. Свистуновъ, въ воспоминаніяхъ своихъ о 14 Декабрѣ на стр. 1665 Архива причислилъ себя къ Южному Обществу: во всѣхъ спискахъ, бывшихъ въ рукахъ автора Записокъ, онъ причисленъ къ Сѣверному. Можетъ статься, подразумѣвается 1821 г., когда Сѣверное Общество почти перестало существоваться, или время слiянія всѣхъ обществъ; въ этомъ нисколько неважномъ разногласіи, ссылаюсь смѣло на свидѣтельство одного изъ древнѣйшихъ передовыхъ членовъ Южнаго Общества, еще слава Богу здравствующаго *) по сей день, котораго и П. Н. Свистуновъ пригласилъ въ свидѣтели на стр. 1641 Арх. противъ показанія автора Записокъ Декабриста. Признаюсь, крайне жалкое вышло бы описаніе дѣйствій обществъ и происшествій 14 Декабря, если бы всѣ повѣствовали о нихъ, заранѣе условясь что̀ писать и что̀ пропустить; напротивъ „du choc des opinions jaillit la vérité“.

Авторъ Записокъ Декабриста.
Викнина. 13 Ноября 1870.

*) Матвѣя Ивановича Муравьева-Апостола.

II.

ОТВѢТЪ С. В. МАКСИМОВА.

По вызову бездоказательныхъ и крайне несправедливыхъ обвиненій, направленныхъ въ Р. Архивѣ 1870 г. противъ статьи моей о государственныхъ преступникахъ и именно о Декабристахъ (помѣщенной въ Отечественныхъ Запискахъ 1869 г.) считаю необходимымъ заявить нижеслѣдующее.

На возвратномъ пути изъ поѣздки на Амуръ снова черезъ Сибирь, я задался исключительно мыслію изслѣдовать бытъ ссыльныхъ и выяснить степень вліянія ихъ на страну изгнанія по возможности во всей полнотѣ и разнообразіи этого любопытнаго вопроса. Наибольшій интересъ возбудили тѣ средства, съ помощію которыхъ узники борятся съ тяжестями неволи и затѣмъ (по полученіи ими относительной свободы) тѣ связи, какія устраиваются ссыльными съ туземнымъ старожилымъ Сибирскимъ населеніемъ. Въ первомъ случаѣ для ссыльныхъ изъ низшихъ классовъ — тюремная община, артель; во второмъ случаѣ съ ихъ же стороны—безконечные побѣги и непосѣдливое бродяжество были тѣми счастливыми находками въ моихъ поискахъ, которыя легли въ основаніе моихъ работъ и привели потомъ къ знакомству съ огуломъ въ средѣ ссыльныхъ Поляковъ и большой артели, выродившей маленькія, въ средѣ Декабристовъ. Вотъ тѣ главные поводы и причины, вызвавшія большой рядъ статей и между прочими статью о Декабристахъ, въ основаніе которой легла развивавшаяся до Читы и въ Читѣ товарищеская община, развившаяся въ Петровскомъ заводѣ въ самостоятельное регламентированное учрежденіе. Читателямъ ясны тѣ средства, какими достигалась цѣль, и очевидны причины, почему личный трудъ подписанъ тѣмъ

лицомъ, которому этотъ трудъ принадлежитъ *).

Не такъ поступилъ П. Н. Свистуновъ, рецензентъ Рускаго Архива, забывшій, что при многописаніи всякому автору всегда довольно личной отвѣтственности за написанное самимъ, чтобы давать еще на прокатъ свое имя. Онъ не сообразилъ также и того, что существуютъ люди, въ глазахъ которыхъ всякія покупныя средства ничтожны для пріобрѣтенія у нихъ подобнаго права. Статья его впрочемъ очевидно доказываетъ, что подобное подозрѣніе лишь неудачный литературный пріемъ для отвода автора, чтобы удобнѣе свести старые неконченные счеты съ лицомъ, заподозрѣннымъ въ помощи и содѣйствіи нижеподписавшемуся. Мнѣ на этотъ разъ остается лишь сожалѣть о томъ, что статья моя послужила къ тому поводомъ, и доказать всю несостоятельность обвиненія и подозрѣній. Трижды повторенное подозрѣніе еще не составляетъ доказательствъ. Слова рецензіи: „кто бы ни писалъ статью, подписанную г. Максимовымъ, она составлена кѣмъ либо изъ Читинскихъ или Петровскихъ узниковъ и безъ сомнѣнія однимъ имъ неимущихъ и къ тому же завидующимъ богатству, доставшемуся другимъ" —слова эти крайне - несправедливы и несостоятельны. Статья написана мною лишь по тѣмъ источникамъ, которые остались единственными свидѣтельствами въ сказаніяхъ *девяти* заключенниковъ, и дополнена и прояснена по тѣмъ даннымъ, которыя я добылъ личнымъ трудомъ во время разъѣзда по Сибирскимъ городамъ и заводамъ. Вотъ тому осязательныя доказательства.

Уставъ артелей, какъ основная часть всей работы съ разборомъ и поясненіями, занимаетъ $^1/_6$ часть всей моей статьи (7 стр.), сверхъ $^2/_6$ предъидущихъ, излагающихъ тѣ подготовительныя внутреннія работы, которыя производились общиною узниковъ для взаимодѣйствія, выразившагося созданіемъ артелей. За уставомъ слѣдуютъ остальныя $^2/_3$ статьи —разсказъ о послѣдующей судьбѣ Декабристовъ, когда плоды совмѣстнаго общиннаго житія, при взаимномъ обмѣнѣ знаній, могли осуществиться на практикѣ въ значеніи результатовъ самовоспитанія.

Артельный уставъ полученъ мною изъ трехъ рукъ въ трехъ спискахъ, изъ которыхъ ни одинъ не представляется въ окончательномъ видѣ, но за то въ дополненіе и поясненіе его мнѣ сообщены были подлинныя записки на лоскуткахъ и на листахъ. Изъ нихъ на всѣхъ почти я встрѣчалъ подлинную подпись лица, подписавшаго статью Архива. Желая представить артельный уставъ въ окончательно - выработанной формѣ, я занялся трудомъ подбора и сличенія по отрывкамъ, по лоскуткамъ, тѣхъ параграфовъ, которые были измѣнены впослѣдствіи, когда возникли новые вопросы, не предусмотренные теоретическими усмотрѣніями первыхъ составителей. Туже повѣрку при достаточномъ числѣ подлинныхъ матеріаловъ, я могъ произвести и надъ уставомъ маленькой артели. Обиліе матеріаловъ, при замѣчательной хлопотливости узниковъ, слѣды которой сохраняются на матеріалахъ, ясно убѣждаютъ въ томъ, что созданіе артели было дѣломъ нешуточнымъ, а весьма серьознымъ. Участвовали совѣтомъ и подписями всѣ холостые; всѣ женатые жертвовали большія деньги на поддержку благодѣтельнаго учрежденія. Остается лишь удивляться тому, что П. Н. Свистуновъ легко отнесся къ этому учрежденію, не придавая ему цѣны и даже какъ бы не замѣчая его существованія, потому ли что слишкомъ близко стоялъ, не имѣя возможности осмотрѣть предмета со всѣхъ сторонъ, или потому, что просто просмотрѣлъ то, что совершилось самаго важнаго въ казематѣ. Мы впрочемъ имѣемъ два документа собственной

*) Напомнимъ читателямъ, что П. Н. Свистуновъ въ напечатанной въ Р. Архивѣ 1870 г. статьѣ своей, указываетъ на лицо, такъ сказать продиктовавшее г. Максимову его показанія о Декабристахъ. *П. Б.*

руки П. Н. Свистунова: одинъ относящійся къ первой попыткѣ раціональнаго устройства артели, другой къ устроенной уже артели.

Свѣдѣнія о событіяхъ, предшествовавшихъ созданію артели въ Петровскѣ, собранныя мною въ Читѣ, въ Благодатскѣ, на Иркутскихъ заводахъ и въ самомъ Петровскомъ Заводѣ, могли быть провѣрены и представлены въ подробномъ разсказѣ, по счастливому обстоятельству моей встрѣчи и знакомства съ Записками нѣкоторыхъ заключенниковъ. Такимъ образомъ на первыхъ пяти страницахъ я воспользовался свидѣтельствами: И. Д. Якушкина, Н. В. Басаргина (Записки которыхъ мнѣ были извѣстны въ рукописи) и записками „Декабриста“ (извѣстными мнѣ въ Нѣмецкомъ печатномъ подлинникѣ). О времени до Читы, о пребываніи первыхъ восьми (стр. 551, 552, 553, 554, 555, 556) я узналъ изъ разсказа кн. Е. П. Оболенскаго—единственнаго, какъ извѣстно, лица изъ восьми, оставившаго свѣдѣнія объ этомъ мало извѣстномъ времени, когда при замѣчательной строгости заточенія объ нихъ не могли знать и сообщать современники, видавшіе ихъ на заводахъ. Далѣе (с. 556—597)довелось мнѣ основываться въ одно и тоже время и объ однѣхъ и тѣхъ же фактахъ на свидѣтельствахъ *девяти* Декабристовъ. Такимъ образомъ подробности житья въ Читѣ и Петровскѣ выяснены по свѣдѣніямъ: И. Д. Якушкина, Н. В. Басаргина, „Декабриста,“ И. И. Горбачевскаго, М. А. Бестужева, Д. И. Завалишина, Штейнгеля, Соловьева, Н. А. Бестужева. Записки десятаго (ген. губ. Броневскаго) указаны въ своемъ мѣстѣ; не указаны источники остальныхъ, изъ неудобства пестрить статью; но въ существенно-серьозныхъ мѣстахъ выписки обозначены курзивомъ. Такъ напр. поступилъ я въ сужденіяхъ о Лепарскомъ (стр. 556, 557 и 558), пользуясь отзывомъ четырехъ и имѣя одинъ отзывъ (отъ Д. И. Завалишина) не согласный съ первыми, но основанный на довольно вѣскихъ доказательствахъ. Я уступилъ мнѣнію большинства извѣстныхъ мнѣ свидѣтелей. Слѣдующія страницы, посвященныя описанію житья въ Читѣ, провѣрены согласными между собою показаніями всѣхъ вышеуказанныхъ лицъ (стр. 560 — 565) съ дополненіями, сообщенными Д. И. Завалишинымъ, прожившимъ въ Читѣ десятки лѣтъ послѣ товарищей и болѣе другихъ въ этомъ отношеніи компетентнымъ. Затѣмъ дѣло о Сухиновѣ (стр. 565—568) разсказано по запискѣ его товарища и друга Соловьева и дополнено извлеченіями изъ судебнаго дѣла, найденнаго мною въ архивѣ Нерчинскаго большаго завода (стр. 568 и 569). Далѣе (съ 569—587) мои личныя свѣдѣнія значительно подкрѣпили „Декабристъ“, Басаргинъ и Якушкинъ (за исключеніемъ стр. 582, 583 и 584, содержащихъ буквальную выписку изъ правилъ для женъ). На переходѣ изъ Читы (стр. 587 — 592) я слѣдилъ за обѣими путешествующими отдѣльно партіями по свѣдѣніямъ И. Д. Якушкина, Н. В. Басаргина, „Декабриста“ и Штейнгеля, счастливо пользуясь тѣмъ обстоятельствомъ, что всѣ четверо не шли въ одной партіи и подъ одинаковыми впечатлѣніями. Описаніе Петровскаго Завода и каземата съ объясненіемъ внѣшнихъ подробностей житья въ немъ (стр. 591 — 595) главнымъ образомъ основано также на лично добытыхъ мною свѣдѣніяхъ подъ руководствомъ и при указаніяхъ И. И. Горбачевскаго.—Этотъ судья также компетентенъ потому, что по выходѣ изъ тюрьмы до конца своей жизни, онъ оставался въ Петровскомъ Заводѣ, при полной возможности сохраненія въ памяти всѣхъ мелочныхъ обстоятельствъ житья въ томъ казематѣ, который, разрушаясь, стоялъ передъ его глазами, превращеннымъ въ каторжную тюрьму для ссыльно-рабочихъ Завода. Затѣмъ остальныя страницы моей статьи посвящены ознакомленію читателей съ артельнымъ учрежденіемъ до стр. 617, съ которой до конца слѣдуетъ разсказъ о житьѣ Декабристовъ на поселеніи. Въ нѣкоторыхъ,

немногихъ впрочемъ, случаяхъ, мнѣ удалось прислушаться къ подсказамъ самихъ поселенцовъ и дать свѣдѣній больше о тѣхъ — само собою разумѣется — о которыхъ я узналъ и собралъ свѣдѣній и свидѣтельствъ больше. Здѣсь между прочимъ имѣя въ рукахъ (подлинныя и снятыя въ точныхъ копіяхъ) письма Н. А. Бестужева, я съ наибольшою подробностію говорилъ объ немъ,--этомъ замѣчательно-даровитомъ человѣкѣ, поразительно выдающемся изъ ряда многихъ. Безпристрастный читатель увидитъ, что ему отдано больше мѣста, чѣмъ тому лицу, которе не пользуется расположеніемъ рецензента Русскаго Архива, увѣряющаго, что и самая статья моя предпринята для восхваленія этого лица. Искусственно и произвольно поставивъ его передъ собою, онъ заслонилъ себѣ возможность видѣть изъ за него другихъ лицъ, иныхъ свидѣтелей дѣла и безрасчетно и непослѣдовательно произнесъ такой жесткій и несправедливый упрекъ „въ несообразности *вымышленныхъ фактовъ*, въ явномъ искаженіи истины," въ то время, когда пишущій эти строки искалъ ея въ сопоставленіи свидѣтельствъ девяти товарищей рецензента. Страничка выписокъ въ рецензіи Архива съ добавленіемъ нѣкоторыхъ указаній и исправленій сдѣланныхъ въ моей статьѣ этимъ „извѣстнымъ лицамъ"—равно *сорокъ вторая* часть моей работы: вотъ все, что вызвало статью рецензента къ такому жесткому и безосновному обвиненію! На первый случай могу объяснить появленіе огульнаго обвиненія (приправленнаго немного высокомѣрнымъ тономъ) за двѣ недоказанныхъ странички всей большой статьи, въ пять печатныхъ листовъ, со стороны моего рецензента лишь тѣмъ, что по собственному его сознанію (стр. Архива 1664) ему привелось читать Записки только Якушкина, Трубецкаго и Пущина. Но послѣдніе два — какъ извѣстно—о своемъ Сибирскомъ житьѣ ничего не писали, а противорѣчій съ Якушкинымъ безпристрастный читатель не найдетъ въ моей статьѣ ни одной іоты, теперь, когда эти Записки у всѣхъ передъ глазами въ печати. Понятно, что, не читавши Записокъ товарищей, П. Н. Свистуновъ не могъ провѣрить своихъ воспоминаній.

Не могу скрыть слѣдующаго весьма серьознаго обстоятельства: при группировкѣ и повѣркѣ данныхъ изъ девяти свидѣтельствъ даже и въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ надо было ограничиваться лишь двумя и тремя разскащиками, мнѣ не одинъ разъ доводилось наталкиваться на противорѣчія, убѣждаться въ томъ, что многимъ изъ нихъ измѣнила память (отчасти это доказываетъ и г. П. Свистуновъ по отношенію къ разбираемому имъ автору книги: Мемуары одного Декабриста, и убѣждаетъ въ томъ самимъ собою, — о чемъ доказательства ниже). Какъ извѣстно, большая часть Записокъ составлена десятки лѣтъ спустя послѣ событій, по вызовамъ и просьбамъ друзей и родныхъ и по настояніямъ въ необходимости высказаться самимъ въ то время, когда наступала пора говорить и судить другимъ, взвѣшивать обстоятельства дѣла, сдѣлавшагося достояніемъ Исторіи и требовавшаго безпристрастнаго сужденія холодныхъ и безразличныхъ судей. А предательская память, измѣняетъ сильно: изъ противорѣчій можно составить отдѣльный трактатъ. Г. П. Свистуновъ, выговорившій, что въ статьѣ моей „столько невѣрностей и путаницы, что всѣхъ не перечтешь" и за тѣмъ, послѣ такого сердитаго вступленія сдѣлавшій только *четыре* указанія, испытываетъ на себѣ упомянутое явленіе и доказываетъ фактами: 1-е (стр. 1651 Архива) онъ увѣряетъ, что въ казематѣ изъ посторонних помѣщенъ былъ лишь майоръ Кучевскій и братъ восхваляемаго лица, а между тѣмъ за 12 страницъ выше Записки Якушкина подробно разсказываютъ еще о Сосиновичѣ, пребываніе коего сдѣлалось для меня несомнѣннымъ по подкрѣпленію сви-

дѣтельствами Басаргина и Завалишина *). Басаргинъ говоритъ: „Ихъ (Сосиновича, Кучевскаго и брата восхваляемаго лица) не спросили, кто они и приняли въ артель". Между тѣмъ П. Н. Свистуновъ увѣряетъ далѣе, что „сей послѣдній не состоялъ въ артели", тогда какъ на общемъ собраніи, которое констатировало фактъ принадлежности къ артели этого лица тѣмъ, что разсуждали объ его исключеніи, самъ онъ подписалъ категорическое согласіе на исключеніе. Только Н. А. Бестужевъ вошелъ съ братомъ (М. А.) особымъ мнѣніемъ, которое списываю съ подлинника (гдѣ я собственными глазами видѣлъ и автографъ г. Свистунова): „*На исключеніе изъ артели* согласенъ, съ тѣмъ однакожъ, что если ему нужно пособіе, то не оставить безъ онаго. Это пособіе можно сдѣлать не участкомъ изъ артели, но какимъ-нибудь вычетомъ съ каждаго, чтобы оное не имѣло вида общаго артельскаго участка". Иду далѣе къ исправленіямъ. 2-е, Батенковъ (говоритъ г. Свистуновъ) содержался не 12, а 20 лѣтъ въ крѣпости; но 12 принято мною по причинѣ подкрѣпленія тѣмъ аргументомъ, что его привезли въ Сибирь тогда, когда тотъ разрядъ, въ которомъ онъ состоялъ, выведенъ былъ изъ каземата на поселеніе. Придирка къ слову „цыганская жизнь," которую велъ Батенковъ въ Томскѣ, когда его никуда не пускали на квартиру до отысканія сердобольнаго семейства, служитъ для меня новымъ доказательствомъ забывчивости моего рецензента: разсказъ этотъ я слышалъ отъ него самаго въ томъ видѣ, въ какомъ и напечаталъ. Я могъ бы указать еще на одну и послѣднюю ошибку, въ которую ввелъ меня самъ г. Свистуновъ, но она такъ ничтожна, что при исправленіи статьи своей вновь я ее совсѣмъ исключаю. Причина вторичной ссылки (3-е) М. С. Лунина слишкомъ извѣстна читателямъ, знакомымъ съ тѣми источниками, о которыхъ, по видимому, не знаетъ рецензентъ Архива *) и мною основана на достовѣрныхъ свѣдѣніяхъ, какъ и допущена мною возможность страданія отъ общей тюремной болѣзни, скорбута. Существуетъ извѣстный анекдотъ объ единственномъ оставшемся у него зубѣ во время житья въ Урюкѣ подъ Иркутскомъ, когда г. П. Свистуновъ жилъ далеко на противоположномъ краю Сибири. По свидѣтельству И. Д. Якушкина, даже такія крѣпкія молодыя натуры какъ Бестужевъ (Марлинскій), Муравьевъ и Арбузовъ (трое изъ пяти) могли очень скоро заболѣть даже не тюремною болѣзнію, каковы солитеры. Затѣмъ слѣдуетъ 4-е и послѣднее замѣчаніе о невѣрности разсказа Дубининской исторіи, взятаго много цѣликомъ изъ Записокъ Н. В. Басаргина. Стало быть зарядъ пущенный въ „восхваляемое мною лицо", попалъ не туда, куда адресованъ. Говоря серьозно, въ сущности важна не подробность оскорбленія той или другой женщины пьянымъ офицеромъ, важны послѣдствія этого столкновенія, ради которыхъ предпринятъ и разсказъ этотъ и которыя не встрѣтили опроверженій г. П. Свистунова, не смотря на то, что часть ихъ сообщена мнѣ Д. И. Завалишинымъ. Впрочемъ всѣ опроверженія и заключаются только въ этихъ несостоятельныхъ и весьма мелкихъ замѣчаніяхъ, безъ нужды и права пересыпанныхъ достаточнымъ числомъ сердитыхъ фразъ, изъ которыхъ послѣднюю, отличающуюся избитымъ общимъ мѣстомъ газетныхъ бранчивыхъ рецензій, я возвращаю назадъ, какъ фактически опровергнутую. Уваженіе къ читающей публикѣ я старался доказать собираніемъ свѣдѣній въ самыхъ источникахъ, при чемъ не останавливался ни передъ какими препятствіями, столь обильно разсыпанными передъ всякимъ путешественникомъ. На этотъ разъ я ѣздилъ за ними за шесть тысячъ верстъ. Такъ на-

*) О томъ же говоритъ и М. А. Бестужевъ (Русская Старина, Августъ).

*) И о которыхъ свидѣтельствуетъ между прочимъ М. А. Бестужевъ въ своихъ Запискахъ

зываемыя небылицы—все это данныя, цѣликомъ почерпнутыя изъ разсказовъ товарищей г. П. Свистунова. Имѣя запасы еще на такую же статью въ моихъ матеріалахъ, я только по тому сдержалъ въ рукописяхъ и не напечаталъ всего, что не нашелъ возможности свидѣтельствамъ дать очныя ставки. Чтò доказано многими, строго провѣрено мною, въ чемъ я глубоко убѣдился, только то и напечатано; всѣмъ тѣмъ я не побоялся подѣлиться съ читателями. Нѣтъ, говорятъ, огня безъ дыма, нѣтъ дѣла общественнаго, гдѣ бы къ хорошимъ побужденіямъ однихъ людей не присоединялись другіе съ дурными. Истина эта могла быть примѣнима и къ дѣятельности Петровскихъ узниковъ, а потому тамъ, гдѣ было ей мѣсто, она указана для возстановленія правды, не изъ какихъ-либо злыхъ побужденій мнѣ чуждыхъ и неизвѣстныхъ. Объ образованіи кружка недовольныхъ свидѣтельствуетъ Н. В. Басаргинъ и И. Д. Якушкинъ (см. 1619 стр. Архива). Изъ Записокъ Басаргина приведены въ подлинникѣ и тѣ слова, въ которыхъ подозрѣвается восхваляемое мною лицо: „артель нравственно уровняла тѣхъ, которые имѣли средства съ неимѣвшими таковыхъ“, и проч. Вѣроятно вскорѣ имѣющія выдти въ свѣтъ эти Записки подтвердятъ и другія мои замѣтки, не понравившіяся П. Н. Свистунову. Деньги, получаемыя богатыми, были сосчитаны не подозрѣваемымъ составителемъ записки (т. е. моей статьи) а тѣмъ же Н. В. Басаргинымъ, „Декабристомъ“ (котораго прочолъ П. Н. Свистуновъ), артелью и начальствомъ для ограниченія, тѣмъ болѣе въ тюрьмѣ, коль скоро послѣднее по свидѣтельству уже г. Свистунова признало нужнымъ ограничить выдачу денегъ на поселеніи. Объ ограниченіи въ тюрьмѣ мы имѣемъ свѣдѣніе и изъ сочиненія „Декабриста“. Къ чему же эти опроверженія, безъ справокъ, безъ доказательствъ, въ противорѣчіе самимъ себѣ? „Указаніе на 6 тыс. ежегодно получавшихся Муравьевыми, взято изъ Записокъ „Декабриста“ чтò г. Свистуновъ читалъ, но забылъ ради подозрѣваемаго имъ лица.

Чтò же касается до стараніи ослабить свидѣтельства этого „извѣстнаго лица“, то не говоря уже о странности ссылаться на источникъ, для критическаго изслѣдованія котораго нѣтъ еще необходимыхъ историческихъ условій, не говоря уже о еще болѣе удивительномъ восхваленіи угрозъ произвола, — какъ-то трудно согласить въ одной статьѣ всѣ эти многочисленныя противорѣчія. Литературѣ памятны заслуги этого лица по разъясненію вопроса о колонизаціи Амура. Нахожу лишнимъ повторять доказанное. Все, чтò далѣе сказано мною на стр. 629 и 630—истины слишкомъ извѣстныя въ Восточной Сибири. Пишущій эти строки повѣрялъ на берегахъ Амура все то, объ чемъ свидѣтельствовалъ до него авторъ статей о колонизаціи Амурскаго края, и въ сочиненіи своемъ „На Востокѣ“, которое вотъ уже скоро девять лѣтъ не встрѣтило себѣ никакихъ опроверженій, ни въ чемъ не противорѣчитъ правдивымъ сказаніямъ этого лица, которому на этотъ случай готовъ воздать самую искреннюю благодарность. Здѣсь источникъ моего довѣрія къ его убѣжденіямъ, укрѣпившагося еще болѣе во мнѣ при личномъ знакомствѣ, которое дало случай убѣдиться еще сверхъ того въ необыкновенной памяти этого человѣка. Въ послѣднемъ согласятся со мною всѣ знающіе его; не откажутъ въ томъ, по всему вѣроятію, и безпристрастные товарищи, какъ напр. не отказалъ ему въ этомъ „Декабристъ“. Живя вдалекѣ, П. Н. Свистуновъ, среди интересовъ Западной Сибири, имѣлъ полное право не знать, чтò дѣлается на самомъ отдаленномъ краю Восточной. Но у меня, по мимо личныхъ наблюденій, имѣются на то доказательства въ письмахъ къ этому лицу его товарищей (напр. Н. А. Бестужева), въ Запискахъ путешественниковъ (напр. Гиллера), въ статьяхъ возвратившихся на родину Поляковъ (напр. въ Дневникѣ Познанскомъ 1866 № 16, 10 Stycznia), и проч.

Не сомнѣваясь въ томъ, что лицо это, не пользующееся расположеніемъ г. Свистунова, въ свою очередь подѣлится своими воспоминаніями, серьозно отдѣланными, не отрывочными, не по вызову случайной статьи, а по нравственному обязательству, пользуюсь здѣсь случаемъ принести ему искреннюю благодарность за тѣ исправленія, указанія и дополненія, которыми охотно подѣлился онъ изъ запасовъ своей обширной памяти при просмотрѣ моей статьи, въ корректурныхъ листахъ, приготовленной для печати. Степень дѣятельнаго участія его въ общинѣ Петровской по подлиннымъ документамъ артелей, не замедлю доказать въ дополненной статьѣ о государственныхъ преступникахъ въ печатаемомъ мною сочиненіи: "О ссыльныхъ и тюрьмахъ".

С. Максимовъ.

III.

Отповѣдь П. Н. Свистунова.

Въ томъ и другомъ возраженіи на мои замѣчанія, къ сожалѣнію, нисколько не проглядываетъ желаніе доискаться истины, а высказывается лишь оскорбленное авторское самолюбіе, genus irritabile vatum. Поэтому, потерявъ надежду убѣдить автора Записокъ Декабриста и г-на Максимова въ томъ, что они по невѣдѣнію во многомъ ошиблись, могъ-бы я отказаться отъ дальнѣйшей безполезной полемики съ ними; но, попытавшись уже разъ возстановить истину касательно фактовъ близко мнѣ знакомыхъ, считаю обязанностью подтвердить и доводами и новыми фактами все сказанное мною.

Обращаюсь сперва къ возраженію за подписью автора Записокъ Декабриста. Я уже говорилъ, что предпринятый имъ трудъ, какъ по обширности и многосложности своей, такъ и по недостатку данныхъ, оказался ему не подъ силу, несмотря на его трудолюбіе и усидчивость.

Я согласенъ съ нимъ, что въ книгѣ подъ заглавіемъ примѣрно: „Записки Охотника" нельзя требовать, чтобы авторъ говорилъ исключительно о зайцахъ и собакахъ; но если подъ этимъ заглавіемъ онъ вздумаетъ, помимо охоты, писать исторію всѣхъ тайныхъ и литературныхъ обществъ въ Россіи, исторію Эстляндіи своей родины, исторію тридцатилѣтія Россіи и наконецъ свою собственную исторію отъ колыбели до преклонныхъ лѣтъ, невольно напомнишь такому охотнику, что „за двумя зайцами погонишься, и одного не поймаешь", тѣмъ болѣе если погонишься за многими.

Записки и Исторія суть два рода сочиненій, разнствующія во многомъ. Записки суть ничто иное какъ воспоминанія частнаго лица или государственнаго мужа о событіяхъ близко его касающихся, которыхъ онъ былъ очевидцемъ или въ которыхъ участвовалъ. Исторія-же есть трудъ ученый, требующій собранія многихъ документовъ и тщательнаго изученія ихъ. При недостаткѣ такихъ документовъ, авторъ Записокъ не могъ писать Исторіи. Я уже замѣтилъ прежде, что все то, чему авторъ былъ свидѣтелемъ, передано имъ вѣрно; но гдѣ основывается на однихъ слухахъ или предположеніяхъ, онъ безъ своего вѣдома отступаетъ далеко отъ истины.

Онъ отстаиваетъ высказанное имъ, будто молодежь вздумала пересадить Францію на берега Невы: и на замѣчаніе мое, что такое стремленіе не согласуется съ составленіемъ (по его увѣренію) федеральныхъ конституцій на подобіе Сѣверо-Американской, будучи изобличенъ въ явномъ противорѣчіи, онъ ни словомъ не отвѣчаетъ.

Возникновеніе Тайнаго Общества онъ объясняетъ вліяніемъ на молодыхъ людей походовъ, совершенныхъ Русскими войсками по Германіи и Франціи, и сочиненій Беранжѐ и Б. Констана, изъ которыхъ приводитъ цитаты, не имѣющія связи съ разбираемымъ вопросомъ. Рѣзкая противуположность этихъ двухъ

писателей не допускаетъ мысли о совокупномъ ихъ вліяніи на однихъ и тѣхъ же людей: кто сочувствовалъ возрѣніямъ одного изъ нихъ, неизбѣжно порицалъ направленіе принятое другимъ. Беранжѐ, неизлѣчимый восторженникъ Наполеона, воспѣвалъ воинскую славу Франціи подъ управленіемъ деспота, тогда какъ Констанъ, преслѣдуемый во время Имперіи, выступилъ на сцену при паденіи ея и отстаивалъ въ палатѣ представителей ненарушимость правъ, дарованныхъ Франціи хартіею Людовика XVIII-го.

Что́ касается до Арзамазскаго общества, вліяніе, какое ему приписываетъ авторъ Записокъ, изобличаетъ, на сколько поверхностно знакомство его съ той эпохой. Тутъ собирались литераторы и свѣтскіе люди въ веселыхъ и остроумныхъ бесѣдахъ, безъ всякой серьозной цѣли, имѣя лишь въ виду пріятное препровожденіе времени; къ тому-же оно образовалось гораздо позже Тайнаго Союза. Никита М. Муравьевъ и Михайлъ Ѳедор. Орловъ, принадлежавшіе уже Т. Союзу, бывали на Арзамазскихъ вечерахъ, о чемъ поминаетъ Вигель въ своихъ Запискахъ; сожалѣя о ихъ пустотѣ, они пытались направить занятія Арзамазцевъ къ серьозной цѣли. Не встрѣтивъ сочувствія съ ихъ стороны, Муравьевъ и Орловъ перестали посѣщать этотъ литературный кружокъ, недолго впрочемъ существовавшій. Трудно также признать какую либо связь между Масонами или Иллюминатами и Т. Обществомъ. Извѣстно, что масонскія ложи составляли въ послѣднее время родъ клубовъ, въ которые вступали отъ нечего дѣлать. Иллюминаты составляли общество чисто религіозное. Мнѣ кажется, что по случаю Арзамазскаго Общества авторъ неумѣстно поминаетъ о Новиковѣ: послѣдній жилъ и трудился съ цѣлью просвѣтить Россію; у Арзамазцевъ-же никакой цѣли не было.

Не вдаваясь въ ученыя историческія изслѣдованія, не имѣющія тутъ мѣста, стоитъ вспомнить о громадныхъ событіяхъ 1812 и послѣдующихъ годовъ, въ коихъ участвовала вся Европа. Извѣстно, что при всякомъ народномъ бѣдствіи, общественное мнѣніе, пробуждаясь отъ усыпленія, домагается отъискать виновниковъ страданій народныхъ, обращается къ изслѣдованію дѣйствій правительства и, разбирая недостатки существующаго порядка, мечтаетъ о замѣненіи его другимъ. Къ тому же надъ правительствами и надъ народами ровно тяготѣла Наполеонова свинцовая рука. И тѣ и другія стремились къ низверженію ненавистнаго ига. Общее бѣдствіе послужило поводомъ къ сближенію правительствъ съ народами. Освобожденіе сдѣлалось общимъ лозунгомъ въ Европѣ. Вездѣ проповѣдывали о любви къ отечеству, о свободѣ, о гражданскихъ доблястяхъ, о достоинствѣ человѣка. Воззваніе Императора Александра I-го къ Германскимъ народамъ въ 1813 году, нѣсколько тысячъ экземпляровъ коего разосланы были всюду, составляетъ драгоцѣнный историческій памятникъ для характеристики того времени. Прусское правительство (quantum mutatus ab illo!) отличалось тогда своими либеральными стремленіями. Государь Александръ I-й, во главѣ союзныхъ народовъ, послѣ побѣды надъ общимъ врагомъ, выказалъ великодушіе, стяжавшее ему всеобщую любовь. Извѣстно, что слово libéral употребила первая г-жа Де-Сталь, въ томъ значеніи, какое оно имѣетъ нынѣ, и примѣнила его къ возвеличенію Освободителя Европы.

Посреди такого всеобщаго увлеченія, мыслящая часть нашей молодежи воспламенилась надеждою на свѣтлую будущность и, лишь въ послѣдующемъ разочарованіи своемъ, прибѣгла къ Тайному Союзу одномыслящихъ людей.

Вспоминаю случай, надѣлавшій много шуму въ высшемъ кругу Московскаго общества и свидѣтельствующій о душевномъ настроеніи молодежи въ годину испытаній, посѣтившихъ Россію. Никита Михаиловичъ Муравьевъ, 17 лѣтній студентъ Моск. Университета, не-

отступно просилъ у матушки своей Екатерины Θеодоровны позволенія вступить въ ряды защитниковъ отечества. Нѣжно его любившая мать не могла рѣшиться на такое пожертвованіе. Однажды докладываютъ ей, что сынъ ея, отлучившись изъ дому на разсвѣтѣ, не возвращался. Посылаютъ всюду его искать и не находятъ. Это было вскорѣ послѣ взятія Смоленска. Онъ, въ легкомъ платьѣ, съ топографической картой въ карманѣ, отправился пѣшкомъ по Смоленской дорогѣ, въ надеждѣ добраться до какого-либо отряда нашего войска. Усталость и голодъ заставили его зайти въ деревню отдохнуть. Онъ попросилъ хлѣба и молока, за которые по неопытности вздумалъ расплатиться золотою монетою, что возбудило подозрѣвія крестьянъ. Найденная у него карта какъ бы обличала его. Признали его за шпіона, связали ему руки и привезли въ Москву. Въ городѣ толпа народа сопровождала его, осыпая ругательствами и угрозами. Оберъ-полицеймейстеръ, найдя у него списокъ Французскихъ маршаловъ съ ихъ новами титулами, не усомнился въ его измѣнѣ и, не выслушавъ, безпощадно укорялъ и посадилъ въ яму. Когда его привезли къ графу Растопчину, тотъ съ первыхъ его словъ, призналъ въ немъ восторженнаго юношу и, радуясь такому порыву любви къ отечеству, отослалъ его въ родительскій домъ и, въ письмѣ къ обрадованной матери, сказалъ ей, что она такимъ сыномъ въ правѣ гордиться. Мнѣ разсказывали другой случай, изобличающій ненависть, которую питали тогда у насъ противъ Французовъ. Въ 1812 году въ Семеновскомъ полку, стоявшемъ на бивакахъ подъ Тарутинымъ, въ то время какъ маршалъ Лористонъ неоднократно навѣщалъ въ Леташовкѣ князя Кутузова, для переговоровъ о мирѣ, оказавшихся въ послѣдствіи удачною хитростью Русскаго главнокомандующаго, мысль о готовившемся будто бы унизительномъ для России мирѣ до того взволновала молодыхъ офицеровъ, что они дали себѣ слово не прекращать борьбы съ врагомъ, образовать партизанскіе отряды и, съ помощью крестьянъ, преслѣдовать непріятеля, пока онъ не покинетъ Русской земли. Патріотическій восторгъ былъ таковъ, что полковникъ Александръ Александровичъ Писаревъ, командиръ третьяго батальона, пользовавшійся общимъ уваженіемъ въ полку, увлекся наровнѣ съ молодыми офицерами благородною, хотя и несбыточною, мечтою и подалъ имъ руку въ знакъ сочувствія. Впослѣдствіи, по возращеніи гвардіи въ Петербургъ, въ томъ же кружкѣ офицеровъ, надежды коихъ не сбылись, и посреди огорченія возбужденнаго строгими репрессивными мѣрами той реакціонной эпохи, родилась первая мысль объ образованіи Тайнаго Союза, и тутъ же положено было ему начало. – Въ подтвержденіе того, что учрежденіе Т. Общества было будто послѣдствіемъ походовъ въ Францію и Германію, авторъ Записокъ ссылается на тотъ фактъ, что всѣ почти члены Общества находились въ военной службѣ. Составъ общества изъ военныхъ людей объясняется тѣмъ, что, предвидя въ послѣдствіи нужду въ матеріальной силѣ, оно искало ея въ войскѣ.

Предположенные будто бы переговоры П. И. Пестеля съ Поляками въ 1826 нисколько не служатъ доказательствомъ приписываемаго ему воззрѣнія на будущую судьбу Польши. Онъ отъ нихъ добивался не содѣйствія, а только невмѣшательства со стороны Варшавскаго корпуса, за какую услугу сулилъ имъ въ будущемъ пользованніе политической свободой, наровнѣ съ Россіею и нераздѣльно съ нею, а никакъ не возстановленіе прежней Польши въ ущербъ Россіи. Наконецъ эти ожидаемые переговоры въ 1826 году служатъ ли опроверженіемъ тому, что въ бесѣдахъ съ Пестелемъ не было, какъ я говорилъ, никогда помину о федеративномъ началѣ? Онъ говоривалъ: "Какъ Богъ одинъ, такъ и Россія одна и нераздѣльна."

Сказанное мною о томъ, что авторъ Записокъ, до напечатанія, держалъ ихъ въ тайнѣ, могу подтвердить слѣдующими фактами. Въ 1869 г. онъ, возвращаясь изъ за границы и проѣзжая черезъ Москву, при свиданіи со мной, сообщилъ мнѣ, что Записки его, о существованіи которыхъ до того времени я не слыхалъ, напечатаны имъ въ Лейпцигѣ на Нѣмецкомъ языкѣ, и что онъ желалъ-бы Русскій переводъ или подлинникъ (вѣроятнѣе переводъ) напечатать въ Москвѣ въ Русскомъ Вѣстникѣ, или отдѣльною книгою. Мы отправились съ нимъ къ М. Н. Каткову. Проживши съ авторомъ нѣсколько лѣтъ подъ одной кровлей, я имѣлъ случай убѣдиться во многихъ его прекрасныхъ качествахъ. Вслѣдствіе же, не скажу скрытности, но скорѣе сдержанности его характера, образъ его мыслей былъ мнѣ вовсе неизвѣстенъ. Предполагая ошибочно, что, женившись на Русской, проживши свой вѣкъ посреди Русскихъ товарищей, съ нѣкоторыми изъ которыхъ былъ въ тѣсной дружбѣ, онъ сродился съ Россіею, я, при свиданіи съ М. Н. Катковымъ, рекомендовалъ его какъ Русскаго по сердцу, хотя и Нѣмецкаго происхожденія. Рукопись свою оставилъ онъ у Михаила Никифоровича, къ которому мы чрезъ три дня опять явились, чтобы узнать о его рѣшеніи. Онъ призналъ непечатаніе книги неудобнымъ; но при этомъ, къ великому моему удивленію, обращаясь къ автору, сталъ излагать свое мнѣніе о Балтійскихъ губерніяхъ и доказывать ему, что статьи, помѣщаемыя въ его журналѣ объ этомъ предметѣ, авторъ понялъ въ превратномъ смыслѣ. Я вполнѣ сочувствовалъ воззрѣнію М. Н. Каткова и любовался строгою логичностью его рѣчи, равно и убѣдительностью его доводовъ. Тутъ только узналъ я, что авторъ Записокъ расходится въ своихъ воззрѣніяхъ съ патріотическимъ взглядомъ Михаила Никифоровича, хотя онъ послѣдняго выслушалъ, не выронивъ ни одного слова въ защиту своего мнѣнія. Вспомнилъ я тогда о своей неоправдавшейся рекомендаціи и подосадовалъ на себя за свою опрометчивость. Въ тотъ-же день собрались ко мнѣ двое другихъ моихъ товарищей, и авторъ читалъ намъ выдержки изъ своего сочиненія, а именно V, VI и VII главы т. е. именно тѣ, противъ которыхъ не представилъ я въ своей статьѣ никакого возраженія. Мало того, мы выслушали его чтеніе съ большимъ удовольствіемъ и отозвались о его трудѣ съ искреннею похвалою. Должно полагать, что онъ то же самое читалъ, какъ онъ говоритъ, нѣкоторымъ изъ своихъ соузниковъ въ Петровскомъ, на Кавказѣ и т. д.; но вѣроятно сообщеніе это облекалось тайною и было конфиденціальное, потому что ни я, ни тѣ изъ товарищей, съ которыми я встрѣчался въ теченіи многихъ лѣтъ, не слыхали о существованіи этихъ Записокъ. Я ждалъ, что авторъ ознакомитъ насъ съ главой, служившей поводомъ къ возраженію М. Н. Каткова; но объ ней онъ не помянулъ, равно и не коснулся тѣхъ фактовъ, противъ которыхъ пришлось мнѣ возражать. Спустя нѣсколько времени, получилъ я отъ него небольшую Нѣмецкую брошюру, заключающую въ себѣ краткое извлеченіе изъ его книги. При послѣдующемъ свиданіи съ нимъ, на вопросъ его о мнѣніи моемъ касательно доставленной мнѣ брошюры, я ему замѣтилъ, что при заглавіи „Извлеченіе изъ Записокъ Русскаго Декабриста“, онъ отзывается на Нѣмецкомъ языкѣ о Россіи, не какъ Русскій, а какъ иностранецъ. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ, говоритъ: „у Русскихъ существуетъ такой-то обычай“; потомъ, поминая о крестинахъ сына, отзывается о нашемъ духовенствѣ въ выраженіяхъ, доставившихъ вѣроятно удовольствіе Нѣмецкимъ пасторомъ, но не радующихъ православнаго Русскаго. Въ 1870 г. имѣлъ я случай ознакомиться съ полнымъ его сочиненіемъ, изданнымъ уже порусски и съ духомъ, въ какомъ оно писано.

Изъ вышеизложеннаго явствуетъ, что

до напечатанія его книги, товарищи его не имѣли случая высказать о ней свое мнѣніе и доставить ему точныя свѣдѣнія о тѣхъ фактахъ и обстоятельствахъ, которыя, будучи ему мало извѣстны, переданы имъ ошибочно и въ искаженномъ видѣ. Для провѣрки фактовъ выслушивать людей близко съ оными знакомыхъ, есть обязанность всякаго повѣствователя событій. Напрасно намекаетъ авторъ, будто покушаются посягнуть на его свободу мнѣній. Мнѣнія съ фактами мѣшать не слѣдуетъ. Первыя воленъ всякій измѣнять по своему убѣжденію, факты-же суть неприкосновенное достояніе Исторіи: не дозволяется ихъ ни утаевать, ни искажать, будь это по невѣдѣнію, тѣмъ болѣе умышленно.

Могу увѣрить автора, что грустное впечатлѣніе, вынесенное мною изъ чтенія нѣкоторыхъ главъ его книги, испытали также всѣ тѣ изъ моихъ товарищей, съ которыми пришлось о нихъ говорить. Лучшимъ доказательствомъ тому, что онъ имъ сообщалъ лишь нѣкоторыя мѣста не вызывающія возраженія, а не полныя Записки, можетъ послужить тотъ фактъ, что онъ ихъ въ этомъ видѣ напечаталъ. Ни Балтійскій, ни Польской вопросы не мыслимы были посреди Декабристовъ.

Я готовъ допустить, что все касающееся до исторіи Тайнаго Союза малоизвѣстно автору Записокъ; ровно и полемику съ Моск. Вѣдомостями онъ имѣлъ причины не сообщать товарищамъ, предвидя взрывъ протестовъ и пререканій, вслѣдствіе коихъ пришлось-бы ему заново приняться за работу; но много есть такихъ невѣрностей, которыя легко было-бы исправить при пособіи людей ближе знакомыхъ съ фактами и лицами, о коихъ онъ упоминаетъ. По возстановленіи многихъ фактовъ въ настоящемъ ихъ видѣ, книга его, заключающая въ себѣ столько занимательныхъ разсказовъ, пріобрѣла-бы несомнѣнно большій авторитетъ. Въ доказательство приведу нѣсколько примѣровъ на выдержку.

Авторъ говоритъ (стр. 259), что „Ф. „Б. Вольфъ по смерти оставилъ небольшой капиталъ, собранный самымъ без„корыстнымъ, постояннымъ трудомъ, „своему бѣдному товарищу“. Свѣдѣніе это не согласуется съ тѣмъ, что было всѣмъ извѣстно, а именно, что Вольфъ ни отъ кого не бралъ денегъ за леченіе; потому многіе богатые люди тяготились его услугами и приписывали гордости его безсребренничество. Онъ жилъ съ Муравьевыми въ Урикѣ, а потомъ въ Тобольскѣ и не имѣлъ никогда денегъ. За то они не только снабжали его всѣмъ нужнымъ, но предугадывали самыя прихотливыя его желанія, такъ что не приходилось ему никогда о чемъ либо просить ихъ. Александръ Михаиловичь Муравьевъ оставилъ ему по духовной небольшой капиталъ, который потомъ Вольфъ, при кончинѣ своей, завѣщалъ не одному, а тремъ изъ своихъ товарищей по ровну.

Не знаю, почему авторъ Записокъ (стр. 256) переноситъ дѣятельность комисара Лоскутова въ царствованіе Екатерины II и Павла I. Въ 1836 г., когда я поселился недалеко отъ Иркутска, память о немъ была такъ свѣжа между жителями, что можно было навѣдаться о немъ у перваго встрѣчнаго. И точно, его служебное поприще прекратилось лишь въ 1818 г., когда М. М. Сперанскій прибылъ на ревизію въ Сибирь. Онъ арестовалъ его, какъ только тотъ явился къ нему на границѣ своего уѣзда. Лоскутовъ былъ довѣренное лицо губернатора Трескина, поручившаго ему водворить поселенцевъ въ тѣ именно селенія, о которыхъ говоритъ авторъ Записокъ, и устройство которыхъ предпринято было въ царствованіе Александра I. Лоскутовъ вмѣстѣ съ своимъ патрономъ подверглись суду за вопіющія употребленія власти и не избѣжали кары законовъ. Это была личность, напоминающая страшнаго въ свое время другаго организатора, гр. Аракчеева.

Правда, что онъ ввелъ въ этихъ поселеніяхъ дисциплину, не уступающую въ строгости военной; но избави насъ Богъ отъ порядка, добытаго жестокими мѣрами. О безплодности подобныхъ административныхъ пріемовъ не свидѣтельствуетъ-ли опустошеніе селъ, поразившее автора Записокъ?

О довольствѣ, въ какомъ живутъ раскольники, призванные Семейскими (стр. 279) нѣтъ спора; но мнѣ кажется, не заслуживаютъ они идиллическаго описанія, посвященнаго имъ авторомъ. Если они уподобляются Евреямъ въ трудолюбіи и трезвости, то не уступаютъ имъ и въ корыстолюбіи, а въ ненависти къ православнымъ далеко превзошли ихъ. Разскажу случай, изъ котораго можно заключить о разпущенности нравовъ въ ихъ средѣ. Прасковья Егоровна Анненкова, ѣхавши изъ Россіи въ Читу, остановилась ночевать въ Тарбагатаѣ у богатаго Чебунина. Хозяинъ дома зашелъ къ ней въ комнату, увидѣлъ часы съ цѣпочкою и, узнавъ отъ нея, что они золотые, посовѣтывалъ ихъ припрятать. (При ней былъ человѣкъ, служившій ей переводчикомъ). Она, удивившись такому предостереженію, замѣтила ему, что у него въ домѣ она считала себя огражденною отъ воровства. „Все таки лучше, матушка", возразилъ хозяинъ. Потомъ взошла къ ней огромнаго роста дѣва, которая, поклонившись ей въ поясъ, стала у дверей и молча не спускала съ нея глазъ. Оказалось, что хозяинъ дома, отецъ ея, приказалъ ей на ночь лечь у порога, и хотя увѣряла П. Е. Анненкова, что она не нуждается въ такой собесѣдницѣ, но должна была уступить настойчивости этого женскаго великана. На другой день узнала она, что у Чебунина четверо взрослыхъ сыновей, занимающихся воровствомъ и грабежомъ, и что отецъ, опасаясь ихъ, приставилъ дочь свою для стражи. Спустя нѣсколько лѣтъ послѣ того, одинъ изъ нихъ, участвовавшій въ ограбленіи на большой дорогѣ комисаріатскаго чиновника, былъ осужденъ (смѣшно сказать) на поселеніе за нѣсколько станцій отъ Тарбагатая. Проѣздомъ изъ Петровскаго въ Иркутскъ, въ 1836 г. на станціи намъ указали на него, и мы отъ него-же слышали, что онъ терпитъ будто напраслину. Передамъ слухъ носившійся о Семейскихъ и подтверждаемый многими, хотя за достовѣрность его не ручаюсь. Эти раскольники выписываютъ себѣ изъ Россіи бѣглыхъ поповъ, которыхъ тщательно скрываютъ. Попы эти въ короткое время наживаются и, разбогатѣвши, обратно отправляются въ Россію. Но случалось не съ однимъ изъ нихъ, что на возвратномъ пути, его убьютъ и ограбятъ тѣ-же, которые обогатили.

Мимоходомъ замѣчу, что авторъ Записокъ не разъ поминаетъ о выраженіи *дошлый*, какъ бы употребляемомъ въ Сибири въ укоризну Бурятамъ, питающимся всякою падалью. Слово это въ ходу и въ Западной Сибири, гдѣ нѣтъ Бурятъ и населеніе чисто Русское. Это то-же что́ до́ка, происходитъ отъ глагола доходить и значитъ смышленый; поэтому выраженіе это нисколько не укоризненное, а одобрительное [1]).

При переборкѣ столькихъ именъ съ приложеніемъ къ нимъ или анекдота или одобрительнаго отзыва, не встрѣчаешь въ книгѣ автора Записокъ ни одного полнаго очертанія лица, ни одной хотя-бы краткой характеристики, способной ознакомить читателя съ упоминаемою личностью. Между тѣмъ, нѣкоторые характеры носили печать весьма рельефной и вмѣстѣ съ тѣмъ, привлекательной индивидуальности. Изъ числа таковыхъ особенно отличался Михаилъ Сергѣевичъ Лунинъ [2]). Авторъ охотно передаетъ разные ходившіе о немъ анекдоты; но мнѣ кажется, что слѣдовало-бы ему, не довольствуясь

---

[1]) *Дошлый*, —синонимъ дото́чный, т. е. такой, который до всего дотыкается, во все входитъ и все узнаётъ съ точностью. *П. Б.*

[2]) Племянникъ Михаила Никитича Муравьева, сынъ нѣжно любимой сестры его Ѳедосьи Никитичны. *П. Б.*

голосомъ стоустой молвы, понавѣдаться о немъ у людей коротко и давно его знавшихъ.

Ему было 18 лѣтъ, когда онъ произведенъ былъ въ офицеры, въ 1805 г. подъ Аустерлицомъ. Итакъ въ 1845 г. (годъ его смерти) ему никакъ не могло быть подъ 70 лѣтъ, а всего 58. Не понимаю также, почему авторъ Записокъ обрекъ его на лишеніе дневнаго свѣта, во все время заключенія его въ Петровской тюрьмѣ (стр. 261, 262). Въ стѣнѣ противопожной дверямъ, точно, нельзя было прорубить окна; но такъ какъ номеръ его былъ крайнимъ, то прорубили его въ боковой стѣнѣ, обращенной къ большому двору, гдѣ устроены были наши ледяныя горы. Кстати объ окнахъ: что за неслыханный размѣръ придаетъ имъ авторъ (стр. 265)—сажень длины и четыре вершка вышины; кого не поразитъ такая архитектурная несообразность? Я, признаться, аршина къ нимъ не прикладывалъ; но помню, что они заключали въ себѣ два оконныхъ стекла обыкновенной средней величины.

Отецъ М. С. Лунина любилъ его и вовсе не былъ скупъ. Михаилъ Сергѣевичъ вышелъ въ отставку вслѣдствіе послѣдней своей дуэли съ какимъ-то Полякомъ. Извѣстно, что по возвращеніи гвардіи въ 1815 г. стали строго взыскивать за дуэли, которыя были до тѣхъ поръ терпимы, и къ тому-же въ большой модѣ. Отецъ потребовалъ отъ него, чтобы онъ снова вступилъ въ службу, но тутъ нашла коса на камень. Отцовская воля была непреклонна, а сынокъ, видно, въ него родился. Послѣдній рѣшился ѣхать за границу и прожилъ нѣсколько лѣтъ въ Парижѣ, добывая свой хлѣбъ въ потѣ лица, не обращаясь къ отцу за пособіемъ. Онъ давалъ тамъ уроки Французскаго языка, Англійскаго, математики и музыки; но адвокатомъ никакъ не могъ быть, по той причинѣ, что не получилъ юридическаго образованія, и законовъ Французскихъ не имѣлъ ни случая, ни времени изучить. Находясь одно время въ крайности, онъ, имѣя красивый почеркъ, нанялся на время у écrivain public, вмѣсто котораго сочинялъ и писалъ прошенія, письма, поздравительные стихи и тому подобное для всякаго безграмотнаго люда. Вотъ, вѣроятно, занятіе, которое авторъ Записокъ смѣшалъ съ адвокатской профессіей.

По возвращеніи Лунина изъ за границы, Великій Князь Константинъ Павловичъ уговорилъ его вступить на службу въ Волынскій уланскій полкъ, состоявшій въ Литовскомъ корпусѣ, откуда вскорѣ перешелъ онъ въ Варшаву въ Гродненскій гусарскій. Константинъ Павловичъ его точно любилъ за его остроумную веселость, откровенность и безстрашіе, но мало кто повѣритъ, будто „онъ хотѣлъ доставить ему случай спастись бѣгствомъ за границу“. Вотъ какъ было дѣло. По полученіи изъ Петербурга допросныхъ пунктовъ, начальникъ штаба, генералъ Курута, заключая по нимъ о важности обвиненія, доложилъ Великому Князю о томъ, что домашній арестъ, наложенный до того на Лунина, слѣдовало бы замѣнить содержаніемъ на гаубтвахтѣ, на что̀ Великій Князь ему сказалъ: „Я-бы съ Лунинымъ не рѣшился спать въ одной комнатѣ; но что̀ касается до побѣга, опасаться нечего: давши слово, онъ не бѣжитъ; я за это поручусь.“

Я помянулъ о его безстрашіи, хотя слово это не вполнѣ выражаетъ того свойства души, которымъ надѣлила его природа. Въ немъ проявлялась та особенность, что ощущеніе опасности было для него наслажденіемъ. Напримѣръ, походомъ въ 1812 г. онъ, въ своемъ кавалергардскомъ бѣломъ колетѣ, слѣзалъ съ коня, бралъ солдатское ружье и, изъ одного удовольствія, становился въ цѣпь застрѣльщиковъ. Много шума надѣлалъ въ свое время странный поединокъ его съ Алексѣемъ Ѳедоровичемъ Орловымъ. Въ Стрѣльнѣ стояла лагеремъ I-я гвард. кирасирская бригада. Офицеры кавалергардскаго и конно-гвар-

дейскаго полковъ, по какому-то случаю, обѣдали за общимъ столомъ. Кто-то изъ молодежи замѣтилъ шуткой Михаилу Сергѣевичу, что А. Ѳ. Орловъ ни съ кѣмъ еще не дрался на дуэли. Лунинъ тотчасъ-же предложилъ Орлову доставить ему случай испытать новое для него ощущеніе. А. Ѳ. былъ въ числѣ молодыхъ офицеровъ, отличавшихся степеннымъ поведеніемъ и дорожилъ мнѣніемъ о немъ начальства; но отъ вызова, хотя и шутливой формою прикрытаго, нельзя было отказаться. Орловъ досадовалъ. Лунинъ сохранялъ свою безпечную веселость и, какъ испытанный въ поединкахъ, наставлялъ своего противника и проповѣдывалъ ему хладнокровіе. А. Ѳ. Орловъ далъ промахъ. М. С. выстрѣлилъ на воздухъ, предлагая А. Ѳ. попытаться другой разъ, поощряя и обнадеживая его, указывая притомъ прицѣливаться то выше, то ниже. Вторая пуля прострѣлила М. С. шляпу; онъ опять выстрѣлилъ на воздухъ, продолжая шутить и ручаясь за полный успѣхъ при третьемъ выстрѣлѣ. Тутъ Михаилъ Ѳедоровичъ, секундантъ своего брата, уговорилъ его прекратить неравный бой съ человѣкомъ безоружнымъ, чтобы не запятнать совѣсти убійствомъ. Впослѣдствіи, будучи въ Сибири на поселеніи, Лунинъ одинъ отправлялся въ лѣсъ на волковъ, то съ ружьемъ, то съ однимъ кинжаломъ, и съ утра до поздней ночи наслаждался ощущеніемъ опасности, заключающейся въ недоброй встрѣчѣ, или съ медвѣдемъ или съ бѣглыми каторжными.

Люди такого закала бываютъ обыкновенно суроваго нрава. Онъ-же, не говоря о его неизмѣнной веселости, былъ добръ и сострадателенъ. Разъ въ Петербургѣ, прогуливался онъ съ пріятелемъ на дачѣ. Къ нему подошелъ человѣкъ, прилично одѣтый, прося у него на бѣдность. Онъ тотчасъ ему отдалъ свой бумажникъ, сказавъ своему спутнику, удивившемуся его неразборчивой щедрости, что человѣкъ съ виду порядочный, доведенный до того, чтобы протягивать руку, несомнѣнно вынесъ страшное горе. Можетъ, это былъ и мошенникъ, но не всякому дано поддаваться такому обману. Несмотря на его благодушіе, рѣдко кому случалось замѣтить въ немъ какое-либо проявленіе сердечнаго движенія или душевнаго настроенія. Онъ не выказывалъ ни печали, ни гнѣва, ни любви, и даже осмѣявалъ заявленіе нѣжныхъ чувствъ, признавая ихъ малодушіемъ или притворствомъ. Его же твердость души высказывалась неподдѣльною веселостью, неизмѣнявшею ему въ самыхъ трудныхъ обстоятельствахъ жизни. Веселость его была тѣмъ плѣнительнѣе, что остроумныя его шутки никогда не отзывались желчью.

Нельзя умолчать о его религіозномъ настроеніи, тѣмъ болѣе, что оно обнаруживало самую странную и загадочную черту его характера. Авторъ Записокъ ошибается, приписывая его обращеніе въ католичество Сардинскому посланнику графу де-Местру, выѣхавшему изъ Петербурга послѣ низверженія Наполеона I въ 1815 году. М. С. Лунинъ-же до отъѣзда своего за границу въ 1816 г. нисколько не занимался религіозными вопросами и, встрѣчая гр. де-Местра въ Петербургскихъ гостиныхъ, соперничалъ съ знаменитымъ старикомъ въ остроуміи и свѣтской любезности. По смерти отца своего, въ 1819 г., воротился онъ изъ Парижа ревностнымъ католикомъ.

Должно полагать, что быстрый переходъ изъ великосвѣтскаго Петербургскаго омута въ то одиночество, въ коемъ очутялся онъ въ Парижѣ, имѣлъ на него отрезвляющее дѣйствіе. Въ душѣ его, пресытившейся мірскою суетностью, возникли неизбѣжные вопросы о призваніи человѣка и о загробной жизни. Онъ почувствовалъ недостатокъ вѣрованія и, убѣдившись въ необходимости его восполнить, съ свойственною ему рѣшимостью тотчасъ приступилъ къ дѣлу и обратился за помощью къ пресловутымъ іезуитамъ Розавену и Гри-

велю, о которыхъ въ Сибири говаривалъ часто со мною, потому что и я ихъ зналъ. По свойству ума своего, Лунинъ быстро обхватывалъ предметъ, но не способенъ былъ углубляться въ него и не охотникъ былъ до отвлеченныхъ умозрѣній. Іезуиты, отличающіеся умѣніемъ распознавать людей и пользующіеся этою способностью, чтобы ихъ привязывать къ себѣ, приспособляютъ религію къ характеру лица, жаждущаго духовной пищи, на томъ основаніи, что легче исказить ученіе, чѣмъ измѣнить человѣка; поэтому они надѣляютъ всякаго по мѣрѣ предполагаемой въ немъ потребности. Лунину, какъ человѣку практическому, жившему больше умомъ чѣмъ сердцемъ, они признали болѣе удобнымъ сообщить правила, выраженныя въ сокращенной формулѣ, не допускающей никакого мудрованія, и вотъ въ какомъ видѣ упростили для его употребленія христіанское ученіе: „Спасеніе души должно быть цѣлью нашей жизни, а для стяжанія его необходимы лишь молитва и подаяніе". Что такимъ сухимъ ученіемъ могъ довольствоваться человѣкъ замѣчательно умный и развитой, не легко себѣ объяснить. Довѣрившись этимъ іезуитамъ, слывшимъ за людей умныхъ и ученыхъ и (по выраженію его) спеціалистовъ по части религіи, онъ, должно быть, заранѣе рѣшился положиться на нихъ безусловно, отказавшись навсегда отъ всякаго мышленія о предметѣ, превышающемъ, по его убѣжденію, нашъ разумъ. Но чтобы слѣпо подчиниться такому вѣрованію и не допустить до себя тлетворнаго сомнѣнія, нужна та сила воли, какою онъ обладалъ. Поэтому онъ держался правила ни въ какія разсужденія и въ пренія о религіозныхъ предметахъ не вступать, даже съ людьми вѣрующими. Онъ щедро помогалъ ближнему, но и въ этомъ поступалъ по своему. Напримѣръ, узнавъ, что кто-либо нуждается въ пособіи, онъ попроситъ кого нибудь изъ близко ему знакомыхъ передать деньги нуждающемуся, но съ непремѣннымъ условіемъ никому о томъ не говорить, ссылаясь на Евангельское изрѣченіе: „да не увѣсть шуйца твоя, что творитъ десница твоя," и присовокупляя къ тому, что онъ никому ничего не даритъ, а лишь отпускаетъ въ долгъ Богу, Который воздастъ ему сторицею, но въ такомъ только случаѣ, если ссуда не огласится. Вслѣдствіе этого, онъ никогда не подписывался на добровольныя пожертвованія, и многіе были увѣрены, что онъ никогда никому не помогалъ. Правило о посильной молитвѣ онъ соблюдалъ такъ усердно, что большую часть дня проводилъ въ чтеніи Римскаго требника (Breviarium romanum); но такъ-какъ на это упражненіе было у него времени съ избыткомъ, то онъ всегда былъ радъ посѣтителямъ. Однажды въ Урикѣ, мы въ двоемъ съ А. М. Муравьевымъ зашли къ нему и, услыша его громко молящагося, остановились въ сосѣдней комнатѣ, ожидая конца его молитвеннаго служенія. Услыша нашъ говоръ, онъ выбѣжалъ къ намъ и, узнавъ, что мы совѣстились прервать его молитву: Съ чего-вы это взяли? сказалъ онъ, я своими молитвами такъ надоѣлъ Богу, что Онъ радъ будетъ отдохнуть (J'embête tellement le bon Dieu avec mes prières, qu'Il ne sera pas fâché d'avoir un moment de répit). Въ тюрьмѣ, кромѣ католическихъ книгъ духовнаго содержанія, онъ ничего не читалъ, ни газетъ, ни журналовъ, ни вновь появлявшихся сочиненій; но постоянно освѣдомлялся о новостяхъ политическихъ и литературныхъ. Въ немъ была рѣдкая способность, путемъ распросовъ, быстро ознакомиться съ предметомъ, такъ что, бывало, онъ вѣрнѣе судилъ о новой книгѣ, чѣмъ оцѣнивалъ ее читавшій ее.

Будучи на поселеніи, онъ отвѣчалъ на еженедѣльныя письма своей сестры Екатерины Сергѣевны Уваровой, политическими размышленіями, въ которыхъ свободно заявлялъ свой образъ мыслей. Вслѣдствіе того воспретили ему, изъ Петербурга, срокомъ на одинъ годъ, переписываться съ сестрою. На замѣчаніе Никиты Михайловича Муравьева,

что онъ своею откровенностью лишаетъ сестру радости получать отъ него вѣсти, онъ отвѣчалъ, что намъ слово дано для проповѣданія истины, и что онъ обязанъ пользоваться предоставленнымъ ему способомъ высказывать свои убѣжденія. Онъ былъ того мнѣнія, что настоящее житейское поприще наше началось со вступленіемъ нашимъ въ Сибирь, гдѣ мы призваны, словомъ и примѣромъ, служить дѣлу, которому себя посвятили. Лунинъ переведенъ въ Акагуйскій рудникъ, въ тамошнюю обнесенную частоколомъ тюрьму, въ полной безлюдной глуши, куда ссылались дѣлатели фальшивыхъ ассигнацій и самые закоснѣлые преступники, изъ коихъ нѣкоторыхъ держали прикованными къ стѣнѣ. Лунинъ содержался тамъ въ особомъ номерѣ. Не задолго до его кончины, пробрался въ Акатуй Н. И. Пущинъ, ѣздившій тогда по Сибири по порученію министра юстиціи для обревизованія судебной части. Когда онъ спросилъ у Лунина, чѣмъ онъ можетъ облегчить его участь: „Лучше позаботьтесь о тѣхъ, которые прикованы къ стѣнѣ, отвѣчалъ Лунинъ; ихъ положеніе только ожесточаетъ, а не даетъ возможности нравственнаго улучшенія". Я увлекся въ разсказѣ своемъ о М. С. Лунинѣ, хотя сознаюсь, что все сказанное мною недостаточно обрисовываетъ его загадочный характеръ, весь сложенный изъ противоположностей; но я и тѣмъ буду доволенъ, если удалось мнѣ доказать, что, помимо его странностей, неразлучныхъ спутницъ необычайно-стойкихъ характеровъ, онъ одаренъ былъ рѣдкими качествами ума и сердца. Остается мнѣ опровергнуть еще нѣсколько невѣрностей касательно М. С. Лунина. Ни отъ него, ни отъ кого изъ близкихъ ему я не слыхалъ, чтобы онъ замышлялъ о побѣгѣ (стр. 237), а если намѣревался бѣжать, то кому-же объ этомъ знать? Онъ вѣрно никому бы въ томъ не открылся. Когда читали намъ сентенцію (стр. 139), онъ ни слова ни возражалъ. Я, стоявши возлѣ него, могу въ томъ поручиться. (И. И. Пущинъ просилъ позволенія говорить; но Лобановъ, министръ юстиціи, зашикалъ и приказалъ увести весь первый разрядъ, въ коемъ онъ находился). Къ тому же, не могъ-же Лунинъ сказать, что ему за 50 лѣтъ отъ роду, когда ему не было и 40 лѣтъ. Католическихъ постовъ онъ не держалъ (261 стр), а постоянно употреблялъ самую грубую пищу, отказывая себѣ даже въ томъ, что вслѣдствіе привычки почитается необходимостью. Многіе приписывали это скупости, я-же полагаю, что онъ руководствовался убѣжденіемъ, что лишь закаленный въ лишеніяхъ достигаетъ полной свободы духа.

Авторъ ставитъ мнѣ въ укоръ, что выписанное мною мѣсто изъ его книги началъ я отъ запятой. Я справлялся съ стр. 74, на которую онъ указываетъ и убѣдился, что поясненія и дополненія, тамъ будто находящіяся, нисколько не умаляютъ силы возраженія.

Въ опроверженіе моихъ словъ, онъ прибѣгаетъ къ способу, замѣняющему самые сильные аргументы. Онъ представляетъ меня лишившимся памяти и соболѣзнуетъ о недугахъ, постигшихъ меня, вслѣдствіе глубокой старости. Но, называя меня своимъ сверстникомъ, онъ даетъ всякому поводъ недоумѣвать, почему, будучи однолѣтками, одинъ изъ насъ сохранилъ всю свѣжесть памяти, а другой ея лишился. Тѣмъ болѣе удивятся моей преждевременной дряхлости, когда узнаютъ, что я нѣсколькими годами моложе автора. Онъ себѣ считаетъ за 70 лѣтъ; я-же произведенъ въ офицеры въ началѣ 1823 г., будучи 19-ти лѣтъ, о чемъ могутъ засвидѣтельствовать мои однополчане; слѣдовательно удобнѣе было-бы мнѣ сослаться на его преклонныя лѣта, еслибы я въ такомъ аргументѣ нуждался. Между неразлучными со старостью недугами онъ поминаетъ и о глухотѣ; но я съ этимъ весьма сноснымъ недугомъ уживаюсь, вотъ уже болѣе 35 лѣтъ. Недугъ этотъ посѣтилъ меня еще въ Читинской тюрь-

нѣ, гдѣ, по свидѣтельству автора, не мѣшалъ мнѣ заниматься съ успѣхомъ музыкою, которой я до сихъ поръ не покидаю. Такая наивная военная хитрость, употребленная авторомъ, неоспоримо свидѣтельствуетъ о скудости его боевыхъ снарядовъ; потому я никакъ не думаю ставить ее въ укоръ ему.

Не знаю, почему не дозволяетъ онъ мнѣ причислить себя къ Южному Обществу, и почему сомнѣвается въ истинѣ моего показанія. Въ опровержение, ссылается онъ на какіе-то списки, кѣмъ-то ему доставленные и на авторитетъ „одного изъ древнѣйшихъ передовыхъ „членовъ Южн. Общества, еще слава „Богу здравствующаго по сей день.„ Питая искреннее уваженіе къ автору, мнѣ никогда не приходило на мысль заподозрить его въ умышленномъ отступленіи отъ истины, о чемъ свидѣтельствуетъ замѣтка моя по случаю вышедшей изъ печати его книги. Мнѣ кажется, что я имѣлъ право на такой-же знакъ уваженія съ его стороны. Впрочемъ заявленіе недовѣрія онъ смягчилъ тѣмъ, что облёкъ его въ форму недоумѣнія.

Постараюсь возникшее недоумѣніе уяснить. Начну съ того, что выставленные авторомъ списки членовъ трехъ отдѣльныхъ Обществъ вводятъ читателя въ заблужденіе и доказываютъ, что, не бывши членомъ Общества, онъ многаго и по сію пору не знаетъ.

Помимо Славянскаго Общества, о существованіи коего случайно узналъ Бестуженъ-Рюминъ въ 1824 г., мы признавали одинъ только Т. Союзъ, основавшійся въ Петербургѣ и, вслѣдствіе распространенія его и особенно послѣ разсѣянія Семеновскаго полка, раздѣлившійся на двѣ вѣтви, подъ двумя управами, Сѣверною и Южною. Эти два географическіе термина и сбили съ толку автора. Онъ распредѣлилъ имена членовъ по мѣсту ихъ жительства и потому меня и другихъ помѣстилъ въ списокъ членовъ Сѣвернаго Общества на томъ основаніи, что мы находились на службѣ въ Петербургѣ. Онъ вѣроятно причислилъ бы меня къ Южному, еслибы я случайно переселился въ Южную Россію. Нѣтъ сомнѣнія, что большинство лицъ, жившихъ въ Петербургѣ, подчинялись Сѣверной управѣ, а жившіе на югѣ Южной; но никакъ не всѣ, по той причинѣ, что, при вступленіи въ Т. Союзъ, никто не отрекался отъ свободы мнѣнія и совѣсти; и поэтому, не только причислялся къ той управѣ, направленію которой болѣе сочувствовалъ, но и сохранялъ за собой право вовсе отстать отъ Общества, чѣмъ нѣкоторые и воспользовались. По установленіи двухъ управъ и при затрудненіи часто сообщаться между собою, воззрѣнія ихъ стали расходиться, о чемъ свидѣтельствуютъ проэкты Уложенія, составленные П. И. Пестелемъ и Н. М. Муравьевымъ. Первый изъ нихъ усерднѣе занимался пропагандою, и во время пребыванія его въ Петербургѣ, 1824 г., нѣсколько членовъ, подъ обаяніемъ его ума и краснорѣчія, усвоивъ себѣ его образъ мыслей, перешли въ кружокъ Южной управы, во главѣ которой онъ находился. Изъ числа таковыхъ назову М. И. Муравьева-Апостола, Ѳ. Ѳ. Вадковскаго и себя. Члены, уже принятые или принимаемые впослѣдствіи нами, поступали естественно въ кругъ Южной управы, хотя и предоставлялась имъ полная свобода перейти въ Сѣверный отдѣлъ. Для примѣра назову Н. П. Рѣпина, который, будучи принятъ мною въ Южный отдѣлъ и сблизившись потомъ съ К. Ѳ. Рылѣевымъ, присталъ къ Сѣверному. У насъ-же въ полку, кромѣ Александра Муравьева, всѣ остальные восемь человѣкъ принадлежали къ югу, а именно: поручики Анненковъ и Васильчиковъ, корнеты Горожанскій, Депрерадовичь и Арцыбашевъ, ротмистръ графъ Чернышевъ, полковникъ Кологривовъ и я. Въ конной-гвардіи изъ южанъ былъ А. А. Плещеевъ, въ конной-артилеріи С. И. Кривцовъ, въ Измаиловскомъ полку поручикъ Гангебловъ и Лапа, въ Финляндскомъ поручикъ Добрынскій.

Никто изъ насъ не участвовалъ въ дѣлѣ 14 Декабря, потому-что мы оспаривали своевременность возстанія, хотя всѣ были арестованы и многіе подверглись суду. Но изъ того, что мы, не одобряя 14 Декабря, отказались въ немъ участвовать, никакъ не слѣдуетъ заключить, что мы кого-либо изъ товарищей упрекали въ томъ, что они будто-бы „удружили намъ ссылкою". Не знаю, на кого намекаетъ авторъ этими словами. Я этого упрека не слыхахъ. Что̀ до меня касается, я считаю безразсуднымъ малодушіемъ винить кого-либо, кромѣ самихъ себя, въ постигшей насъ участи. Вступая въ Т. Союзъ, всякій зналъ на̀ что онъ себя обрекаетъ, и постигнувшій насъ разгромъ, рано или поздно, былъ неизбѣженъ. Что̀ касается до ссылки на свидѣтельство одного изъ *древнѣйшихъ* передовыхъ членовъ Южнаго Общества (какъ онъ его величаетъ) я могу увѣрить автора, что указываемое имъ лицо, прочитавши его книгу и его возраженія на мои замѣчанія, вполнѣ согласно со мною и все сказанное мною готово подтвердить. Скажу больше: я вполнѣ увѣренъ, что всѣ оставшіеся въ живыхъ изъ бывшихъ членовъ Т. Союза не только не будутъ оспаривать моихъ показаній, но пожалѣютъ о томъ, что, не коснувшись всѣхъ подробностей, я оставилъ много фактовъ нетронутыми, хотя и вызывающихъ возраженія. Таково мнѣніе тѣхъ изъ нихъ, съ которыми я имѣлъ случай видѣться.

***

Читая возраженіе г. Максимова, я не мало удивился ожесточенію, съ какимъ онъ на меня нападаетъ, по случаю сказаннаго мною о статьѣ его, помѣщенной въ 10 кн. От. Записокъ 1869 г. Я говорилъ, что отвѣтственность за всѣ вымыслы и небылицы, въ ней появившіеся, легко было ему отстранить отъ себя, указавъ на источникъ, изъ котораго онъ ихъ почерпнулъ. Въ настоящей статьѣ, присланной имъ въ Русскій Архивъ, онъ послѣдовалъ моему совѣту, указавъ на лицо, просмотрѣвшее его статью въ коректурныхъ листахъ и дополнившее ее отъ себя. Это то самое лицо, о которомъ разсказываются чудеса. Этимъ указаніемъ г. Максимовъ сложилъ съ себя всякую отвѣтственность, и тѣмъ слѣдовало-бы ему довольствоваться. Онъ говоритъ, что добавленіе, доставленное ему г. коректоромъ, составляетъ лишь сорокъ вторую часть его труда; что ему-же, какъ человѣку компетентному, предоставлено было авторомъ исправленіе статьи: я полагаю не однихъ опечатокъ, а самыхъ фактовъ, слѣдовательно и тутъ авторъ неповиненъ въ неисправленныхъ погрѣшностяхъ. Къ несчастью, г. Максимовъ посвятилъ на эту статью и много времени и много труда; онъ даже ѣздилъ, какъ говоритъ, за шесть тысячъ верстъ для собиранія свѣдѣній и матеріаловъ. Понятно, что не легко тутъ помириться съ постигшей его неудачей, и потому всѣми способами силится онъ отстоять свой трудъ. Зная, сколь бываетъ скорбно всякое разочарованіе, не буду сѣтовать на автора за нападки и обвиненія, посыпавшіяся на меня, а постараюсь исправить ошибки, вкравшіяся въ его статью, безъ всякаго пристрастія и предвзятой мысли, а единственно съ цѣлью возстановить дѣло въ настоящемъ его видѣ.

Авторъ статьи, поплатившись уже разъ за свою опреметчивую довѣрчивость, вдается, мнѣ кажется, въ противоположную крайность. Онъ подозрѣваетъ меня въ лицепріятіи и обвиняетъ въ томъ, что я-де искалъ лишь случая свести старые недоконченные счеты съ его коректоромъ. Могу его увѣрить, что никогда не было между нами никакихъ столкновеній. Нисколько не отвергаю способностей, приписываемыхъ ему авторомъ, но не легко вѣрю чудесамъ и, любя правду, я считалъ нужнымъ заявить, что онъ не принадлежалъ къ кругу Декабристовъ и, въ доказательство тому, привелъ на память обстоятельства, побудившія причислить его

къ государственнымъ преступникамъ и вмѣстѣ съ ними предать его суду. Это было необходимо, чтобы уяснить его отношенія къ соузникамъ его, и достаточно поясняетъ, почему взглядъ его на вещи и на людей во многомъ расходился съ господствовавшимъ посреди Декабристовъ. Мой возражатель могъ-бы самъ убѣдиться въ томъ, когдабъ сличилъ его отзывъ о комендантѣ Лепарскомъ съ мнѣніемъ, не то-что большинства, какъ онъ говоритъ, но съ мнѣніемъ единогласно раздѣляемымъ всѣми о неспоримомъ достоинствѣ этого благодушнаго стараго воина.

Возражатель мой ставитъ мнѣ въ укоръ ссылку мою на источникъ, для критическаго изслѣдованія котораго нѣтъ еще необходимыхъ историческихъ условій, какъ онъ выражается; но я прошу его замѣтить, что я выписалъ лишь собственныя слова помянутаго имъ лица, подлинность которыхъ для всѣхъ насъ несомнѣнна.

Тутъ же дамъ отвѣтъ и на другое обвиненіе. Оппонентъ мой приписываетъ мнѣ восхваленіе угрозъ произвола. Кстати при этомъ замолвить слово о графѣ Н. Н. Муравьевѣ-Амурскомъ. Какъ всѣ люди прогремѣвшіе славою и пользовавшіеся довѣріемъ и милостью Царя, онъ нажилъ себѣ враговъ и завистниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ много друзей, также и безпристрастныхъ цѣнителей его заслугъ на пользу обширнаго края, коимъ столько лѣтъ онъ управлялъ. Понятно, почему отзывы о его административной дѣятельности столь разнорѣчивы; но нельзя не признать, что онъ, какъ и графъ М. М. Сперанскій, рѣзко отличается отъ всѣхъ бывшихъ до него Сибирскихъ правителей. Пылкость ума обыкновенно сопровождается пылкостью нрава, въ которой нѣкоторые изъ подчиненныхъ его укоряли; но за то и неоспоримо его благодушіе: къ участи всѣхъ ссыльныхъ онъ всегда оказывалъ состраданіе, а ко всѣмъ политическимъ преступникамъ, безъ изъятія, былъ до того снисходителенъ и сердоболенъ, что едва за то самъ не пострадалъ, вслѣдсвіе поданнаго на него доноса. Доказательствомъ его благодушія можетъ послужить его-же ходатайство о помилованіи лживаго извѣтчика, которое и было уважено по благосклонности къ ходатаю Государя Николая. Надо сознаться, что если онъ былъ вынужденъ предостеречь одного изъ политическихъ ссыльныхъ, то, вѣрно, не безъ уважительной причины.

Пусть не думаетъ господинъ Максимовъ, что кто либо изъ насъ домогается подвергнуть покровительствуемое имъ лицо жестокому закону остракизма, жертвой коего былъ нѣкогда правдивый Аристидъ. Нѣтъ, отчужденіе его отъ круга Декабристовъ было не вынужденное, а добровольное; и до сихъ поръ, живя въ одномъ городѣ съ людьми, съ которыми провелъ столько лѣтъ подъ одной кровлей и въ одной артели, онъ съ ними не знается и не видится, хотя они ему не дали никакого повода чуждаться ихъ. Не ставлю ему этого въ укоръ: онъ имѣетъ вѣроятно уважительныя причины такъ дѣйствовать; тѣмъ не менѣе это обстоятельство можетъ убѣдить моего возражателя, что при всѣхъ достоинствахъ, признаваемыхъ имъ въ лицѣ своего коректора, послѣдній, ни по убѣжденіямъ, ни по чувствамъ, не принадлежалъ къ кругу членовъ Т. Общества; и поэтому не въ такой степени компетентенъ(по выраженію автора) въ сужденіи о Декабристахъ, какъ полагаетъ г. Максимовъ. Впрочемъ, понятія его о компетентности (ради благозвучія скажу порусски полноправности) такъ странны, что врядъ-ли кто ихъ раздѣляетъ. Онъ эту полноправность признаетъ за двумя лицами, на томъ основаніи, что по выходѣ изъ тюрьмы, одинъ изъ нихъ поселился въ Читѣ, а другой въ Петровскомъ Заводѣ. Авторитетъ Ив. Ив. Горбачевскаго я безспорно признаю, но никакъ не потому, что онъ жилъ вблизи опустѣвшей нашей тюрьмы, а по соображеніямъ совершенно иного свойства.

Состязатель мой крѣпко опирается на добытые имъ документы. Посмотримъ, на сколько онъ ими пользовался. Приступлю къ разбору спорныхъ пунктовъ. Авторъ признаетъ всего четыре неточности, проскользнувшія въ его статьѣ, я же ихъ выставилъ болѣе двадцати пяти. Чтобы убѣдиться ему въ томъ, что онъ обчелся, стоитъ ему еще разъ просмотрѣть мои замѣтки. Къ тому-же, могу завѣрить автора, что если я сказалъ, что всѣхъ невѣрностей не перечтешь, я, не ради гиперболы такъ выразился, а точно, многое пропустилъ молчаніемъ, чтобы не утомить читателей. Впрочемъ, по отвѣтамъ моимъ, легко усмотрѣть, что опонентъ мой отстаиваетъ не четыре спорные пункта, а гораздо больше.

1) На стр. 157—158 кн. 10 От. Зап. 1869 г. онъ говоритъ: „Вмѣстѣ съ ними перевели въ Читу *всѣхъ* кто былъ „въ Заводѣ изъ дворянъ, хотя-бы и не „былъ политическимъ преступникомъ“ и дальше: „этотъ наплывъ съумѣлъ не „разъ вредить доброй славѣ каземата“. Я категорически опровергнулъ это, указывая, что помѣщены были въ нашу тюрьму лишь двое изъ дворянъ по преступленію неполитическому: маіоръ Кучевскій и младшій братъ Завалишинъ. На это возражаетъ г. Максимовъ, что онъ отыскалъ въ Запискахъ И. Д. Якушкина третье лицо, котораго я не помянулъ, именно Поляка Сосиновича, котораго я будто проглядѣлъ или утаилъ. Да какъ-же не прочелъ состязатель мой, въ тѣхъ же Запискахъ (стр. 1625), что Сосиновичъ судился въ Гроднѣ, по дѣлу Воловича и другихъ эмисаровъ, слѣдовательно, былъ политическимъ преступникомъ? Такими же считались Игельстромъ и Вигелинъ, служившіе саперами въ Литовскомъ корпусѣ, не принадлежавшіе никакому Т. Обществу, но отказавшіеся отъ второй присяги. Мнѣ кажется, г. Максимовъ черезъ чуръ небрежно обходится съ своими матеріалами, да и въ полемикѣ своей мало разборчивъ по пріисканію доводовъ. Наконецъ, если-бы даже я ошибкой, вмѣсто трехъ лицъ, назвалъ двухъ, неужели-же этимъ оправдалось-бы увѣреніе г. Максимова, будто всѣ дворяне, бывшіе въ Заводѣ, хотя и не политическіе преступники, помѣщались въ нашей тюрьмѣ? И гдѣ же тутъ наплывъ? По случаю открытія третьяго лица Сосиновича, не торжествовалъ-бы авторъ, если-бы внимательнѣе прочелъ документы, на которые ссылается.

2) Что Сосиновичъ состоялъ въ артели, нѣтъ слѣдовательно никакого сомнѣнія; но несомнѣнно также и то, что маіоръ Кучевскій и младшій Завалишинъ не были членами артели. По преобразованіи ея, на основаніи писаннаго устава, я, на первый-же годъ, былъ выбранъ казначеемъ; поэтому, говорю о предметѣ мнѣ близко знакомомъ. Документы, добытые моимъ состязателемъ, въ смыслъ которыхъ онъ недостаточно вникнулъ, ввели его въ заблужденіе. Приходится мнѣ разъяснять его недоразумѣнія, хотя эта обязаниость лежала на коректерѣ, которому онъ довѣрился. Членами артели числились только тѣ, которые пользовались правомъ голоса и могли быть избираемы въ хозяйственныя должности. Всякій легко уразумѣетъ, почему эти права не могли быть предоставлены двумъ вышепомянутымъ лицамъ. Но такъ какъ они были безъ средствъ, то артель постановила удѣлить на каждаго изъ нихъ долю равную той, какая причиталась каждому изъ членовъ артели; и вотъ по какому случаю г. Максимовъ отыскалъ въ спискахъ имя младшаго Завалишина. Кучевскій-же, не соглашаясь, при лишеніи права голоса, пользоваться матеріальными выгодами, представляемыми артелью, отказался отъ назначаемой ему доли и просилъ не вносить его въ списокъ лицъ, получающихъ артельное содержаніе: онъ предпочелъ прибѣгнуть къ помощи тѣхъ немногихъ, которые принимали въ немъ особенное участіе.— Далѣе г. Максимовъ поминаетъ объ исключеніи младшаго Завалишина изъ

артели и выставляетъ это въ неоспоримое доказательство тому, что онъ къ ней принадлежалъ. Теперь должно быть ясно для него, въ какомъ значеніи слѣдуетъ понимать его участіе въ артели, равно и объясняются слова Басаргина: „не спросили, кто они, и приняли въ артель", т. е. предоставили имъ содержаніе артельное, а не право голоса, коимъ пользовались одни члены. Самыя слова „не спросили, кто они" достаточно показываютъ, что Басаргинъ понимаетъ пособіе, въ которомъ никому нуждающемуся не отказывали, а никакъ не право голоса и право на избраніе въ должность. Спрашиваю автора, мыслимо-ли, чтобы какое бы то ни было общество приняло бы въ свои члены всякаго встрѣчнаго, кто бы онъ ни былъ и предоставило-бы ему право голоса совѣщательнаго и избирательнаго? Еслибы авторъ потрудился вникнуть въ смыслъ приведеннаго имъ мѣста, онъ избавилъ-бы меня и читателя отъ докучливой аргументаціи для доказательства того, что ясно само по себѣ. Помощь дается каждому; но солидарность, связующая членовъ общества, требуетъ разборчивости въ принятіи кого-либо въ свой кругъ. Тутъ простая логика убѣдительнѣе всякихъ документовъ. Что Басаргинъ къ двумъ наименованнымъ лицамъ пріобщилъ и Сосиновича, объясняется тѣмъ, что, по вступленіи послѣдняго въ казематъ, артель тотчасъ-же отчислила долю и на него, не успѣвъ даже узнать, по политическому-ли или по другому дѣлу онъ осужденъ. Освѣдомившись впослѣдствіи, кто онъ и за что сосланъ, его причислили къ членамъ артели. Предоставленнымъ-же ему правомъ голоса онъ не пользовался по той причинѣ, что, будучи старъ и слѣпъ, онъ съ немногими изъ насъ былъ знакомъ. При немъ находился для прислуги ухаживавшій за нимъ Полякъ, пользовавшійся также артельнымъ пособіемъ. Неужели г. Максимовъ и его причтетъ къ членамъ артели? Что при исключеніи изъ артели младшаго Завалишина оговорено было нѣкоторыми „чтобы не лишать его пособія, лишь-бы оно не имѣло вида общаго артельнаго участка", значило: выключить его изъ списка лицъ, получающихъ артельную долю, не лишая его пособія, а не изъ списка членовъ, къ которымъ онъ не могъ принадлежать.

3) Про Г. С. Батенкова я сказалъ, что онъ провелъ 20 лѣтъ въ крѣпости, а не 12, какъ утверждаетъ авторъ статьи; онъ же продолжаетъ увѣрять, что Батенковъ выпущенъ былъ изъ крѣпости въ то время, какъ разрядъ, въ которомъ онъ числился, поступилъ на поселеніе, т. е. по его мнѣнію послѣ 12 лѣтняго заточенія. Тутъ что слово, то обмолвка. Въ третьемъ разрядѣ всего было двое, Г. С. Батенковъ и В. И. Штенгель. Этотъ разрядъ, осужденный на вѣчную работу, получилъ, по случаю коронаціи, то облегченіе, что вѣчная работа замѣнена 20 лѣтнею. Тоже самое облегченіе получилъ и второй разрядъ, въ которомъ я находился. Потомъ была опять сбавка сроковъ, но положительно утверждаю, что эти два разряда выѣхали изъ каземата на поселеніе въ Іюнѣ 1836 г.; слѣдовательно пробыли въ казематѣ не 12, а 10 лѣтъ. Какъ ни измѣняетъ намъ старикамъ предательская память, по увѣренію моего опонента, авось не усомнится онъ въ томъ, что сохранились, по крайней мѣрѣ, у меня въ памяти и годъ моего осужденія и годъ освобожденія изъ тюрьмы. Гавріилъ-же Степановичъ Батенковъ (а не Семеновичъ, какъ величаетъ его по своему авторъ въ своей статьѣ) выпущенъ изъ Петропавловской крѣпости и прибылъ въ городъ Томскъ въ 1846 году; слѣдовательно, пробылъ въ крѣпости цѣлыхъ 20 лѣтъ. Авторъ статьи этого и не подозрѣвалъ; пожалуй и не повѣритъ, на томъ основаніи, что обстоятельство это не упомянуто у него въ документахъ. Онъ тѣмъ болѣе не повѣритъ, когда узнаетъ, что В. К. Кюхельбекеръ, поселенный сначала въ Баргузинѣ, и Осипъ Викторовичъ Под-

жіо, поселенный въ Усть-Кудѣ, въ 28 верстахъ отъ Иркутска, и содержавшіеся до того первый въ Динабургѣ, второй въ Шлюссельбургѣ, отправлены были въ Сибирь въ то время, какъ вышли изъ тюрьмы тѣ разряды, къ которымъ они принадлежали, т. е. I и IV. Если мой состязатель, усомнившись въ подлинности факта, потребуетъ отъ меня объясненія, почему Г. С. Батенковъ не пользовался, наравнѣ съ другими, милостивой сбавкой сроковъ: я предоставлю ему самому доискиваться причины. Онъ же, къ тому, занимается историческими изслѣдованіями. Разскажу ему другой фактъ довольно любопытный, въ которомъ онъ вѣроятно также усомнится, по недовѣрію къ моей памяти. За нѣсколько лѣтъ до прибытія въ Сибирь Г. С. Батенкова, предписано было освѣдомиться по Тобольской губерніи (его родинѣ) о наслѣдникахъ его; но какъ таковыхъ не оказалось, доставленная изъ Петербурга въ Тобольское Губернское Правленіе шкатулка его съ нѣкоторыми цѣнными вещами продана была съ аукціоннаго торга, какъ выморочное имущество. Мы не усумнились въ его кончинѣ и, какъ разумѣется, искренно о немъ пожалѣли. Мѣстные чиновники раскупили его вещи. Самая шкатулка досталась совѣтнику Губернскаго Правленія, который случайно отъискалъ въ ней двойное дно и хранившійся подъ нимъ ломбардный именной билетъ. Онъ его препроводилъ въ Петербургъ. По прибытіи въ Томскъ узналъ о томъ Г. С. Батенковъ, но отложилъ всякую заботу о вознагражденіи за такое отчужденіе его собственности. Впослѣдствіи, по возвращеніи его въ Россію, обстоятельсто это дошло до свѣдѣнія нынѣ царствующаго Государя Императора, всемилостивѣйше повелѣвшаго вознаградить Батенкова за весь понесенный имъ убытокъ и возвратить ему значившійся на билетѣ капиталъ съ наросшими въ теченіи 30 лѣтъ процентами.

4) Замѣчаніе мое о выраженіи „Цыганская жизнь“ нисколько не придирка. Я не могъ его пройти молчаніемъ потому, что оно даетъ ложное понятіе о житьѣ-бытьѣ Батенкова въ Томскѣ. Онъ, можетъ быть, и сказалъ шуткою, что ему пришлось-бы скитаться какъ Цыгану, если бы не встрѣтилъ сердобольныхъ людей. Но къ его счастью, пока онъ, находясь въ гостинницѣ, тужилъ о затрудненіи пріискать себѣ квартиру, вслѣдствіе недоброжелательства домохозяевъ, молодой человѣкъ, сынъ казачьяго офицера Лучшаго, узнавъ о его затруднительномъ положеніи, предложилъ ему занять порожній флигель въ домѣ своего отца, съ семействомъ котораго, онъ уже не разлучался; слѣдовательно не пришлось ему нисколько скитаться. Такое нерасположеніе жителей къ нему тѣмъ болѣе его удивило, что, служивши тамъ до 20-тыхъ годовъ, по инженерному вѣдомству, а потомъ, при ревизовавшемъ Сибирь М. М. Сперанскомъ, онъ оставилъ по себѣ такую добрую память, что, при проѣздѣ моемъ съ товарищами черезъ Томскъ въ Читу, въ началѣ 1827 г., полиціймейстеръ, по просьбѣ многихъ изъ жителей, освѣдомлялся у насъ о Г. С. Батенковѣ, котораго съ нетерпѣніемъ ожидали. Въ 1846 г. въ надеждѣ отъискать въ Томскѣ хотя нѣкоторыхъ изъ своихъ прежнихъ друзей, онъ воспользовался сдѣланнымъ ему предложеніемъ избрать себѣ мѣстожительство въ Сибири и просился въ этотъ городъ, гдѣ старое поколѣніе замѣнилось уже новымъ. Спрошу г. Максимова, кстати-ли тутъ говорить: „велъ онъ Цыганскую жизнь“; и такой способъ выражаться не собьетъ-ли съ толку всякаго относительно и личности Г. С. Батенкова и положенія его въ Томскѣ?

Въ слѣдъ за тѣмъ, опровергатель мой говоритъ про какую то послѣднюю ошибку, въ которую будто-бы я его ввелъ. Рѣшительно не понимаю, какимъ таинственнымъ способомъ могъ я ввести въ заблужденіе человѣка, котораго никогда не встрѣчалъ. На загадочныя обвиненія не берусь отвѣчать.

5) Возражатель мой, нѣсколько разъ въ своей статьѣ, упрекаетъ меня въ безпамятствѣ, въ забывчивости; наконецъ, говоря о М. С. Лунинѣ, удивляется, что я не знаю того что всѣмъ извѣстно. Такой немудреный, хотя ловкій способъ опроверженія, можетъ въ крайнемъ случаѣ пригодиться; но мнѣ сдается, что г. Максимовъ имъ злоупотребляетъ. Онъ ссылается предпочтительно на авторитетъ людей, коихъ сознаетъ обладателями обширной памяти. Понятно, что, признавъ меня безпамятнымъ, нерасположенъ мнѣ вѣрить ни въ чемъ. Память безцѣнный даръ, нѣтъ спора; но да позволитъ мнѣ мой прекословъ замѣтить ему, что память свидѣтельствующаго не представляетъ еще достаточнаго ручательства въ правдивости показаній. Положимъ даже, что по преклонности лѣтъ, память мнѣ дѣйствительно измѣняетъ; но если я только изъ ума не выжилъ и сохранилъ сознаніе, я всегда могу себѣ отдать отчетъ въ томъ что помню и что запамятовалъ. И тогда, если я сколько нибудь цѣню правду, буду говорить лишь о томъ, что помню, объ остальномъ буду молчать. Я журнальныхъ статей не пишу, ни историческихъ, ни беллетрическихъ, это не моя профессія; и поэтому соперничества между возражателемъ и мною не можетъ быть. Но онъ печатно коснулся предмета близкаго мнѣ по сердцу, по убѣжденіямъ и по воспоминаніямъ юныхъ лѣтъ. Для меня это святыня, на его-же взглядъ—лишь матеріалъ для журнальной статьи.

Меня поразила самоувѣренность повѣствователя въ изложеніи фактовъ, дошедшихъ до него по слухамъ, схваченныхъ на лету и нисколько не провѣренныхъ, несмотря на богатое собраніе записокъ и документовъ, коимъ онъ хвалится. Я берусь ему это доказать. Наконецъ смутила меня и небрежность, съ какою онъ обходится съ именами лицъ, коихъ дѣлается біографомъ. Я укажу въ своемъ мѣстѣ, какая выходитъ отъ этого путаница. Ему ни по чемъ кого убить, напримѣръ А. И. Черкасова въ Енисейской губ., тогда какъ онъ цѣлъ и невредимъ, изъ подъ Черкескихъ пуль, воротился съ Кавказа на родину; кого сумасшедшимъ похоронить въ Сибири, напримѣръ П. С. Пушкина, прожившаго много лѣтъ по возвращеніи въ Россію въ полномъ разумѣ. Воскресивши А. И. Одоевскаго, скончавшагося на Кавказѣ, онъ возвращаетъ его въ полномъ здравіи во свояси. Всего не перечтешь.

Но возвращусь къ разсказу о М. С. Лунинѣ и предварительно замѣчу моему прекослову (чтобъ успокоить его на счетъ моей памяти) что старики забывающіе то, что случилось наканунѣ, твердо помнятъ событія давно минувшихъ лѣтъ. Это психическое проявленіе не новость. Но если придется мнѣ говорить о самомъ себѣ и, увлекаясь самообольщеніемъ, выставлять свои достоинства и подвиги и заслуги, заранѣе прошу его не вѣрить мнѣ безусловно, а справиться съ хранящимися у него документами и съ устнымъ преданіемъ, подвергая послѣднее строгой критикѣ.

На показаніе автора статьи, будто М. С. Лунинъ содержался въ Шлюссельбургской крѣпости и тамъ заболѣлъ цынгою, я замѣтилъ ему, что М. С. никогда не былъ въ Шлюссельбургѣ, а содержался послѣ сентенціи въ Выборгѣ, откуда прибылъ въ Читу, безъ всякихъ признаковъ цынги. Возражатель мой, въ подтвержденіе своего показанія, ссылается на Записки И. Д. Якушкина, гдѣ сказано, что изъ пяти узниковъ въ Фортѣ Славѣ, трое заболѣли, впослѣдствіи, солитеромъ. Признаюсь, въ подобномъ аргументѣ не отъискиваю логической связи между посылкой и заключеніемъ. Въ подтвержденіе моихъ словъ, прибавлю слышанное мною отъ самаго Лунина, съ которымъ прожилъ, безъ малаго, десять лѣтъ въ тюрьмѣ и котораго потомъ, въ теченіи двухъ лѣтъ, видѣлъ часто на поселеніи, живя во ста верстахъ отъ него. Онъ утверждалъ, что пребываніе въ Выборгѣ считаетъ

онъ самою счастливою эпохою въ жизни. Случайная обстановка его была ему такъ по вкусу и въ духовномъ и въ матеріальномъ отношеніи, что онъ не безъ горести разстался съ своей тюрьмой. Извѣстнаго будто-бы анекдота о какомъ то единственномъ зубѣ я не слыхалъ, да и не жалѣю, потому-что о такой занимательной личности какъ М. С. Лунинъ столько можно разсказать любопытнаго, что анекдотъ о зубѣ покажется пошлымъ. Я полагаю, что г. собиратель біографическихъ свѣдѣній путаетъ фамиліи лицъ, ему незнакомыхъ, подобно тому какъ онъ запутался въ именахъ и отчествахъ. Если-же ему необходимо нужно выставить пострадавшихъ отъ скорбута, я могу ему послужить и назову П. А. Муханова и О. В. Поджіо. Послѣдній, пробывши 8 лѣтъ въ крѣпости, выпущенъ былъ на поселеніе вовсе безъ зубовъ. Онъ былъ въ полномъ смыслѣ красавецъ и сохранилъ юношескую свѣжесть и бодрость. Замѣчу мимоходомъ, что этотъ существенный недостатокъ нисколько его не безобразилъ, что не мало удивляло всѣхъ насъ.

6) Опонентъ мой, тяготясь моими опроверженіями, пользуется правомъ отводить меня какъ свидѣтеля, на томъ основаніи, что я жилъ далеко на Западѣ и не зналъ, что̀ творится въ Восточной Сибири. На это я ему скажу, что пробывши два года въ 120 верстахъ отъ Иркутска въ селѣ Каменкѣ, я переведенъ былъ въ г. Курганъ, а оттуда въ Тобольскъ. Перемѣщенія эти изъ Восточной Сибири въ Западную случались со многими изъ насъ. Кромѣ того, по временамъ разрѣшалось ѣздить изъ Западной Сибири въ Восточную на Тункинскія цѣлебныя воды, чѣмъ и воспользовались И. И. Пущинъ и И. Д. Якушкинъ; наконецъ намъ не воспрещалось переписываться между собою. Итакъ воздвигнутая моимъ опонентомъ Китайская стѣна, между Востокомъ и Западомъ, для насъ не существовала. Эти частыя перемѣщенія сбили-бы хоть кого съ толку; но г. собиратель свѣдѣній, не обременяя себя безполезнымъ трудомъ распутывать этотъ мотокъ, размѣстилъ насъ на поселеніи какъ попало. Напримѣръ (стр. 620) сказано въ его статьѣ, что „братья Матвѣй и Сергѣй Ивановичи Муравьевы, Вольфъ и И. Д. Якушкинъ согласились жить вмѣстѣ, но ихъ „раздѣлили“: дальше: „Ал. Муравьевъ „остался съ братомъ, Вольфъ съ товарищами въ Заводѣ, для врачебныхъ пособій.... — И. Д. Якушкинъ и Муравьевы „поселились въ Ялуторовскѣ.... М. С. „Лунинъ подъ Иркутскомъ въ деревушкѣ.“ Поневолѣ вспомнишь пословицу про звонъ. Хотя и мало кого интересуетъ знать, гдѣ кто изъ насъ былъ поселенъ и куда перемѣщенъ впослѣдствіи; но по моему, слѣдовало или умолчать о томъ, или свѣдѣнія передать точныя и вѣрныя. Въ 1836 г. отправились на поселеніе II и III разряды. За первымъ поѣздомъ, спустя недѣли двѣ, выѣхали С. Г. Волконской съ женой и дѣтьми, И. А. Анненковъ тоже съ женой и дѣтьми, Ник. М. Муравьевъ съ малолѣтнею дочерью и съ братомъ Александромъ; съ ними-же вмѣстѣ Фердинандъ Богдановичъ Вольфъ. Имя и отчество послѣдняго могъ-бы г. собиратель легко узнать въ Иркутскѣ отъ перваго встрѣчнаго: онъ тамъ, въ теченіи многихъ лѣтъ, пользовалъ всѣхъ безвозмездно, и ген. губ. Броневскаго, и мелкаго чиновника, и простаго рабочаго; за то и гремѣлъ славой. Вышепоименованные С. Г. Волконской, Н. и А. М. Муравьевы, Ф. Б. Вольфъ поселились въ селѣ Урикѣ, а не въ деревушкѣ Урюкѣ, гдѣ нашли М. С. Лунина, поселившагося тамъ до нихъ. И. А. Анненковъ поселенъ былъ въ село Бѣльское, Иркутскаго уѣзда, откуда въ 1838 г. переведенъ въ г. Туринскъ, Тобольской губ., а въ 1841 въ самый Тобольскъ. Впослѣдствіи, М. С. Лунинъ сосланъ былъ въ Акатуй въ 1842 г. въ Апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ Четвергъ на страстной недѣлѣ. По смерти Ник. М. Муравьева, братъ его Александръ, съ женой и дѣтьми, переѣхалъ на житель-

ство въ Тобольскъ въ 1846 г. вмѣстѣ съ Ф. Б. Вольфомъ. Матвѣй Ив. Муравьевъ не былъ ни въ Читѣ, ни въ Петровскомъ, ни въ Урикѣ, а прямо изъ крѣпости Фортъ-Слава, отправленъ въ Вилюйскъ на Вилюѣ, притокѣ Лены, въ 800 верстахъ отъ Иркутска, оттуда въ пограничную крѣпостцу Бухтарму, и наконецъ въ г. Ялуторовскъ, гдѣ сошелся съ И. Д. Якушкинымъ. Встрѣтить тутъ, между поселенными въ Сибири, имя Сергѣя Ивановича Муравьева, брата Матвѣя Ивановича, поразитъ всякаго, кто кое-что слышалъ о Декабрьскомъ дѣлѣ. Положимъ, что по этому дѣлу, осуждены были шесть Муравьевыхъ, и что стороннему человѣку легко ошибиться и перепутать ихъ имена, но г. собирателю историческихъ матеріаловъ такая небрежность неизвинительна. Предлагаю ему сличить мой подробный отчетъ съ своимъ разсказомъ, и по числу невѣрностей, оказавшихся въ нѣсколькихъ строкахъ, убѣдиться въ томъ, что статья его не могла не возбудить опроверженія со стороны людей близко знакомыхъ съ дѣломъ. Въ ней встрѣчаются такія разительныя небылицы, что невольно подумаешь: полно, читалъ-ли его коректурные листы тотъ, на кого возложена была эта обуза? Вѣроятно, почуя тутъ Египетскую работу и притомъ, мало интересуясь подробностями, до него лично не касающимися, онъ предпочелъ обогатить эту статью своими добавленіями.

7) Я точно былъ уже въ Тобольскѣ, когда послѣдовали арестъ М. С. Лунина и заточеніе его въ Акатуйскую тюрьму. Всѣ подробности этого печальнаго происшествія сообщены мнѣ были А. М. Муравьевымъ (его двоюроднымъ братомъ по отцу) находившимся тогда въ Урикѣ, и переѣхавшимъ послѣ того въ Тобольскъ. Мнѣ извѣстно лицо, переписывавшее на бѣло черновой автографъ, и то лицо, чрезъ которое узнали о существованіи этой записки. Могла-ли эта записка быть напечатана въ Лондонѣ, когда самая рукопись, не переписанная, была отобрана? Подозрѣвали М. С. Лунина въ намѣреніи переслать свое сочиненіе въ Лондонъ, для напечатанія; а изъ родившагося подозрѣнія распространился ложный слухъ, будто оно уже было туда переслано. Я говорилъ о томъ на дняхъ съ М. А. Бестужевымъ, на авторитетъ котораго ссылается г. Максимовъ, и онъ признался мнѣ, что онъ объ этомъ писалъ въ Петербургъ къ г. С. только какъ о дошедшемъ до него слухѣ, въ достовѣрности котораго онъ нисколько не ручался, не полагая притомъ, что письма его поступятъ въ печать. Впослѣдствіи, будучи въ Иркутскѣ, онъ, узнавъ обстоятельно объ этомъ дѣлѣ, убѣдился въ ложности слуха, дошедшаго до Селенгинска, гдѣ не было возможности его провѣрить. Легко пойметъ мой возражатель, что никакого личнаго интереса я не имѣю представлять этотъ фактъ, коему я нисколько не причастенъ, въ томъ или въ другомъ видѣ. Но узнавъ изъ достовѣрнаго источника о дѣлѣ со всѣми его подробностями, излагать которыя не считаю своевременнымъ, могъ-ли я не опровергнуть слуха, перешедшаго въ печатное слово?

8) Относительно Дубининской исторіи, разсказанной такъ, что ничего нельзя понять, и гдѣ представлена дама преслѣдуемая выпившимъ офицеромъ, кричавшимъ „бунтъ“ (да кто-же бунтуетъ? женщина въ истерикѣ что ли?) мой возражатель ссылается на Записки Н. В. Басаргина, изъ коихъ разсказъ будто взятъ цѣликомъ. Я не читалъ Записокъ Н. В. Басаргина, но если, по напечатаніи ихъ, прочту разсказъ въ томъ видѣ, въ какомъ представленъ онъ моимъ опровержцемъ, искренно сожалѣть буду о томъ, что товарищъ мой, не бывши вѣроятно очевидцемъ, передалъ фактъ, дошедшій до него въ искаженномъ видѣ. Но что̀ меня крайне удивитъ это то, что онъ, знавши каждую изъ дамъ, послѣдовавшую за своимъ мужемъ, могъ безразлично принять одну изъ нихъ за другую. Да позволитъ мнѣ мой опонентъ усумниться въ томъ. О небрежномъ употребленіи

имъ документовъ приведу дальше нѣсколько примѣровъ. Когда г. собиратель матеріаловъ говоритъ, что все равно, та-ли или другая женщина была оскорблена, и что дѣло не въ оскорбленіи, а въ послѣдствіи, я тутъ еще болѣе убѣждаюсь въ его черезчуръ свободномъ обращеніи съ исторической достовѣрностью, обращеніи, о коемъ достаточно свидѣтельствуетъ вся его статья. Но для насъ, дамы не были просто какія-то женщины: мы къ нимъ питали глубокое уваженіе и сердечную признательность. Огорченіе, испытанное одною изъ нихъ, отзывалось въ сердцѣ у всѣхъ насъ; и поэтому, можно-ли допустить, чтобъ, провѣдавъ объ нанесенномъ оскорбленіи одной изъ нихъ, не позаботился каждый изъ насъ освѣдомиться, которая именно изъ нихъ пострадала, и узнать всѣ обстоятельства сопровождавшія печальное происшествіе? Недоразумѣніе мое разъяснится лишь по появленіи въ печати упомянутыхъ Записокъ. Какъ бы то ни было, мнѣ не нужно провѣрять свои воспоминанія относительно случая, коего былъ очевидцемъ и оставившаго неизгладимый слѣдъ въ моей памяти, вслѣдствіе впечатлительности молодыхъ лѣтъ.

При этомъ, коснусь одного замѣчанія, сдѣланнаго моимъ оппонентомъ, смысла котораго не могу доискаться. Похвалившись обиліемъ матеріаловъ имъ собранныхъ, онъ замѣчаетъ „что я чистосердечно сознаюсь въ томъ, что изъ Записокъ Декабристовъ я прочелъ всего три“, полагая тѣмъ ослабить авторитетъ моихъ показаній. Не понимаю г-на Максимова. Да съ чего-же онъ взялъ, что я doctus cum libro? Еслибъ я затѣялъ писать статью о цѣломъ рядѣ событій, хотя и знакомыхъ мнѣ, пришлось-бы, ради надлежащей связи и полноты, справляться съ документами, допрашивать очевидцевъ о подробностяхъ, ускользнувшихъ отъ моего вниманія, или изгладившихся у меня въ памяти. Но я не пишу ни статьи, ни книги, а передаю факты присущіе моей памяти, по сохранившимся отъ нихъ впечатлѣніямъ; или, лучше сказать самыя впечатлѣнія волновавшія нѣкогда душу и, при случаѣ, снова оживающія. Для предпринятаго авторомъ труда, необходима нѣкотораго рода эрудиція или спеціальное изученіе предмета, коимъ онъ повидимому и хвалится. Я-же говорю о томъ только что видѣлъ, или о томъ, что знаю изъ достовѣрныхъ источниковъ. Свѣдѣнія, добытыя мною путемъ распросовъ, признаются мною достойными довѣрія лишь въ томъ случаѣ, когда подтверждаемыя многими свидѣтельствами, никѣмъ не были опровергнуты, въ теченіи нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Поэтому чего не помню или не знаю, о томъ нѣтъ мнѣ нужны и говорить.

Я того мнѣнія, что еслибы г. Максимовъ серіозно пожелалъ добиться исторической достовѣрности и менѣе заботился отстаивать непогрѣшимость своихъ путевыхъ записокъ, ему бы слѣдовало не гнѣваться на меня за мои замѣтки, а воспользоваться ими. Сущность моихъ замѣтокъ такова, что ему легко убѣдиться въ отсутствіи всякаго личнаго интереса съ моей стороны, чѣмъ и устраняется подозрѣніе, будто я преднамѣренно искажаю или утаиваю истину.

9) Нѣтъ сомнѣнія, что Записки И. Д. Якушкина и даже Записки Н. В. Басаргина (послѣднихъ я впрочемъ не читалъ), моглибы ему послужить на пользу, если бы потрудился онъ прочесть ихъ со вниманіемъ, въ чемъ я имѣю право сомнѣваться, вотъ на какомъ основаніи. Онъ говоритъ: „противорѣчія съ Якушкинымъ безпристрастный читатель не найдетъ въ моей статьѣ, ни одной іоты“.

Посмотримъ же, насколько разсказъ г. Максимова согласуется съ показаніями И. Д. Якушкина, Н. В. Басаргина и автора Записокъ Декабриста.

Въ статьѣ г. Максимова сказано: (отъ стр. 597 до 602): „образовался кружокъ „протестовавшихъ, видѣвшихъ, что общинному устройству, съ равномѣрными правилами для каждаго, грозитъ „опасность подчиненія небольшому кру-

„жку аристократовъ, ихъ произволу.... „Образовались кружки около привилеги„рованныхъ личностей.... Когда можно „было уже и не видѣть товарищей и „имѣть предлогъ, что не знаютъ ихъ „нуждъ... Раздраженіе, между богатыми „и неимѣвшими ничего, дошло до край„ней степени.... Артель не дозволила „имѣвшимъ средства смотрѣть на това„рищей, какъ на людей низшихъ.“ Затѣмъ слѣдуетъ подробный отчетъ о всепожирающей дѣятельности г. коректора, объ услугахъ имъ оказанныхъ и о довѣріи къ нему его соузниковъ: „пришли къ не„му съ просьбою отложить на время „свои ученыя занятія и, взявъ общест„венное дѣло въ свои руки.... и прочее.“ Потомъ говорится подробно о какихъ-то публичныхъ засѣданіяхъ комиссіи, во главѣ которой выдвигается опять то-же всеобъемлющее лицо.

Затѣмъ, вотъ какъ объ томъ отзывается И. Д. Якушкинъ (стр. 1619 Русскаго Арх.): „Нѣкоторые изъ неимѣв„шихъ собственныхъ средствъ для су„ществованія и *получавшіе все нужное „отъ другихъ*, тяготились такою зави„симостью отъ своихъ товарищей.... „Образовался кружокъ недовольныхъ.... „Они обратились къ коменданту, прося „его исходатайствовать имъ денежное „пособіе отъ правительства. Такой по„ступокъ очень огорчилъ старика Ле„парскаго: онъ смотрѣлъ на насъ, какъ „на людей порядочныхъ и всегда от„зывался съ похвалою о нашемъ со„гласіи и устройствѣ... Онъ отправилъ „плацъ-моіора навести справки о тѣхъ, „которые желали получить вспомоще„ствованіе отъ правительства. Между „тѣмъ это происшествіе въ казематахъ „произвело тревогу. Всѣ были въ него„дованіи противъ просившихъ пособія „отъ правительства; съ ними вступили „въ переговоры и успѣли отклонить ихъ „отъ намѣренія *отдѣлиться отъ артели*, „и когда пришелъ плацъ-маіоръ въ ка„зематы съ допросомъ, все уже было „улажено, и ему поручили просить ко„менданта не давать дальнѣйшаго хо„да этому дѣлу“. Значитъ, артель существовала до писаннаго устава. „Тотчасъ „потомъ Поджіо, Вадковскій и Пущинъ „занялись составленіемъ письменнаго уч„режденія для артели“. Не мѣшаетъ замѣтить, что Якушкинъ и не упоминаетъ о лицѣ, которое у г. Максимова является какъ главный дѣятель.

Затѣмъ выписываю слова автора Записокъ Декабриста (стр. 228): „Чрезъ „каждые три мѣсяца, при выборѣ но„ваго хозяина (до введенія писаннаго „устава) каждый изъ артели назначалъ „сколько могъ дать по своимъ сред„ствамъ въ общую артельную сумму, „которою распоряжался хозяинъ на пи„щу, чай, сахаръ, мытье бѣлья. Одежду „и бѣлье носили мы всѣ собственныя; „имущіе покупали и дѣлились съ неиму„щими. Рѣшительно, всѣ дѣлили между „собою и горе и копѣйку. Когда свя„щенникъ Казанскаго собора П. Н. Мы„словскій узналъ этѣ подробности на„шей жизни отъ А. О. Корниловича, „то поспѣшилъ сообщить женѣ моей и „замѣтилъ ей, что въ Читѣ въ острогѣ, „ведутъ жизнь истинно-апостольскую.“

Здѣсь же помѣщаю, для сличенія, слова выписанныя моимъ возраженіемъ изъ Записокъ Н. В. Басаргина. „Артель нра„вственно уравняла тѣхъ, которые имѣ„ли средства съ неимѣющими таковыхъ.“ Развѣ этими словами подверждается разсказъ г. Максимова о существованіи двухъ враждебныхъ партій? Предоставлю всякому судить, на сколько разсказъ моего опонента согласуется съ Записками Декабристовъ, и правъ ли онъ, говоря, что его разсказъ не отступаетъ ни на іоту отъ словъ Якушкина?

10) Въ замѣчаніяхъ своихъ, я счелъ долгомъ опровергнуть другое ложное показаніе, бросающее также позорную тѣнь на Читинскихъ и Петровскихъ узниковъ. Обвинивъ всѣхъ имущихъ въ безчеловѣчномъ равнодушіи къ лишеніямъ ихъ товарищей и раздѣливъ все общество на два враждебные лагеря, авторъ статьи силится потомъ доказать, что вспомоществованіе, оказанное

нуждающимся товарищамъ, было со стороны богатыхъ не добровольное, а вынужденное. Поэтому, я не безъ основанія замѣтилъ, что въ этомъ разсказѣ проглядываетъ нѣкоторая зависть комунистическаго свойства. Въ злыхъ побужденіяхъ нисколько не думаю подозрѣвать автора статьи; но въ опрометчивой довѣрчивости своей пора бы и ему убѣдиться

У него говорится (стр. 600): „Такъ „какъ, по общему правилу, правитель„ствомъ допускается получать одиноч„ному только 500 рублей, а женатымъ „только 2000, сверхъ-же этого, позво„ляется получать болѣе, только подъ „условіемъ, что это назначается для вспо„моженія товарищамъ... то это вспомо„женіе является уже обязательнымъ, и „нѣтъ никакого посягательства на соб„ственность въ требованіи обязательна„го взноса... Потому, въ случаѣ отказа „ихъ, неимѣющіе ничего имѣютъ право „объявить коменданту, что не получа„ютъ вспоможенія отъ товарищей и „требовать казенное содержаніе (стр. „601) Комендантъ до такой степени *ис„пугался* доведенія до правительства тре„бованія казеннаго содержанія и допу„щенной имъ неправильности въ полу„ченіи излишнихъ денегъ на пособіе...“

Я въ своей замѣткѣ опровергнулъ тотъ фактъ, будто въ тюрьмѣ ограничивалась сумма денегъ, получаемая нами отъ родныхъ, и доказалъ, почему эта мѣра предосторожности, прилагаемая къ поселенцамъ, не имѣла смысла въ отношеніи къ заключеннымъ въ тюрьмѣ, которымъ не давались деньги на руки. Что̀ касается до вымышленнаго испуга коменданта, вслѣдствіе допущенія имъ неправильнаго полученія денегъ, онъ тутъ обвиняется въ отступленіи отъ данной ему свыше инструкціи и въ превышеніи власти. Для опроверженія подобнаго наговора, я сошлюсь на всѣхъ, кто зналъ его. Если въ чемъ можно укорить этого добраго человѣка, такъ именно въ томъ, что буквальное исполненіе данной ему инструкціи онъ доводилъ до крайности, до педантизма. Также точно немыслимо, чтобы, какъ показано на стр 584, онъ отважился „отпу„стить на минеральныя Забайкальскія „воды кн. Трубецкую и Волконскую, за „что̀ получилъ, будто, строгій выговоръ“. Онъ не выговоръ получилъ, а запросъ, вслѣдствіе злостнаго доноса, легко имъ опровергнутаго.

Противъ этого мой возражатель говоритъ: „Объ ограниченіи денегъ въ тюрь„мѣ мы имѣемъ свѣдѣнія изъ сочиненія „*Декабриста*“, и потомъ восклицаетъ: „къ чему же эти опроверженія безъ спра„вокъ, безъ доказательствъ, въ противо„рѣчіе самимъ себѣ?“ Что же мы находимъ въ Запискахъ *Декабриста*? Выписываю дословно (стр. 293): „Въ быт„ность нашу въ тюрьмѣ и въ каторж„ной работѣ, въ Читѣ и въ Петровскомъ, „не ограничивали суммы денегъ высы„лаемыхъ нашими родными; но на посе„леніи, гдѣ каждый самъ могъ распола„гать своими деньгами и самъ расходо„валъ ихъ, дозволено было получать еже„годно холостому не болѣе тысячи руб„лей ассигнаціями, а женатому не болѣе „двухъ тысячъ“.

Послѣ цѣлаго ряда выставляемыхъ мною уликъ, не въ правѣ ли всякій заключить, что г. опонентъ не потрудился даже и прочитать какъ слѣдуетъ Записки, на авторитетъ которыхъ ссылается, и что всѣми этими собранными матеріалами, обладаніемъ коихъ хвалится, онъ нисколько не пользовался? Любопытно-бы знать, въ какихъ именно Запискахъ или офиціальныхъ бумагахъ отъискалъ онъ, напримѣръ, слѣдующія свѣдѣнія, будто „болѣе даровитые и спо„собные люди поселены были въ Восточ„ной Сибири (стр. 623)“. Или это просто его собственное мнѣніе, коимъ думалъ онъ польстить поселеннымъ въ Восточной Сибири, съ которыми имѣлъ случай видѣться? Но какъ ни лестенъ для нихъ такой отзывъ, они, освѣдомившись, что онъ въ Западной Сибири никого не видалъ изъ Декабристовъ, невольно спросятъ его: почему вы знаете что мы, на Востокѣ, даровитѣе по-

селившихся на Западѣ? Онъ утверждаетъ, что Записки противорѣчатъ однѣ другимъ. Ему слѣдовало-бы доказать это. Я вижу только, что его разсказъ діаметрально противоположенъ отзывамъ Декабристовъ по ихъ Запискамъ.

Чтобы покончить съ вопросомъ о мнимомъ ограниченіи денегъ, получаемыхъ нами въ тюрьмѣ, не оставлю безъ отвѣта одинъ изъ доводовъ, приводимыхъ г. возражателемъ, въ подтвержденіе своего показанія. Онъ указываетъ на буквальную выписку, сдѣланную имъ изъ правилъ для женъ (стр. 582, 583, 584). Тамъ значится, что „дѣти, прижитыя въ „Сибири, поступаютъ въ число казен„ныхъ заводскихъ крестьянъ"; затѣмъ: „допускается каждой получать не сві„ше 1000 рублей ежегоднаго содержанія „наравнѣ съ мужемъ". Эти условія объявлены имъ были въ Иркутскѣ; послѣ, по прибытіи ихъ въ Читу, комендантъ предъявилъ имъ другія правила, которымъ они должны были подчиниться, въ чемъ взялъ съ нихъ подписку. Развѣ не замѣтилъ г. собиратель документовъ, что въ этихъ послѣднихъ правилахъ, изъ коихъ онъ выписалъ нѣсколько пунктовъ, не заключаются условія, помянутыя въ первыхъ, изъ чего легко было бы ему убѣдиться, что они тогдаже были отмѣнены, или что первыя тяжелыя условія имѣли лишь цѣлью отклонить ихъ отъ сожительства съ мужьями? Въ его же статьѣ поминается о непомѣрно-строгихъ правилахъ, предъявленныхъ кн. Трубецкой Иркутскимъ губернаторомъ, коими думалъ онъ ее застращать, въ надеждѣ, что она откажется отъ слѣдованія за мужемъ въ Нерчинскіе рудники. Дѣло въ томъ, что ни дѣти ихъ не поступили въ число заводскихъ крестьянъ, ни сумма денегъ, получаемая ими изъ Россіи на годовое содержаніе, не подверглась ограниченію ни для нихъ, ни для мужей, ни для холостыхъ, во все время заключенія нашего въ Читѣ и въ Петровскомъ.

Авторъ настойчиво добивается цифры дохода, получаемаго Муравьевыми въ Петровскомъ. Въ статьѣ его (стр. 575) выставлено 60 тысячъ. Онъ утверждаетъ, что цифру эту почерпнулъ изъ *Записокъ Декабриста.* Я справился съ книгою и прочелъ 40 тысячъ (стр. 228). Въ настоящей его статьѣ выставлено 6 тысячъ. На какой цыфрѣ остановится авторъ, и какой прикажетъ онъ намъ держаться? Положимъ, что предметъ этотъ такъ не важенъ, что объ немъ не стоило-бы и говорить; но при обнаружившейся рѣдкой любознательности автора статьи, удивляешься его страннымъ пріемамъ для ознакомленія себя съ изучаемымъ предметомъ. Онъ съ жадностью собираетъ всякаго рода документы, даже писанные лоскутки бумаги (какъ сообщаетъ намъ). Невольно задаешься вопросомъ, на что могутъ ему служить эти матеріалы, добытые, по его отзыву, съ такимъ трудомъ, если пишетъ онъ вовсе не то, что въ нихъ прочелъ? Не будь сказано въ обиду моему возражателю, мнѣ разсказывали про одного владѣльца богатой библіотеки, которою онъ очень гордился. Ему случилось у себя, въ бесѣдѣ съ друзьями, заявлять, по части исторіи и наукъ, факты столь несбыточные и невѣроятные, что подымался тотчасъ хохотъ, и сыпались возраженія. Но онъ, нимало не смущаясь и не пускаясь ни въ какія пренія, указывалъ только на шкафы съ книгами, увѣряя, что все сказанное имъ они тамъ найдутъ. Страннѣе всего то, что онъ въ этомъ нисколько не сомнѣвался.

Я недавно прочелъ въ газетахъ объявленіе о поступившемъ въ продажу сочиненіи въ трехъ томахъ г. Максимова о Сибири, о ссыльныхъ и пр. Желаю ему всякаго успѣха. Самое заглавіе уже заманчиво. Но при всемъ литературномъ достоинствѣ и занимательности разсказа, которыя, охотно вѣрю, признаютъ за этой книгой, я долженъ сказать, что по части исторіи и статистики того края, она настольной справочной книгой никакъ не можетъ послужить. Въ статьѣ его о Декабристахъ мы имѣемъ образчикъ легкаго способа

имъ принятаго, для употребленія въ дѣло самыхъ цѣнныхъ, по его мнѣнію, матеріаловъ. Возраженія, какія слѣдовало ему ожидать отъ Декабристовъ, нисколько не стѣсняли его фантазіи. Можно ожидать отъ него тѣмъ болѣе развязности въ разсказѣ относительно безграмотныхъ и безгласныхъ ссыльныхъ, или политическихъ преступниковъ минувшихъ вѣковъ.

Я понимаю, что, проскакавъ нѣсколько тысячъ верстъ по обширной Сибири и „изъ дальнихъ странствій возвратясь", охота всякому подѣлиться съ пріятелями и даже съ читающей публикой своими путевыми впечатлѣніями, налетными взглядами на вещи и людей и кое-какими добытыми свѣдѣніями. Такіе безпритязательные очерки доставляютъ обыкновенно невинное удовольствіе и повѣствователю и слушателю. Но писать Исторію требуетъ другихъ условій; тутъ не только-что дальняя ѣзда, но и усидчивый трудъ оказываются часто безполезными, особенно какъ примешься за изслѣдованіе современныхъ событій. Послѣдній трудъ самый неблагодарный. Несравненно безопаснѣе писать хоть Римскую исторію чѣмъ современную, а то неминуемо наткнеться на какого-нибудь непрошеннаго и негаданнаго очевидца, который обдастъ словно варомъ скороспѣлаго историка. Почему-бы автору трехъ-томнаго сочиненія о Сибири не потерпѣть лѣтъ хоть десятокъ и не дать покойно умереть оставшимся въ живыхъ Декабристамъ? Дорогіе свои историческіе матеріалы бережно-бы сохранилъ, а тамъ открылся-бы ему полный просторъ лѣтописать на свободѣ, не встрѣчая докучливыхъ опроверженій.

Давъ отвѣтъ по пунктамъ на всѣ сдѣланныя мнѣ возраженія и разставаясь вѣроятно навсегда съ моимъ оппонентомъ, воспользуюсь случаемъ признать вполнѣ заслуженнымъ хвалебный его отзывъ о Н. А. Бестужевѣ. Напрасно онъ полагаетъ, что при чтеніи его статьи отзывъ этотъ ускользнулъ отъ моего вниманія; но, раздѣляя въ полной мѣрѣ мнѣніе рецензента относительно свѣдѣній Н. А. Бестужева по части прикладныхъ наукъ, также изобрѣтательности его ума и художественныхъ способностей, я не имѣлъ повода къ возраженію[1]).

НОВОЕ ИЗДАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. С. ТУРГЕНЕВА.

Сочиненія И. С. Тургенева (1844—1868). Изданіе братьевъ Салаевыхъ. Семь томовъ. Москва. Типографія Грачева 1868—1869 г. 8°. (При первомъ томѣ приложенъ портретъ автора, гравированный въ Лондонѣ).

Настоящее собраніе сочиненій нашего романиста, по возможности, самое полное, заключаетъ въ себѣ всѣ болѣе или менѣе капитальныя произведенія г. Тургенева, написанныя имъ въ продолженіи его славной двадцатипятилѣтней литературной дѣятельности, съ 1844 по 1868 г. Сочиненія расположены въ хронологическомъ порядкѣ, дающемъ возможность слѣдить постепенное развитіе таланта дорогаго писателя, котораго произведенія такъ близки сердцу каждаго образованнаго Русскаго человѣка. Оно перепечатано съ Карлсруйскаго изданія, со включеніемъ послѣдующихъ произведеній г. Тургенева: „Собака", „Дымъ", „Лейтенантъ Ергуновъ", „Бригадиръ", и „Несчастная", что̀ составляетъ шестой томъ настоящаго изданія. Кромѣ того, въ седьмомъ томѣ помѣщены драматическія сочиненія, изъ которыхъ комедія „Мѣсяцъ въ деревнѣ" является въ первоначальномъ своемъ видѣ, недопущенномъ прежнею цензурою. Конецъ повѣсти „Два пріятеля" измѣненъ. Въ первомъ томѣ

[1]) Весьма вѣроятно, что гг. авторъ Записокъ Декабриста (скрывающій почему-то имя свое) и С. В. Максимовъ снова предъявятъ возраженія и отвѣты свои. Если такое предположеніе сбудется, то заранѣе просимъ ихъ покорнѣйше обратиться въ какое либо другое изданіе, а не въ Русскій Архивъ, въ которомъ едва достаетъ мѣста и для статей содержанія фактическаго. *П. Б.*

помѣщены „Литературныя воспоминанія“ являющіяся въ первый разъ въ печати *) и ярко рисующія то время, въ которое началась литературная дѣятельность нашего романиста. Въ типографскомъ отношеніи это послѣднее собраніе сочиненій г. Тургенева весьма изящно; приложенный портретъ автора, гравированный на стали, весьма схожъ. Вообще изданіе это удовлетворительно во всѣхъ отношеніяхъ, еслибы не слишкомъ высокая цѣна (8 р. сер.). Кажется, мы никогда не дождемся дешеваго изданія нашихъ первокласныхъ писателей.

Для полноты нашей библіографической замѣтки о послѣднемъ собраніи сочиненій г. Тургенева, не лишнимъ считаю привести, въ хронологическомъ порядкѣ, перечень всѣхъ отдѣльныхъ, прежде изданныхъ, сочиненій г. Тургенева.

1) Параша. Разсказъ въ стихахъ. Т. Л. Спб. 1843 г. 8°.

2) Разговоръ. Стихотвореніе Ив. Тургенева (Т. Л). Спб. 1845 г. 8°.

Эти двѣ раннія поэмы г. Тургенева, не лишенныя поэтическаго достоинства, въ настоящее время составляютъ библіографическую рѣдкость.

3) Записки Охотника. Сочиненіе Ивана Тургенева. Двѣ части. Москва. 1852 г. 8°.

Первое отдѣльное изданіе „Записокъ Охотника, какъ извѣстно, встрѣтило большія затрудненія и причинило большія непріятности и цензору, кн. Львову, и автору, который былъ сосланъ въ деревню на два года.

Первое изданіе „Записокъ Охотника“ въ настоящее время составляетъ библіографическую рѣдкость.

4) Повѣсти и разсказы И. С. Тургенева. Съ 1844 г. по 1856. Три части. Спб. 1856 г. 8°.

5) Записки Охотника. Сочиненіе Ивана Тургенева. Двѣ части, безъ перемѣнъ. Спб. 1859 г. 8°.

6) Украинскіе народные разсказы Марки Вовчка. Переводъ И. С. Тургенева. Изд. Д. Е. Кожанчикова. Спб. 1859 г. 12°.

7) Дворянское гнѣздо. Романъ И. С. Тургенева. Изд. А. И. Глазунова. Москва. 1859 г. 8°.

8) Провинціалка. Комедія въ одномъ дѣйствіи. Ив. Тургенева. Спб. 1860 г. 8°.

9) Холостякъ, комедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Спб. 1860 г. 8°.

10) Сочиненія И. С. Тургенева. Исправленныя и дополненныя. Изданіе Н. А. Основскаго. 4 т. Москва 1860—1861 г. 8°.

11) Отцы и Дѣти. Ив. Тургенева. Изданіе К. Т. Солдатенкова. Москва 1862 г. 8°.

12) Сочиненія И. С. Тургенева. 1844—1864. Изданіе братьевъ Салаевыхъ. 5 т. Карлсруэ. 1865 г. 8°.

13) Собака. Соч. Ив. Тургенева. Оттискъ изъ 85 № „Спб. Вѣдомостей“. 1866 г. Безъ заглавнаго листа и означенія мѣста и года печатанія. 12°.

Этотъ оттискъ въ продажу не поступалъ.

14) Волшебныя сказки Перро. Переводъ Ив. Тургенева. Рисунки Густава Дорэ. Изданіе М. О. Вольфа. Спб. 1866. 4°.

15) Дымъ. Ив. Тургенева. Изданіе братьевъ Салаевыхъ. Москва. 1868 г. 8°.

За границей въ Лейпцигѣ, изданы: „Отцы и дѣти“, „Дымъ“, „Несчастная“ и „Дворянское гнѣздо“.

Взаключеніе остается прибавить, что большая часть сочиненій г. Тургенева переведены на языки Французскій, Нѣмецкій, Англійскій, Испанскій („Записки Охотника“) Голландскій, Шведскій, Чешскій, Сербскій и Венгерскій *).

Довольно полный библіографическій перечень сочиненій г. Тургенева, пере-

*) Исключая двухъ отрывковъ „Воспоминаніе о Бѣлинскомъ“ и Литературный вечеръ у Плетнева“ напечатанныхъ, первый въ „Вѣстникѣ Европы“, а второй въ “Русскомъ Архивѣ“.

*) Это свѣдѣніе о переводахъ сообщено намъ самимъ авторомъ въ письмѣ изъ Баденъ-Бадена отъ 5/17 Іюня 1869 г.

веденныхъ на иностранные языки, помѣщенъ въ каталогѣ Базунова, составленномъ г. Межевымъ на стр. 901 и 902.

П. Библіографъ.

16-го Октября 1870 г. Казань.

ГОЛОСЪ ИЗЪ ИРКУТСКА ПО ПОВОДУ КОНЧИНЫ С. А. СОБОЛЕВСКАГО.

Какъ громомъ пораженъ я былъ, прочтя на заглавномъ листѣ Русскаго Архива (1870, тетрадь XI): Некрологъ С. А. Соболевскаго! И такъ предсказаніе его, при проѣздѣ моемъ чрезъ Москву весною 1868-го года, сбылось! Не увидимся мы болѣе, сказалъ онъ мнѣ при прощаніи. Не стало сего рѣдчайшаго и удивительнѣйшаго человѣка; смолкли на вѣки умнѣйшія уста. Сердце еще слишкомъ болитъ при мысли объ его кончинѣ, чтобъ я въ состояніи былъ распространяться въ похвалахъ его личности, про которую (на оборотъ общаго правила) при жизни слишкомъ мало говорили, а послѣ смерти заговорятъ многіе. Но вотъ причина, почему я берусь за перо: въ некрологѣ Русскаго Архива сказано, что Соболевскій родился въ 1804-мъ году. Но ошибка-ли это? По моему, онъ родился въ 1801-мъ году, и вотъ на чемъ я основываюсь.

Покойникъ часто подшучивалъ надъ моею женою, называя ее ровесницею себѣ по годамъ, т. е., прибавлялъ онъ, я старѣе васъ однимъ десяткомъ, но это пусть останется между нами; жена-же моя родилась въ 1811 году.

Другое доказательство: въ прошломъ году я ему послалъ, для пересмотра, написанную мною краткую его біографію, которую я намѣренъ помѣстить въ составляемомъ мною словарѣ о Россіи, и въ ней я означилъ, что онъ родился въ 1801-мъ году. На это онъ мнѣ не сдѣлалъ никакого возраженія въ бывшей между нами перепискѣ. Послѣднее его ко мнѣ письмо получено мною около мѣсяца тому назадъ, стало-быть написано за нѣсколько только дней до его кончины; оно содержитъ нѣсколько библіографическихъ справокъ, по обыкновенію его двѣ-три шутки, и весь тонъ его показывалъ самое спокойное настроеніе духа.

Вѣчная память нашему другу: онъ ея вполнѣ заслужилъ. Могила его не многими посѣтится, лицемѣрію и любопытству не за-чѣмъ къ ней подходить; но придутъ поклониться праху усопшаго искренніе друзья, вѣрные цѣнители его высокой души, рѣдкихъ и многостороннихъ его качествъ.

Графъ А. Растопчинъ.

Иркутскъ. 26 Ноября 1870.

ПОПРАВКА.

Къ стр. 177, св. отецъ Григорій Палама жилъ не въ V-мъ, а въ XIV вѣкѣ.

ТРЕТЬЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Екатерина Первая, статья *В. В. Андреева.*

Восемь собственноручныхъ писемъ *императрицы Анны Іоанновны* (къ А. М. Кодозавлевой, Е. И. Пашкову и А. И. Остерману).

Изъ дѣла о присвоеніи В. К. Тредьяковскимъ гренадерской жены.

Выписки изъ архива канцеляріи Прибалтійскаго ген.-губернатора.

Ванька-Каинъ. Статья *Г. В. Есипова.*

Свѣдѣнія о первыхъ пособникахъ Екатерины II-й, статья *М. Н. Лонгинова.*

Свѣдѣнія, новыя письма и бумаги, касающіяся Екатерины II-й и ея царствованія.

Письма князя *А. Б. Куракина, Великаго Князя Павла Петровича и Великой Княгини Маріи Ѳеодоровны* къ Ѳ. И. Вадковскому.

Частное письмо о первыхъ дняхъ царствованія Павла Петровича.

Изъ бумагъ Е. И. Нелидовой. Переписка *императора Павла Петровича и императрицы Маріи Ѳеодоровны* съ *Е. И. Нелидовой.*

Письмо о кончинѣ Вольтера, доставленное императ. Екатеринѣ съ предис. *Евг. Ег. Скайлера* (Американскаго консула въ Москвѣ).

Былое изъ Пугачевщины, разсказъ *Аскалона Труворова.*

ЧЕТВЕРТАЯ КНИГА

ОСМНАДЦАТАГО ВѢКА.

Рескрипты и указы (151) Императора *Петра I-го* къ Лифляндскимъ генералъ-губернаторамъ: Полонскому, князю Голицыну и князю Репнину. 1711—1724.

Изъ подлинныхъ бумагъ Елизаветинскаго царствованія (Сообщено профессоромъ *С. М. Соловьевымъ*).

1. Выписки изъ перлюстраціи 1748 и 1749 г.

2. Записка *Бестужева* объ его ссорѣ съ Тепловымъ.

Послѣдній король Польскій въ Гроднѣ и Литва въ исходѣ XVIII вѣка. Статья *М. Ѳ. де-Пуле,* написанная на основаніи бумагъ, найденныхъ въ архивѣ Виленскаго генералъ-губернатора.

Первые дни Екатерининскаго царствованія. Извлечено изъ подлинныхъ бумагъ *В. И. Ламанскимъ.*

Четыре манифеста о восшествіи на престолъ Екатерины II-й и о кончинѣ Петра III-го.

Антидотъ (Противоядіе). Полемическое сочиненіе *Екатерины II-й,* или разборъ книги аббата Шаппа д'Отероша о Россіи.

Современный журналъ о пребываніи въ Казани Императора Павла I-го.

Разсказъ очевидца о посѣщеніи Императоромъ Павломъ I-мъ города Владиміра на Клязьмѣ.

Бумага князя *Лопухина* и два рескрипта Императора *Павла I-го* къ Владимірскому губернатору Руничу о Зубовыхъ (Сообщено графомъ *Д. Н. Толстымъ*).

Ода Императору Павлу I-му, *Степана Руссова,* съ предисловіемъ *М. И. Семевскаго.*

Приложенъ подробный азбучный указатель къ III и IV книгамъ Осмнадцатаго Вѣка.

Книги «Осмнадцатаго Вѣка» выходятъ безсрочно и продаются, каждая отдѣльно, въ Москвѣ на Мясницкой № 7 въ Чертковской библіотекѣ.

Вышли первыя четыре книги «Осмнадцатаго Вѣка». Цѣна первой— 2 руб. 50 коп., второй, третьей и четвертой — по 3 р. Пересылка каждой — за три фунта.

РУССКІЙ АРХИВЪ

1871

(ДЕВЯТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ)

Русскій Архивъ, посвященный историческому изученію нашего отечества, преимущественно въ XVIII и XIX столѣтіяхъ, выходитъ въ 1871 году на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и первыя восемь лѣтъ.

Цѣна годовому изданію Русскаго Архива 1871 года (12 тетрадей котораго составятъ до 2000 и свыше страницъ четкой печати), какъ въ Москвѣ и Петербургѣ съ доставкою на домъ, такъ и съ пересылкою гг. иногороднымъ подписчикамъ

Семь рублей.

Желающіе получать Русскій Архивъ въ 1871 году доставляютъ или высылаютъ эти **семь** рублей съ приложеніемъ четко написаннаго мѣста своего жительства — *въ Москву, въ Чертковскую библіотеку, на Мясницкой № 7-й, издателю Петру Ивановичу Бартеневу.*

Можно подписываться также въ С.-Петербургѣ въ книжномъ магазинѣ *А. Ө. Базунова* на Невскомъ, и въ Москвѣ, въ книжномъ магазинѣ *И. Г. Соловьева,* на Страстномъ бульварѣ.

Тетради Русскаго Архива отдѣльно не продаются.

За перемѣну адреса уплачивается 10 к. или почтовая марка, при чемъ просятъ непремѣнно сообщать прежній адресъ или нумеръ перемѣняемаго адреса.

Лица, проживающія въ чужихъ краяхъ, къ вышепоказанной цѣнѣ прибавляютъ: для Германіи и Бельгіи— **1** р. **50** к., для Франціи—**2** р., для Англіи — **2** р. **50** к., для Швейцаріи и Италіи — **3** р.

Для подписчиковъ Русскаго Архива, не имѣющихъ «Осмнадцатаго Вѣка», на внутренней сторонѣ этой обертки напечатано содержаніе первыхъ четырехъ книгъ этого историческаго сборника. Выписывающіе его вмѣстѣ съ Русскимъ Архивомъ за пересылку ничего не прилагаютъ.

Составитель и издатель Русскаго Архива: **Петръ Бартеневъ.**